„Русскій Странникъ“. — Евгеній Львовъ.

ПО СТУДЕНОМУ МОРЮ

ПОѢЗДКА НА СѢВЕРЪ.

Ярославль, Вологда, Архангельскъ, Мурманъ, Нордъ-Капъ, Тронгеймъ, Стокгольмъ, Петербургъ.

Съ тридцатью рисунками съ натуры исполненными художниками К. А. Коровинымъ и В. А. Серовымъ.

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій пер., домъ Мамонтова
1895

ПО СТУДЕНОМУ МОРЮ.

„Русскій Странникъ". — Евгеній Львовъ.

Кочетов

ПО СТУДЕНОМУ МОРЮ

ПОѢЗДКА НА СѢВЕРЪ.

Ярославль, Вологда, Архангельскъ, Мурманъ, Нордъ-Капъ, Трондгеймъ, Стокгольмъ, Петербургъ.

Съ тридцатью рисунками съ натуры исполненными художниками К. А. Коровинымъ и В. А. Сѣровымъ.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій пер., домъ Мамонтова
1895

I

НЕОБХОДИМОЕ ВВЕДЕНІЕ.

Мнѣ поневолѣ приходится начать описаніе моего путешествія съ маленькаго пояснительнаго предисловія. У каждаго непремѣнно есть свой конекъ, своя страсть. Я, напримѣръ, при страсти путешествовать, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, гордился не своими странствіями по бѣлу свѣту, а тѣмъ, что въ качествѣ русскаго человѣка и „Русскаго Странника" изъѣздилъ и изучилъ всю Россію отъ сѣвера до Ленкорани, отъ Ташкента до Царства Польскаго, отъ Тобольска и Урала до Остзейскаго края. Но при всемъ этомъ у меня оказывался значительный пробѣлъ: я никогда не былъ ни въ Вологдѣ, ни въ Архангельскѣ, не имѣлъ понятія ни о Сѣверной Двинѣ, ни о Соловкахъ и Бѣломъ морѣ, и съ каждымъ годомъ, съ каждымъ часомъ этотъ пробѣлъ становился мнѣ все больнѣе и ощутительнѣе, чтò и понятно. Тотъ, кто мало-мальски знаетъ и любитъ Россію, кто прислушивается и приглядывается къ ея духовной жизни,—не будетъ спорить, что она за послѣдніе годы удивительно растетъ. Писать объ этомъ мимоходомъ нельзя, но всякій изъ насъ, навѣрное, знаетъ массу фактовъ,

безапелляціонно свидѣтельствующихъ о томъ, что на Руси начинаетъ разрастаться самопознаніе и понятіе о государственномъ благѣ, какъ о суммѣ всѣхъ частныхъ, личныхъ благъ, вмѣстѣ взятыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и чувство разумнаго и сознательнаго патріотизма. И вотъ проявленіе всего этого тѣсно связано съ возрастаніемъ среди насъ интереса къ нашему дальнему Востоку и дальнему Сѣверу, интереса, мало-по-малу захватывающаго все русское общество. Въ самомъ дѣлѣ, лѣтъ 15 назадъ мы желали и считали совершенно достаточнымъ для нуждъ государства расширеніе дѣятельности нашихъ черноморскихъ и балтійскихъ портовъ; но теперь жизнь и ея потребности такъ разрослись, что на Балтійское и Черное моря мы уже поневолѣ смотримъ, какъ на моря, въ которыхъ намъ не только тѣсно, но въ которыхъ насъ могутъ замкнуть въ самую тяжелую для насъ минуту, такъ что флотъ нашъ во время войны будетъ даже внѣ возможности показать себя съ какой бы то ни было стороны. Мы уже сознаемъ, что наше крейсерство, при такихъ условіяхъ, развиться не можетъ, что нашъ торговый флотъ не увеличивается не столько отъ нашей косности и неспособности къ морскому дѣлу, сколько, главнымъ образомъ, во имя условій и обстоятельствъ, для большаго государства совершенно невозможныхъ, и что, напротивъ, у насъ наши сѣверные поморы, въ количествѣ десятковъ тысячъ чистокровныхъ потомковъ выходцевъ изъ Великаго Новгорода, такіе закаленные ледянымъ моремъ, смѣлые и страстные моряки, что имъ, при хорошей школѣ, нѣтъ равныхъ,—для себя и родины пропадаютъ почти даромъ. Еле влача существованіе въ виду замерзаемости Бѣлаго моря, отсутствія скораго и правильнаго подвоза хлѣба въ безхлѣбную Архангельскую губернію и прекращенія дѣятельности Архангельскаго порта, нашъ торговый флотъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ не можетъ существовать самостоятельно уже по той простой причинѣ, что торговыя суда только тогда даютъ барыш[illegible] получаютъ фрахтъ *туда* и *обратно*, а между тѣмъ, чер[illegible]рскіе порты, давая огромный (хлѣбный) вывозъ, за исключеніемъ Одессы, почти ничего ввознаго съ юга не потребляютъ, балтійскіе же со-

вершенно обратно: притягивая массы заграничныхъ товаровъ въ порты Петербургскій, Либавскій, Ревельскій и Рижскій, сами даютъ очень мало, такъ какъ большая часть вывоза нашего на западѣ и юго-западѣ идетъ по западнымъ и юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ.

Словомъ, теперь уже никто не споритъ, что такому обширному государству, какова Россія, для его правильнаго, успѣшнаго роста и процвѣтанія, для его военнаго и торговаго флота необходимо открытое море, хорошіе порты, въ которыхъ мы не можемъ быть ни затерты льдами, ни заперты непріятелемъ. Такіе порты есть у насъ несомнѣнно, и первый изъ нихъ Владивостокъ, а другіе *могутъ быть,* если только Россія оглянется на свою недавнюю исторію и въ данномъ случаѣ пойдетъ по стопамъ великаго Петра къ Ледовитому океану, такъ какъ сѣверо - западная часть Мурманскаго берега изрѣзана бухтами, подъ часъ весьма удобными для стоянокъ цѣлаго флота и, благодаря гольфстрему, отчасти совсѣмъ не замерзающими. Повторяю, что все это въ послѣднее время сознается русскимъ обществомъ, вслѣдствіе чего сооруженіе желѣзнаго пояса, имѣющаго соединить центральную Россію съ Владивостокомъ, горячо привѣтствуется русскими людьми, какъ одно изъ величайшихъ дѣяній увы уже минувшаго царствованія. Но и этотъ гигантскій шагъ оказывается только первымъ, за коимъ имѣютъ послѣдовать и другіе въ томъ же направленіи. Вскорѣ послѣ заключенія русско германскаго договора у насъ стало извѣстно, что высшее правительство серьезно намѣрено обратить вниманіе на нашъ сѣверъ, что не только проведеніе желѣзной дороги отъ Вологды на Архангельскъ вопросъ окончательно рѣшенный, но что и вмѣстѣ съ тѣмъ верховное правительство озабочено проведеніемъ другихъ желѣзныхъ дорогъ и изысканіемъ удобной, незамерзающей бухты на Мурманѣ, куда тоже будетъ проведена желѣзная дорога. Такимъ образомъ будетъ осуществлена мысль, высказанная въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ еще 25 лѣтъ назадъ, когда Его Величество, будучи еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ качествѣ предсѣдателя комитета, на который въ 1868 г. Императоромъ Алек-

сандромъ II возложены были попеченія объ облегченіи архангельскаго голода, указалъ на необходимость, во избѣжаніе повторенія подобныхъ несчастій и для правильнаго развитія обширнаго края, соединить нашъ сѣверъ желѣзными дорогами съ центральной Россіей. А въ концѣ прошлаго мая стало извѣстно, что министръ финансовъ С. Ю. Витте въ исполненіе Высочайшей воли отправляется черезъ Вологду по Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ въ Архангельскъ, а оттуда объѣдетъ Мурманскій берегъ и вернется въ Петербургъ черезъ Ледовитый океанъ, Швецію, Норвегію и Балтійское море. Такого втораго блестящаго случая въ смыслѣ удобства и быстроты перемѣщенія по далекому сѣверу ожидать было мудрено, почему я и обратился къ Сергѣю Юльевичу съ просьбой принять и меня въ число членовъ экспедиціи. Онъ согласился, но прибавилъ: „Вы поѣдете просто, какъ туристъ, коему я, какъ знакомый, доставлю случай сравнительно удобно осуществить его понятное желаніе лично ознакомиться съ нашимъ сѣверомъ. Пишите ваши личныя впечатлѣнія, наконецъ, внѣшнюю сторону нашей поѣздки, но примите во вниманіе, что для меня корреспондентъ какъ таковой при мнѣ лично не только не нуженъ, но и стѣснилъ бы меня въ моихъ занятіяхъ и дѣятельности“. Я, разумѣется, согласился съ благодарностью, тѣмъ болѣе что поѣздка министра представляла нарочито особый интересъ, такъ какъ имѣла спеціальную цѣль призыва къ жизни исконнаго русскаго края съ энергичнымъ и предпріимчивымъ населеніемъ, но края забытаго, и предпринималась въ наиболѣе интересный моментъ пробужденія его въ экономическомъ смыслѣ. Было время, когда объ этомъ краѣ заботились: Іоаннъ Грозный въ лучшее время своего царствованія пекся о немъ и жаловалъ земли Печенгскому монастырю, чтобы обезпечить средства его существованія. Петръ Великій обращалъ, до основанія Петербурга, особое вниманіе на нашъ сѣверъ; неоднократно побывавъ въ Архангельскѣ, былъ 2 раза и на Мурманѣ. Въ жизни Архангельска было нѣсколько періодовъ процвѣтанія и упадка, и не далѣе какъ въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія раіонъ экономическаго вліянія

архангельскаго порта распространялся на югъ до Тулы и Тамбова.

До 1855 года Архангельскъ представлялъ собою, кромѣ того, военный портъ, хотя и не самостоятельный, но какъ бы вспомогательный, на тѣхъ же основаніяхъ какъ Ревель и Гельсингфорсъ служили вспомогательными портами для Кронштадта. Но въ 1855 году военный портъ въ Архангельскѣ былъ закрытъ, что нанесло ему жестокій ударъ.

Но еще большій ударъ ему нанесло проведеніе желѣзнодорожной сѣти въ средней Россіи по направленію къ портамъ Балтійскаго и Чернаго морей Это расширеніе сѣти, совершенно не коснувшееся нашего сѣвера и бассейна Двины, все болѣе и болѣе суживало и сокращало размѣры раіона Архангельскаго пути и въ послѣдніе годы привело оборотъ его торговли къ минимуму.

Усопшій Императоръ Александръ III горячо любилъ нашъ сѣверъ. Еще будучи наслѣдникомъ престола въ 1867 году, почившій монархъ, какъ выше сказано, находилъ, что необходимо провести желѣзную дорогу на сѣверъ Россіи; но по многимъ серьезнымъ причинамъ до послѣдняго времени ничего не было для сего сдѣлано. Однако минувшею зимою дошла очередь и до забытаго повидимому сѣвера; по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ съ Высочайшаго соизволенія учреждена коммиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Перцова для выясненія, какую желѣзную дорогу въ настоящее время наиболѣе необходимо провести на сѣверѣ. Коммиссія пришла къ заключенію, что при громадномъ пространствѣ нашего европейскаго сѣвера и при разнообразіи интересовъ отдѣльныхъ его раіоновъ (Архангельскъ и Мурманъ) одною дорогою нельзя удовлетворить всѣмъ потребностямъ, а надо строить три: 1) Вологдо-Архангельскую, 2) Пермь-Котласскую и 3) дорогу отъ Петербургскаго порта и г. Кеми на Бѣлое море и далѣе къ одной изъ незамерзаемыхъ гаваней на Мурманѣ. Затѣмъ дѣлу былъ данъ ходъ съ небывалой скоростью: линія Вологдо-Архангельская разрѣшена къ постройкѣ въ ту же сессію; а по линіи Пермь-Котласской разрѣшено производство изысканій съ тѣмъ

чтобы къ постройкѣ приступить при первой же возможности. Линія Петербургъ-Мурманская, какъ затрогивающая гораздо болѣе сложные интересы, еще остается въ періодѣ обсужденія, но есть надежда, что, дастъ Богъ, осуществленіе этой линіи не за горами.

Такимъ образомъ, благодаря высокой симпатіи покойнаго Государя къ интересамъ нашего сѣвера и энергіи его сподвижниковъ, было сдѣлано въ нѣсколько мѣсяцевъ болѣе, чѣмъ прежде въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Извѣстіе о сооруженіи этихъ дорогъ встрѣчено на сѣверѣ Россіи съ полнымъ восторгомъ, особенно сооруженіе линіи Пермь-Котласъ, такъ какъ она даетъ сѣверу въ избыткѣ хлѣбъ даже для вывоза и возвращаетъ Архангельску то счастливое время, когда онъ былъ крупнымъ экспортнымъ портомъ; мало того, обѣщаетъ расширить до небывалыхъ размѣровъ раіонъ Архангельскаго порта, какъ это будетъ видно ниже. Но желѣзными дорогами не ограничиваются однѣ нужды и потребности сѣвера; есть еще много и другихъ. Къ тому же толчокъ, данный экономической жизни сѣвернаго края проведеніемъ такихъ важныхъ линій какъ Архангельско-Вологодской и Пермь-Котласской, вызоветъ много другихъ насущныхъ вопросовъ, требующихъ скораго разрѣшенія. Словомъ, министръ финансовъ предпринималъ свою поѣздку, чтобъ близко ознакомиться со всѣми нуждами и потребностями нашего сѣвера, чтобъ имѣть затѣмъ возможность сознательно съ знаніемъ края относиться ко всѣмъ другимъ мѣстнымъ вопросамъ, дабы тѣмъ легче содѣйствовать пробужденію и развитію экономической жизни этой огромной территоріи, занимающей чуть не треть Европейской Россіи, имѣющей всѣ задатки для быстраго преуспѣянія, но покоившейся долгое время сномъ не по своей винѣ, а нынѣ стремящейся наверстать потерянное время.

Повторяю, посѣтить сѣверъ въ такой исключительный моментъ было поучительно и интересно. Это двадцати-трех-дневное путешествіе, въ теченіе коего мы провели на землѣ въ отдыхѣ и сравнительномъ покоѣ всего менѣе трехъ сутокъ, считая тутъ первую остановку въ Архангельскѣ и послѣднюю

въ Стокгольмѣ, буквально очаровало меня, указавъ на новые горизонты для Россіи, на наши успѣхи, богатство и силу на сѣверѣ, здѣсь у насъ почти неизвѣстные. Какое же значеніе придаютъ сѣверяне поѣздкѣ царскаго посланца, доказывалъ ихъ сплошной восторгъ, выказываемый по всему нашему пути. Всюду въ кликахъ массы народа, въ рѣчахъ мѣстныхъ представителей и въ церквахъ — въ молебнахъ за здравіе и благоденствіе Государя Императора, коими насъ встрѣчали, слышалась и звучала самая искренняя благодарность давно заброшеннаго русскаго сѣвера, нынѣ призываемаго къ жизни по волѣ Государя. Въ городѣ Тотьмѣ живетъ на покоѣ Наѳанаилъ, епископъ бывшій архангельскій. Судя по отзывамъ лицъ его знающихъ и его ученымъ работамъ, владыка человѣкъ большой энергіи и знаній. Тотьму мы прошли ночью въ сильный дождь, вслѣдствіе чего престарѣлый епископъ не могъ быть на пристани, но взамѣнъ онъ прислалъ свертокъ и письмо на имя вологодскаго губернатора, сопровождавшаго министра. Видѣнное мною письмо такъ характерно выставляетъ надежды сѣверянъ, что я упомянуть о немъ считаю не лишнимъ.

„...Позвольте хартіею малою просить васъ, пишетъ владыка, не найдете ли желательнымъ, умѣстнымъ и своевременнымъ отъ города ввѣренной вамъ губерніи поднести его высокопревосходительству прилагаемый при семъ мой трудъ, начатый въ Архангельскѣ, продолжаемый въ Тотьмѣ: Атласъ Архангельской епархіи, общую карту складную и брошюрку о Новой Землѣ“. Затѣмъ епископъ вспоминаетъ Петра Великаго, который искалъ сначала моря на сѣверѣ. Онъ задумалъ построить первоклассную крѣпость Сѣверо-Двинскую, устроить военный портъ на Новой Землѣ, открыть морской путь для соединенія Европы съ Карскимъ моремъ, Сибирью и ея рѣками, устроить каботажный портъ въ Архангельскѣ на берегахъ русскаго моря, построить много десятковъ кораблей русскими мастерами, изъ русскихъ матеріаловъ, для торговли русскими произведеніями и издѣліями съ англичанами, голландцами и нѣмцами заграницею въ ихъ странахъ. Въ Тотьмѣ хранится его шейный крестъ съ золотою цѣпочкою

и сердоликовою ладонкою въ видѣ сердца. Это было въ 1694 году. И вотъ, ровно черезъ двѣсти лѣтъ снова вспомянутъ сѣверъ. „Прошедшее, говоритъ епископъ Наѳанаилъ, не имѣетъ ли живой связи съ настоящимъ? Не есть ли это дѣло Премудраго Промысла, руководящаго нашимъ великимъ Монархомъ ко благу русскаго сѣвера и всей Россіи и Сибири?!...“

——— × ———

II

ОТЪ ЯРОСЛАВЛЯ ДО ВОЛОГДЫ.

Я выѣхалъ изъ Москвы 11-го іюня и встрѣтилъ министра въ 4 часа дня въ Ярославлѣ, на волжской пристани. С. Ю. Витте выѣхалъ изъ Петербурга на Рыбинскъ и пріѣхалъ въ Ярославль съ лицами ему сопутствующими и ярославскимъ губернаторомъ на казенномъ пароходѣ. На пристани собралось кромѣ оффиціальныхъ представителей не мало народа, и вообще встрѣча была теплая, да и не мудрено: о цѣли поѣздки министра распространились уже слухи въ печати, при чемъ городъ Ярославль считалъ себя въ ней отчасти заинтересованнымъ, и это, дѣйствительно, скоро подтвердилось. За обѣдомъ, принятымъ министромъ отъ Общества Московско-Ярославской желѣзной дороги, какъ говорятъ, по желанію министра (рѣчей не долюбливающаго), спичей произнесено не было, но С. Ю. Витте, тотчасъ послѣ тоста за Государя, пожелалъ городу Ярославлю большаго преуспѣянія, добавивъ, что это, по его мнѣнію, настанетъ тогда, когда городъ будетъ „непосредственно связанъ съ моремъ". Смыслъ этого пожеланія объяснился на другой день, когда мы уже въ Вологдѣ узнали, что наканунѣ состоялось Высочайшее повелѣніе о проведеніи желѣзной дороги отъ Вологды до Архангельска. Постройка эта предоставлена Обществу Ярославской желѣзной дороги, уже положившему ей начало сооруженіемъ вѣтви отъ Ярославля въ Вологду, при чемъ обѣ дороги по примѣру первой будутъ узкоколейныя и приблизительно одного и того

же типа. Такимъ образомъ, Ярославль, уже соединенный съ верхнимъ и нижнимъ поволжьемъ въ силу своего прибрежнаго положенія и связанный съ Москвой желѣзной дорогой, соединится и съ Архангельскомъ и всѣмъ сѣвернымъ поморьемъ и въ такой способъ сдѣлается узломъ, изъ котораго въ разныя стороны потекутъ дары Сѣвера, и въ то же время главнымъ этапомъ между Петербургомъ — съ одной, и Москвою—съ другой стороны. Что возвращеніе Ярославля къ его старинному положенію, но при болѣе современныхъ и усовершенствованныхъ путяхъ передвиженія, отзовется на благосостояніи города и края, въ этомъ усомниться трудно [1]).

Возвращаясь къ обѣду, на которомъ присутствовали губернаторъ и представители земства и города, нельзя не сказать, что онъ благодаря внимательности и разспросамъ министра, щеголялъ особымъ дѣловымъ одушевленіемъ, хотя съ другой стороны къ немалой досадѣ его устроителей немного пострадалъ въ смыслѣ кулинарномъ, благодаря тому, что министръ, по пріѣздѣ на пристань прямо отправившійся обозрѣвать городъ, такъ заинтересовался его святынями и торговыми учрежденіями, что къ ужасу поваровъ опоздалъ къ обѣду почти на полтора часа.

Что же касается Ярославля, то нельзя не пожелать всяческаго преуспѣянія этому древнему, историческому городу, горделиво глядящемуся съ высокихъ береговъ своими древними храмами въ весьма широкую и красивую въ этомъ мѣстѣ Волгу.

Въ Ярославлѣ, кромѣ торговыхъ заведеній и учрежденій общихъ нашимъ губернскимъ городамъ и потому мнѣ, напримѣръ, мало интересныхъ, есть не мало любопытнаго и поучительнаго.

Ярославль, начало коего приписывается исторіей великому

---

[1]) При Іоаннѣ Грозномъ, послѣ пріѣзда Ченслера и открытія торговыхъ сношеній съ Англіей чрезъ Бѣлое море, Ярославль уже былъ подобно Вологдѣ крупнымъ этапомъ для англійскихъ и московскихъ товаровъ, но иностранцы, здѣсь торговавшіе послѣ основанія Петербурга, закрыли свои здѣшнія конторы, ибо ввозъ иностранныхъ товаровъ чрезъ Архангельскій портъ въ то время сошелъ почти на нѣтъ.

князю Ярославу, будто бы убившему въ дремучемъ бору, на семъ мѣстѣ стоявшемъ, медвѣдя желѣзной сѣкирой и, въ память этого событія, повелѣвшему быть здѣсь городу, имѣющему гербомъ медвѣдя съ сѣкирой или алебардой, подобно Ростову Великому, сумѣлъ не только сохранить свои древнія святыни, но и своеобычный, почтенный и полный степеннаго достоинства видъ, отражающійся не только на его зданіяхъ, но и на всемъ его обиходѣ. Жизнь здѣсь начинается рано утромъ и кончается рано вечеромъ и имѣетъ, очевидно, общимъ девизомъ тишь да гладь, да Божью благодать. Пріѣхавъ въ воскресенье, вы рискуете остаться безъ извозчика, такъ мало выѣзжаетъ ихъ на вокзалъ въ праздничные дни. За то его древніе храмы, коихъ благолѣпіе, старинная живопись ихъ стѣнъ и число поражаетъ васъ даже больше, чѣмъ на Москвѣ, въ праздники полны народомъ. Улицы города довольно людны, но не шумны; прохожіе степенны. По весьма сносной мостовой, утромъ, то и дѣло попадаются довольно-таки старинныя дрожки и калибры, но запряженныя дорогими рысаками. Обладатели ихъ крупные купцы, съ достоинствомъ глядя прямо передъ собою, не наклоняя и не оборачивая головы, снимаютъ приподнимая надъ собой картузы, на что имъ отвѣчаютъ тѣмъ же и такъ же сидящіе за чаемъ или за традиціонными шашками на стульяхъ и ящикахъ у дверей своихъ лавокъ купцы-хозяева и приказчики. Священники съ посохами и въ шляпахъ стариннаго вида, купчихи въ лѣтнихъ, давно уже не видимыхъ по фасону салопахъ; внѣшность домовъ, внутреннее устройство, впрочемъ, весьма порядочныхъ гостинницъ съ ихъ чугунными лѣстницами, раздѣляющими ихъ на двѣ равныя части, все это напоминаетъ о томъ доэмансипаціонномъ и до-желѣзнодорожномъ еще недавнемъ, но уже почти всюду въ провинціальныхъ нашихъ центрахъ слинявшемъ добромъ времени, когда жизнь въ нашихъ губерніяхъ принимала менѣе патріархальный и болѣе оживленный и европейскій характеръ только въ три года разъ, зимой на какой нибудь мѣсяцъ, въ періодъ дворянскихъ выборовъ. Вообще въ Ярославлѣ все дышетъ историческими воспоминаніями. Его

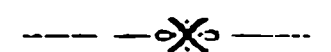
соборъ сплошь украшенъ живописью; въ немъ покоятся мощи благовѣрныхъ князей Василія и Константина. Отсюда изъ этихъ святыхъ стѣнъ послѣ молебствія князь Пожарскій повелъ свою рать на выручку плѣнной Москвы. Тутъ же находится Спасо-Преображенскій монастырь, давно, впрочемъ, упраздненный и превращенный въ архіерейскій домъ, окруженный высокой каменной оградой, въ коей помѣщается пять церквей. Монастырь этотъ основанъ въ началѣ XIII столѣтія. Въ 1609 году онъ безуспѣшно осаждался поляками. Въ мартѣ 1613 года прибылъ въ Ярославль съ матерью царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, прожилъ въ стѣнахъ монастыря почти весь апрѣль вмѣстѣ съ окружавшими его боярами и отсюда послалъ въ Москву грамоту, оффиціально извѣщавшую земскую думу о согласіи его на воцареніе.

Въ 1612 г. стояли въ Ярославлѣ дружины Минина и Пожарскаго; шесть лѣтъ ранѣе здѣсь же была водворена жена Лжедмитрія Марина (Мнишекъ); сюда же былъ въ 1742 г. сосланъ герцогъ Биронъ и прожилъ здѣсь съ семьей 19 лѣтъ. Впрочемъ, кромѣ древнихъ святынь, въ Ярославлѣ ничего фундаментальнаго не напоминаетъ о его древности. Даже гробницы его князей не сохранились; о старыхъ деревянныхъ стѣнахъ, защищавшихъ городъ, осталось одно воспоминаніе; нѣтъ и каменнаго кремля, теремовъ, старыхъ дворцовъ или другихъ древнихъ зданій.

Министръ пожелалъ выѣхать тотчасъ по обозрѣніи мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій, протянувшемся до темноты. Вологодскій вокзалъ очень не великъ, но чистенькій и уютный. Зданіе деревянное скромно помѣщается на зарѣчной сторонѣ, куда ѣдутъ на лодкахъ или на періодически передъ поѣздами отходящемъ туда пароходѣ. Мы выѣхали въ 11 часовъ вечера съ экстреннымъ поѣздомъ и, дабы прибыть въ Вологду не ранѣе 8-ми часовъ утра, постоянно уменьшали ходъ и кромѣ того простояли (по заранѣе составленному распредѣленію) три часа на станціи Даниловка. Вагоны (нашего по крайней мѣрѣ поѣзда) очень красивы и удобны. Путь ровный и, очевидно, содержится въ полномъ порядкѣ. Въ поѣздѣ находилось, понятно, кромѣ предсѣдателя правле-

нія С. И. Мамонтова, все мѣстное желѣзнодорожное начальство; скорость движенія можетъ быть развита до 50-ти и болѣе верстъ въ часъ, въ чемъ, конечно, здѣсь нѣтъ особой надобности, тѣмъ болѣе, что значеніе Вологодской дороги какъ теперь, такъ и при слитіи ея съ будущей Вологодско-Архангельской, и все ея призваніе и благополучіе вообще, повидимому, заключается въ поѣздахъ товарныхъ, а не пассажирскихъ или курьерскихъ.

Большая часть пути пролегаетъ по равнинѣ на столько низменной, что, не смотря на сухое время, мы часть ночи неслись словно по облакамъ, прорѣзая сплошной, довольно-таки сырой туманъ. Здѣсь, говорятъ, обширныя и прекрасныя пастбища имѣются въ изобиліи, и скотоводство процвѣтаетъ, составляя одну изъ главныхъ основъ благосостоянія мѣстныхъ жителей.

III

ВОЛОГДА И ОТЪ ВОЛОГДЫ ДО УСТЮГА ВЕЛИКАГО.

Въ Вологдѣ мы должны были сѣсть на пароходъ и продолжать путешествіе уже по водѣ вплоть до береговъ Норвегіи.

Ярославлемъ наглядно заканчивается средняя Россія, а здѣсь начинается сѣверная, со всѣми ея характерными примѣтами. Въ городѣ, построенномъ на болотистой равнинѣ, болѣе сорока каменныхъ церквей и, кромѣ дома губернатора, присутственныхъ мѣстъ и казенныхъ зданій, не мало старинныхъ каменныхъ домовъ. Основаніе Вологды относятъ къ началу XII вѣка. Составляя часть Заволочья, сперва заселеннаго Чудью, она не разъ служила яблокомъ раздора между Москвою и Новгородомъ, не разъ каравшимъ ее за тяготѣніе къ первой. Такимъ образомъ, начало обрусѣнію Вологодской области было, какъ гласятъ лѣтописи, положено Новгородцами, но уже въ первой половинѣ XIII вѣка въ краѣ владычествуютъ Ростовскіе князья, хотя и послѣ этого до XV в. Вологда постоянно именуется „Новгородскою волостью". Въ 1273 году она была раззорена нападеніемъ Тверскаго князя Святослава Ярославича, а около 1308 года Тверской же князь Михаилъ Ярославичъ пытается держать на Вологдѣ своего тіуна. Въ 1390 году Вологда раззоряется боярами великаго князя Василія Дмитріевича, которымъ помогаютъ Устюжане и Вятчане, а въ 1398 г. опять нападаютъ на Вологжанъ Новгородцы, изъ чего видно, что Вологодскій край въ это время не былъ еще

окончательно подчиненъ Московскимъ князьямъ и переходитъ изъ рукъ въ руки. Эти нападенія относятся къ періоду военныхъ дѣйствій въ западной и сѣверо-западной части Вологодскаго края: Великій князь воевалъ съ Новгородцами, отнимая у нихъ вологодскія владѣнія, а Новгородцы громили Кубенскія волости и села около Вологды. Въ царствованіе Василія Темнаго Вологда становится Московскимъ „заставнымъ“ городомъ. Борьба великаго князя Василія Васильевича съ дядей Юріемъ и его сыновьями Василіемъ и Димитріемъ Шемякою дорого обходится краю: сначала Василій, а потомъ Димитрій Шемяка берутъ Вологду, при чемъ послѣдній мститъ за преданность великому князю Василію. Только при Іоаннѣ III Вологда является вполнѣ уже Московской вотчиной, утративъ по смерти Андрея Васильевича въ 1481 г. послѣднюю независимость отъ Москвы. Періодъ времени съ Іоанна III до междуцарствія проходитъ для края сравнительно благополучно, характеризуется постепеннымъ развитіемъ въ немъ общаго Московскаго уклада и замѣтнымъ оживленіемъ торговой дѣятельности, въ особенности съ открытіемъ за это время пути къ Сибири. При Іоаннѣ Грозномъ, въ виду завязавшихся бѣломорскихъ торговыхъ сношеній съ Англіей, Вологда значительно разбогатѣла. Здѣсь были обширные склады заморскихъ товаровъ, сюда же свозились мѣха и другіе товары русскіе. Іоаннъ не только подолгу живалъ здѣсь и любилъ Вологду, но и задумалъ было перенесть сюда столицу Московскаго царства. Вообще Вологда полна воспоминаніями о многократныхъ посѣщеніяхъ Грознаго и Петра Великаго, пять разъ побывавшаго здѣсь во время своихъ поѣздокъ на сѣверъ [1]). Іоаннъ Грозный построилъ въ Вологдѣ Софійскій соборъ, церковь Феодора Стратилата и какія-то, теперь исчезнувшія подземелья, о сокровищахъ и ужасахъ коихъ здѣсь ходятъ преданія, а послѣ Петра остался домикъ, въ коемъ великій преобразователь Россіи прожилъ нѣсколько дней въ

---

[1]) Это стремленіе къ оживленію нашего сѣвера со стороны всѣхъ наиболѣе выдающихся русскихъ царей, начиная съ Грознаго и кончая въ Бозѣ почившимъ государемъ, по истинѣ замѣчательно.

одинъ изъ своихъ пріѣздовъ. Домикъ этотъ, помѣщающійся на берегу Вологды и возобновленный десять лѣтъ назадъ, находится въ завѣдываніи губернскаго предводителя; при немъ состоитъ нѣсколько инвалидовъ. Въ домикѣ содержатся предметы домашней обстановки и большая его половина превращена въ музей, гдѣ хранятся монеты, книги, оружіе и документы петровскаго времени. Министръ, посѣтивъ домикъ, обратилъ особое вниманіе на книгу начала XVIII вѣка, подъ заглавіемъ „Торгъ", и такъ заинтересовался ею, что просилъ губернатора прислать ее на короткое время въ Петербургъ для ближайшаго съ ней ознакомленія.

Въ Вологдѣ болѣе 10-ти лѣтъ проживалъ талантливый русскій поэтъ Батюшковъ, какъ извѣстно, сошедшій съума и умершій здѣсь въ шестидесятыхъ годахъ.

Благодаря преимущественно желѣзной дорогѣ и впаденію рѣки Вологды въ Сухону, изъ Вологды (до лѣтняго спада водъ на Вологдѣ) сплавляются въ Архангельскъ милліоны пудовъ хлѣба и льна, а съ другой стороны отправляютъ въ центральную Россію массу краснаго лѣса и молочные продукты.

Въ 10 часовъ мы были уже на пристани, куда вскорѣ пріѣхалъ и Министръ, вмѣстѣ съ губернаторомъ обозрѣвавшій городъ. Мы размѣстились на пароходѣ „Николай", который въ одиннадцатомъ часу, при благожеланіи провожавшихъ, отчалилъ отъ берега. Цѣлый день хмурилось, шелъ дождь, тѣмъ не менѣе пологіе, луговые, порой покрытые лѣсомъ берега не широкой Вологды такъ красивы, что не хотѣлось сойти съ палубы, а вскорѣ послѣ полудня мы вошли въ Сухону, здѣсь порожистую, порой съ гористыми обрывистыми берегами, капризную, съ быстрымъ теченіемъ, перемѣнчивымъ фарватеромъ и передвижными отмелями.

На другой день къ семи часамъ вечера мы прибыли въ Устюгъ Великій, родину Стефана Пермскаго.

Вообще сказанія о подвигахъ Устюжанъ составляютъ, по правильному мнѣнію вологжанъ, самую любопытную и славную страницу исторіи Вологодскаго края. Въ то время какъ Вологда всюду играетъ второстепенную роль, подвергается раззореніямъ то какъ волость Новгородская, то какъ отчина

Московская, во время междоусобій между Новгородомъ, Тверью и Москвою въ XIII, XIV и первой половинѣ XV вѣковъ, Устюгъ Великій напротивъ дѣйствуетъ самостоятельно; при этомъ онъ постоянно во враждѣ не только со всѣми сосѣдями, но даже и со своей метрополіей—Новгородомъ. Затѣмъ, начиная съ 1608 года, города вологодскіе и устюжскіе принимаютъ дѣятельное участіе, сперва въ поддержаніи царя Василія Іоанновича Шуйскаго и законнаго порядка, а потомъ въ освобожденіи Россіи отъ поляковъ. Во время осады Троицко-Сергіевской Лавры Сапѣгою и пребыванія втораго самозванца въ Тушинскомъ лагерѣ, шайки вооруженныхъ польскихъ бродягъ и русскихъ воровъ разсыпались всюду и даже проникали въ Сѣверо-двинскій бассейнъ. Воевода Вологодскій Никита Пушкинъ, опасаясь конечнаго истребленія и грабежа города, началъ приводить жителей къ присягѣ самозванцу; послѣдніе повиновались изъ страха, но и это малодушіе не спасло ихъ отъ раззоренія. Между тѣмъ въ городѣ Устюгѣ думный дворянинъ Иванъ Стрешневъ и подъячій Шестой-Копнинъ собрали всѣхъ старшинъ, присяжныхъ и всѣхъ посадскихъ и волостныхъ крестьянъ Устюжскаго уѣзда и на общемъ совѣщаніи рѣшили: не признавать Лжедимитрія царемъ, не присягать ему, вооружиться всѣмъ поголовно и защищаться до послѣдней крайности. Къ Устюгу вскорѣ присоединилась и вся Усольская земля (край, лежащій по теченію Вологды), гдѣ въ особенности Строгановы не щадили своего имущества на наемъ и снаряженіе ратниковъ. Въ декабрѣ составилась уже сильная рать, съ появленіемъ которой польскія шайки удалились изъ Вологодскаго края, и жители Вологды снова присягнули въ вѣрности Шуйскому. Мѣстное поголовное возстаніе на враговъ отечества и порядка, въ Устюгѣ получившее свое начало, вскорѣ распространилось по всѣмъ городамъ Поморской и сѣверной областей, отъ Бѣлозерска до Перми и Сибири. Въ январѣ 1609 г. это ополченіе въ числѣ 5,000 человѣкъ съ огненнымъ снарядомъ, т. е. съ пищалями, двинулось къ Костромѣ, которую въ то время осаждалъ Лисовскій. Приближеніемъ своимъ Вологодское ополченіе заставило Лисовскаго удалиться, осво-

бодило Кострому и осадило Ипатьевскій монастырь, гдѣ засѣли приставшіе къ Лжедимитрію Костромскіе и Галицкіе дѣти боярскіе. Для начальства надъ ополченіемъ Шуйскій въ февралѣ отправилъ въ Вологду головъ: Полтева, Смирнаго и Свиньиныхъ. Отъ Костромы Вологжане двинулись на освобожденіе Сергіевской Лавры, но тѣмъ временемъ скопища поляковъ осадили Ярославль, и вологжане должны были обратиться на выручку этого города. Между тѣмъ многочисленная шайка поволжскихъ казаковъ и приставшаго къ нимъ всякаго сброда вторглась въ Вятскую землю и оттуда угрожала Усольскому краю. Для отвращенія этой опасности, Строгановы вооружили жителей поголовно, чѣмъ вскорѣ и прекратили грабежи, убійства и неистовства бродягъ. По низложеніи Шуйскаго, жители сѣверныхъ городовъ приняли дѣятельное участіе сначала въ попыткѣ Ляпунова освободить Россію отъ ига поляковъ и потомъ въ знаменитомъ походѣ князя Пожарскаго отъ Нижняго-Новгорода къ Москвѣ; тогда по вызову князя Пожарскаго для обороны отъ поляковъ Москвы выступило изъ Вологды много ратныхъ людей съ воеводою Мансуровымъ. Сѣверные поморскіе города, менѣе пострадавшіе отъ грабежей и опустошеній, а съ ними и Строгановъ въ то время ознаменовали себя чрезвычайными пожертвованіями для спасенія отечества. Послѣ освобожденія Москвы и возведенія юнаго Михаила на престолъ, порядокъ началъ возстановляться въ средоточіи государства, но шайки разбойниковъ, вытѣсненныя оттуда, разсѣялись по отдѣльнымъ угламъ Россіи, и Вологодскій край и Устюжье еще долго и много терпѣли отъ этихъ грабителей. Эпохой наиболѣе цвѣтущаго состоянія Устюга была середина XVII столѣтія; въ это время онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ многолюдныхъ и богатыхъ городовъ въ цѣлой Россіи. Впрочемъ, сибирская торговля, столь много способствовавшая его благосостоянію, косвеннымъ образомъ имѣла вліяніе и на его упадокъ: молва о богатствахъ Сибири увлекла значительную часть здѣшнихъ жителей въ Тобольскъ и Иркутскъ, и Устюгъ началъ постепенно пустѣть отъ этихъ частыхъ переселеній; надо знать, что (по словамъ Н. Я. Поліевктова) большая часть

коренаго сибирскаго купечества — все потомки Устюжанъ. Впрочемъ и до сихъ поръ Устюгъ не лишился торговаго значенія; въ немъ производятся важнѣйшіе обороты бѣломорской отпускной торговли. Въ 1780 году, при открытіи Вологодскаго намѣстничества, Устюгъ назначенъ былъ областнымъ городомъ Велико-устюжской области, а уѣзднымъ городомъ сдѣланъ онъ въ 1802 году.

Не смотря на дождь, древній городъ, основаніе коего [1]) относятъ къ XIII столѣтію, съ его обширными каменными храмами, съ его свайной набережной и огромнымъ стариннымъ трехъ-этажнымъ домомъ фабриканта Грибанова, казался чрезвычайно красивымъ и величественнымъ. Городъ купеческій по преимуществу, обогатившійся сношеніями съ Бѣлымъ моремъ, Сибирью и Поволжьемъ, отразилъ богатство и благочестіе своихъ жителей на каменныхъ храмахъ, изъ коихъ Успенскій соборъ, гдѣ помѣщается чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи, украшенная 923 брильянтами и $2^1/_2$ фунтами жемчуга, и церковь Прокофія Праведнаго съ мощами преподобнаго, не остались бы незамѣченными даже въ столицѣ, какъ по внѣшнему виду, такъ и красотѣ, обширности и богатству ихъ иконостасовъ. Въ соборѣ намъ показывали драгоцѣнную утварь, 14 царскихъ грамотъ, данныхъ собору въ періодъ отъ 1507 — 1688 гг., древнее Евангеліе, обложенное серебромъ, вѣсомъ въ $1^1/_2$ пуда, живописную Библію 1633 г. и т. п.

Кромѣ 24 церквей здѣсь существуетъ съ 1262 г. Предтеченскій монастырь, обращенный съ 1764 года изъ мужского въ женскій.

Министра ждали, вслѣдствіе чего въ домѣ Грибанова была устроена выставка мѣстной производительности и торговли, кустарныхъ издѣлій и нѣкоторыхъ рѣдкостей. Тутъ были мѣха медвѣдей и чернобурыхъ лисицъ, щетина, очень хорошо подобранная, порядочныя фотографіи, мѣстная оберточная бумага хорошаго качества, громадный выборъ мѣстныхъ же-

---

[1]) Или вѣрнѣе переходъ съ устья Юга, отъ котораго городъ получилъ свое названіе и съ коимъ Сухона соединяется нѣсколько верстъ ниже.

стяныхъ шкатулокъ съ безчисленными секретами, полотна, скатерти и прочія льняныя издѣлія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ же экспонировалъ свои отдѣланныя чернью серебряныя вещи нѣкто Михаилъ Кошковъ, старикъ лѣтъ восьмидесяти. Работа Кошкова, дѣйствительно, очень изящна. Старикъ исполнялъ заказы императорамъ Николаю I и Александру II, показывалъ намъ прочность работы, сильно, но безслѣдно для черни ударяя по серебру острымъ молоткомъ. Когда-то эта работа составляла въ Устюгѣ цѣлую отрасль; теперь же, оставшись одинъ, Кошковъ передаетъ свой секретъ внуку. Министръ, дабы поддержать его, заказалъ ему, къ немалому удовольствію старика, два серебряныхъ прибора. На выставкѣ мы видѣли два замѣчательныхъ документа — это грамоты Петра I здѣшнему купцу Савватѣеву, ѣздившему съ 1699 г. по 1711 г. шесть разъ въ Китай съ соболиной казной, при чемъ Савватѣевъ доставилъ прибыли государству 233,000 руб., за что и былъ награжденъ императоромъ серебрянымъ кубкомъ, одной тысячью рублей деньгами, десятью аршинами матеріи по 6 рублей за аршинъ и двумя сороками соболей по 80 рублей за каждый.

Въ гостиной былъ поданъ чай, при чемъ во время бесѣды министра съ купечествомъ и представителями городского общественнаго управленія ими были выражены ходатайства объ учрежденіи въ Устюгѣ отдѣленія Государственнаго банка и о направленіи Пермско-Котласской желѣзной дороги на Устюгъ.

Около дома Грибанова былъ собранъ и предъ отъѣздомъ показанъ министру мѣстный рогатый скотъ, весьма хорошаго качества. Тутъ мы увидѣли извѣстнаго сыровара, г. Верещагина, купившаго себѣ цѣлый транспортъ коровъ по 40 рублей за голову. Г. Мамонтовъ, въ свою очередь, прельстился качествомъ и породою (холмогорскихъ) коровъ и тоже пріобрѣлъ нѣсколько головъ.

Не смотря на то, что число жителей не превышаетъ 8,000 (женщинъ на 3 проц. больше мужчинъ), въ городѣ, кромѣ уѣзднаго училища, женской прогимназіи и образцовой приходской школы, имѣется еще нѣсколько училищъ, двѣ бога-

дѣльни, сифилитическая лѣчебница, родильный покой и публичная библіотека при земской управѣ, а въ уѣздѣ всего на 130,000 жителей до ста церковно-приходскихъ школъ и училищъ. Кромѣ того, по словамъ исправника, при устюжскомъ полицейскомъ управленіи открыта школа, спеціально для подготовленія полицейскихъ урядниковъ и кандидатовъ къ нимъ, при чемъ, въ виду полезности этого учрежденія, два года назадъ открыты еще двѣ такія же школы въ другихъ уѣздахъ губерніи.

IV

ОТЪ УСТЮГА ДО КОТЛАСА И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ.

Сама судьба не преминула удостовѣрить, насколько нецѣлесообразно было ходатайство устюжскаго купечества предъ министромъ о проведеніи Пермско-Котласской желѣзной дороги на Устюгъ. Мы отчалили отъ Устюжской пристани подъ сильнымъ дождемъ и вѣтромъ и при наступившей уже темнотѣ. Не успѣлъ пароходъ отплыть и 10-ти верстъ по Сѣверной Двинѣ, какъ сталъ тереться днищемъ о дно рѣки. Поднялась сильная, обычная въ данномъ случаѣ, суматоха, послышалась команда: „застопорить машину", „впередъ", „назадъ", „полный" и „малый ходъ", выкрикиваніе матроса, опускающаго въ воду вмѣсто лота шестъ, и прочее въ этомъ же родѣ, но ничего не помогало: словомъ, мы сѣли на мель и сѣли прочно. Пробовали заводить якорь и притягиваться воротомъ, отталкиваться шестами, но все напрасно, такъ что пришлось выжидать казенный, конвоировавшій насъ пароходикъ „Самоѣдъ", почему-то запоздавшій. Наконецъ, показались въ синей мглѣ его огни. Долго не могъ онъ разслышать и понять наши сигналы, долго потомъ, при плачевности лоцмановъ, изъ коихъ нашъ, какъ говорятъ, былъ въ подпитіи, мы не могли передать каната пароходику-спасателю, у коего, какъ оказалось потомъ, у самого показалась въ трюмѣ течь; а затѣмъ, осиливъ передачу, мучились и мучили людей, ломая голову, какъ и къ чему прикрѣпить канатъ на неимѣющемъ никакихъ приспособленій „Самоѣдѣ". Нако-

нецъ, машинистъ „Самоѣда“ ухитрился привязать канатъ къ своей машинной оси, и надрываясь и повертываясь, сталъ по теченію тащить насъ къ мели. Къ утру, наконецъ, удалось сняться, да и была пора: люди „Николая“, помогавшіе этому заводкой якоря, выбились изъ силъ, окоченѣвъ подъ дождемъ и вѣтромъ. Министръ, все время въ легкомъ пальто, не дѣлая никакихъ замѣчаній, молча стоялъ на мостикѣ, около М. И. Кази, къ счастію для насъ значительно помогшему дѣлу своими компетентными совѣтами.

Къ 6-ти часамъ утра мы приблизились къ Котласу.

Какъ извѣстно, въ декабрѣ прошлаго года состоялось Высочайшее соизволеніе по докладу министра финансовъ объ образованіи особой коммиссіи для разсмотрѣнія вопроса о сооруженіи желѣзной дороги на сѣверѣ Россіи. Въ половинѣ января этого года коммиссія собралась и послѣ 14 засѣданій пришла къ заключенію, что изъ разсмотрѣнныхъ ею четырехъ желѣзныхъ дорогъ: Казань-Котласъ, Пермь-Котласъ, Вологда-Архангельскъ и Сердоболь-Кемь-Мурманъ—всѣ онѣ принесутъ существенную пользу сѣверному краю, но не могутъ замѣнить одна другую и потому всѣ должны быть признаны желательными; тѣмъ не менѣе большинство коммиссіи высказалось о помѣщеніи на первую очередь линіи Вологда-Архангельскъ. Кромѣ того одинъ изъ представителей министерства финансовъ д. с. с. П. М. Романовъ, глубоко изучившій вопросъ, высказался во время преній, что линія Вологда-Архангельскъ хотя и имѣетъ въ экономическомъ смыслѣ не столь важное значеніе, какъ линія Пермь-Котласъ, которая одна можетъ предоставить выходъ сибирскому хлѣбу къ Архангельскому порту и тѣмъ способствовать развитію хлѣбопашества въ Сибири и вмѣстѣ съ симъ обратить Архангельскъ въ экспортный пунктъ для сибирскаго хлѣба, тѣмъ не менѣе важна въ отношеніи государственномъ, какъ доводящая рельсовую сѣть изъ центральной Россіи до Бѣлаго моря, а потому, отдавая первенство линіи Вологда-Архангельскъ, линію Пермско-Котласскую слѣдуетъ поставить на очередь непосредственно за Вологодско-Архангельской линіей.

Съ этимъ мнѣніемъ согласилось и большинство коммиссіи, и ея предсѣдатель, товарищъ министра путей сообщенія Н. П. Петровъ, въ своей заключительной рѣчи замѣтилъ, между прочимъ, что эта желѣзная дорога отъ Перми, черезъ Вятку, къ Котласу обѣщаетъ наибольшія выгоды по доставкѣ хлѣба, такъ какъ, кромѣ сибирскаго, дастъ также выходъ и вятскому хлѣбу, ибо соединитъ сѣверъ съ хлѣбнымъ раіономъ Вятской губ., въ коемъ хлѣбныя цѣны стоятъ на самомъ низкомъ уровнѣ, и что кромѣ того участокъ Пермь-Вятка составитъ часть той линіи, которая въ будущемъ несомнѣнно соединитъ (черезъ Казань, Кинешму или Кострому) пермскій горнопромышленный раіонъ съ Петербургомъ — центромъ механической промышленности.

Итакъ, 15-го іюня, въ 6 часовъ утра, мы прибыли въ Котласъ[1]). Котласъ въ сущности погостъ, расположенный на высокомъ берегу Сѣверной Двины. Берегъ, гдѣ остановился пароходъ, былъ какъ разъ подъ возвышавшимся надъ нами погостомъ. Послѣ дождливой, бурной ночи стало тепло и свѣтло. Министръ, сойдя съ парохода, за неимѣніемъ другого пути, сталъ подниматься по почти отвѣсному крутому берегу; такъ карабкались мы до тѣхъ поръ, пока не наткнулись на довольно высокій заборъ изъ жердей, безъ всякаго входа и выхода. Благодаря своему высокому росту, С. Ю. Витте легко преодолѣлъ это препятствіе. Скрѣпя сердце стали перебираться и мы всѣ вмѣстѣ съ г. начальникомъ Вологодской губ. и очутились почему-то въ огороженномъ пространствѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ необходимости штурмовать и противоположную сторону забора. Справившись и съ этимъ, мы вышли на площадку, на которой въ это время показался мѣстный батюшка, вѣроятно, увѣдомленный о прибытіи парохода. Предъ нами возвышался довольно красивый, почернѣвшій отъ времени каменный храмъ, съ такою же стоящей въ отдаленіи колокольней. Храмъ двухъ-этажный, съ ши-

---

[1]) Конечнымъ пунктомъ Пермской дороги избранъ Котласъ, потому что съ этого мѣста Сѣверная Двина почти всюду вполнѣ судоходна, не подвергая суда участи нашего „Николая“, такъ неожиданно засѣвшаго на мель.

рокой каменной лѣстницей. Внутренность проста и бѣдна, но въ углу стоитъ красивая печь изъ старинныхъ изразцовъ, современная храму, построенному въ 1797 году. Батюшка поднесъ министру старинную икону святителя Николая въ серебряной ризѣ, особенно чтимую прихожанами, но С. Ю. Витте, тепло поблагодаривъ священника, заявилъ, что не можетъ принять этой цѣнной иконы въ виду бѣдности храма, но проситъ благословить его ею, что̀ батюшка и исполнилъ очень сердечно. Выйдя изъ храма, министръ сталъ разспрашивать священника подробно о положеніи и о мѣстныхъ условіяхъ Котласа и долго съ разныхъ сторонъ осматривалъ берегъ, высказывая свои замѣчанія директору своей канцеляріи, П. М. Романову, а мы, вооружившись биноклемъ, долго любовались чудною картиной огромнаго искрящагося подъ солнцемъ воднаго пространства. Котласъ, имя и значеніе коего, несомнѣнно, станетъ вскорѣ общеизвѣстнымъ, стоитъ на мѣстѣ, образующемъ уголъ при впаденіи рѣки Вычегды, несущейся съ Урала и проливающей массу своихъ синихъ, холодныхъ водъ въ этомъ мѣстѣ въ широко разлившуюся Сѣверную Двину. Отсюда до Сольвычегодска рукой подать, и здѣсь же (близъ Красноборска) Вологодская губернія граничитъ съ Архангельской.

Дѣйствительно, болѣе идеальную пристань представить себѣ трудно: нашъ пароходъ подошелъ къ берегу вплотную; берегъ высокъ настолько, что никогда не заливается водою, и тутъ же идетъ обширное отлогое и пологое пространство, гдѣ по всему вѣроятію быстро выростетъ торговый городъ, какъ только сюда пойдетъ сибирскій хлѣбъ. Здѣсь хлѣбные амбары могутъ быть расположены вдоль самаго берега рѣки, также какъ и линія желѣзной дороги. Такимъ образомъ хлѣбохранилища будутъ непосредственно соприкасаться: съ бортомъ судна и съ вагонами. Словомъ, здѣсь всѣ природныя условія для того, чтобы и храненіе хлѣба, и передачу его изъ вагона въ судно сдѣлать наиболѣе удобными и дешевыми. Нашему сѣверу линія Пермь-Котласъ можетъ дать хлѣбныхъ грузовъ болѣе, нежели всякая другая, такъ какъ она захватитъ тотъ обширный раіонъ, гдѣ въ настоящее время хлѣб-

ные грузы не находятъ для себя достаточно выгоднаго сбыта и гдѣ Архангельскій портъ можетъ съ наибольшимъ для себя успѣхомъ соперничать съ Балтійскими портами. Благодаря этому, линія Пермь-Котласъ можетъ доставить нашему сѣверу не только то количество хлѣба, въ которомъ онъ нуждается для своего продовольствія, но и значительные избытки для вывоза хлѣба за-границу и тѣмъ поднять Архангельскъ, вернувъ ему значеніе экспортнаго пункта,—значеніе, которымъ этотъ древній русскій портъ неоднократно славился въ теченіе своей свыше 300-лѣтней исторической жизни.

Развитіе русскаго экспорта въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ черезъ Архангельскъ представляется особенно желательнымъ, такъ какъ условія края и привычка къ морю жителей представляютъ весьма благопріятныя для того условія. Благодаря бывшему казенному порту въ Архангельскѣ, мѣстное населеніе выучилось строить прочныя, правильно оснащенныя суда, а мореходныя школы дали знающихъ моряковъ. На Бѣломъ морѣ образовался постепенно значительный торговый флотъ изъ 1,000 приблизительно морскихъ судовъ и около 1,000 мелкихъ судовъ. Изъ общаго числа судовъ принадлежатъ промышленникамъ всего 1,964 судна, изъ коихъ насчитывается 18 пароходовъ, 946 морскихъ парусныхъ большихъ судовъ и 1,000 мелкихъ судовъ. На этихъ судахъ поморы ведутъ торговлю съ Норвегіей, плаваютъ въ Петербургъ и даже въ Англію. Этотъ флотъ, съ развитіемъ отпускной торговли отъ Архангельскаго порта, могъ бы, до нѣкоторой степени, устранить господство иностранцевъ въ перевозкѣ грузовъ, конкуррировать съ ними и такъ или иначе служить цѣлямъ и интересамъ русской торговли. Вообще, по мнѣнію А. П. Энгельгардта, ни населеніе береговъ Балтійскаго моря, ни жители береговъ Чернаго моря не представляютъ столько задатковъ для развитія морскаго дѣла, какъ сѣверные наши поморы, соорудившіе и содержащіе собственными средствами болѣе 1,000 морскихъ судовъ,—почему проведеніе желѣзной дороги къ сѣверу будетъ способствовать поддержанію и дальнѣйшему развитію на Бѣломъ морѣ торговаго флота. Мореплаваніе, умножая морскія силы госу-

дарства, создаетъ опытныхъ и отважныхъ моряковъ для военнаго флота; судостроеніе же и судоходство доставятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, занятія и заработокъ многимъ тысячамъ способныхъ и дѣльныхъ по природѣ людей.

Что же касается Архангельска, то обращеніе его въ экспортный центръ будетъ имѣть послѣдствіемъ, что онъ потребуетъ въ большемъ количествѣ произведенія заводской и мануфактурной промышленности изъ внутреннихъ губерній Россіи, что окажетъ вліяніе на усиленіе движенія по Вологодской желѣзной дорогѣ, которая соединитъ Архангельскъ съ Ярославлемъ, Волгой, Москвой, словомъ, съ центромъ Россіи, а кромѣ того, проведеніе рельсоваго пути, связывающаго Сибирь съ бассейномъ Сѣверной Двины, представитъ для Сибири еще ту выгоду, что дастъ возможность установить прочныя экономическія связи между Сибирью и Архангельскимъ краемъ.

Не надо забывать, что даже при современныхъ условіяхъ земледѣлія въ Сибири количество свободныхъ избытковъ хлѣба, подлежащихъ вывозу, можетъ въ *урожайные годы* достигать нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ пудовъ и что какимъ бы путемъ сибирскій хлѣбъ ни слѣдовалъ къ Балтійскимъ портамъ, во всякомъ случаѣ появленіе въ сихъ портахъ нѣсколькихъ лишнихъ десятковъ милліоновъ пудовъ сибирскаго хлѣба не останется безъ вліянія на размѣръ продажныхъ цѣнъ и окажетъ понижающее дѣйствіе на эти цѣны къ невыгодѣ какъ хлѣба сибирскаго, такъ и хлѣбовъ Европейской Россіи.

Но эти невыгодныя для нашей хлѣбной торговли послѣдствія могли бы быть въ значительной мѣрѣ ослаблены, если бы сибирскій хлѣбъ нашелъ для себя выходъ на міровой рынокъ не черезъ Балтійскіе порты, откуда отпускъ заграницу хлѣба уже совершается нынѣ въ значительныхъ размѣрахъ, но черезъ такой портъ, гдѣ отпускъ этотъ еще ничтоженъ. Такимъ портомъ для Сибири сдѣлается Архангельскъ въ случаѣ проведенія желѣзной дороги отъ Перми до Котласа.

По устройству поверхности Сибири и по направленію ея рѣчныхъ системъ, сибирскіе грузы, ищущіе выхода за море,

должны были бы тяготѣть къ Ледовитому океану; но такъ какъ сибирское прибрежье Ледовитаго океана почти недоступно изъ-за льдовъ и совершенно пустынно, то естественнымъ портомъ для вывоза сибирскихъ произведеній представляется Архангельскъ, хотя и находящійся въ Европейской Россіи, но омываемый водами Ледовитаго океана.

Архангельскій портъ, какъ увидимъ ниже, находится, по своимъ природнымъ удобствамъ и по своему благоустройству, въ условіяхъ вполнѣ хорошихъ. Сѣверная Двина у г. Архангельска представляетъ отличную, спокойную и помѣстительную гавань, а произведенныя въ недавнее время работы по углубленію фарватера и порта сдѣлали его доступнымъ для большихъ судовъ.

Затѣмъ, такъ какъ Сѣверная Двина, на всемъ протяженіи отъ Архангельска вверхъ до Котласа, достаточно многоводна и способна къ перевозкѣ весьма значительнаго количества грузовъ, то, съ проведеніемъ желѣзнодорожной линіи отъ Перми до Котласа, получится удобный выходъ къ Архангельскому порту для сибирскихъ грузовъ.

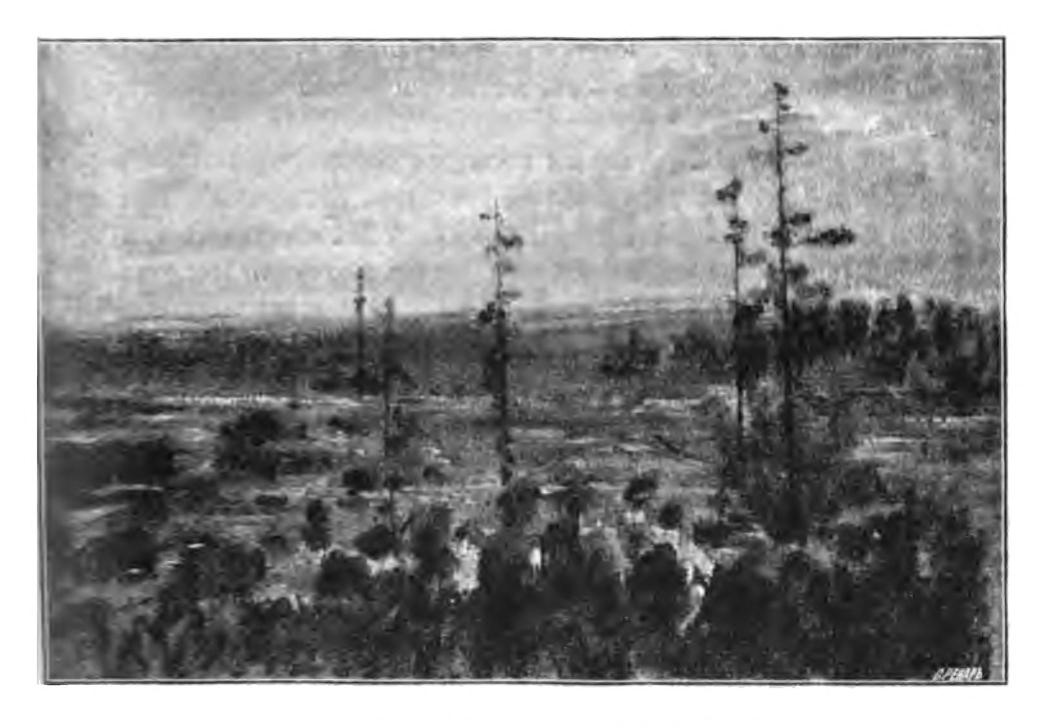
V

ОТЪ КОТЛАСА ДО АРХАНГЕЛЬСКА.

Отъ Вологды до Архангельска мы ѣхали трое съ половиною сутокъ, останавливаясь только въ Тотьмѣ, Устюгѣ, Котласѣ и раза четыре у различныхъ деревень — набраться дровъ. Каждая такая стоянка продолжалась около двухъ, трехъ часовъ, и пока крестьяне, бабы и подростки таскали дрова, министръ выходилъ на берегъ, ходилъ по окрестностямъ и заходилъ въ деревни и дома крестьянъ, разспрашивая ихъ объ ихъ промыслахъ и житьѣ-бытьѣ. Подчасъ толпа, дѣти и женщины въ особенности, окружали насъ плотнымъ кольцомъ, и дѣти бойко, безъ стѣсненія, отвѣчали на предложенные имъ учебные вопросы. Вообще здѣсь народъ толковый и смѣтливый, несмотря на то, что чужой человѣкъ, а баринъ въ особенности по здѣшнимъ мѣстамъ большая рѣдкость. Въ деревнѣ Уваровцы сопровождавшій насъ десятскій простосердечно сознался, что во всю свою жизнь никогда не видалъ исправника, но когда С. Ю. Витте, подаривъ ему серебряный рубль, спросилъ, чье на немъ изображеніе, смѣтливый мужикъ, никогда не видавшій такой монеты, тѣмъ не менѣе съ хитрой улыбкой отвѣчалъ: „надо думать чей рубль, т о г о и портретъ,—стало-быть, Государевъ“. Дома крестьянъ чисты, свѣтлы, по большей части двухъ-этажные, чтò и понятно: лѣсъ здѣсь дешевъ. Народъ кормится рѣкой, бабы работящи и легко справляются и дома, и съ лошадью, и съ весломъ, и съ лодкой. Кабаковъ здѣсь мало, зато даже въ

маленькой, въ родѣ Уваровцовъ, деревенькѣ въ 50 душъ имѣется часовня и собираются строить церковь. Вообще церкви здѣсь по берегамъ рѣки (подчасъ сразу по двѣ) то и дѣло вырисовываются на горизонтѣ, и какія церкви: каменныя, выдающейся старинной архитектуры и огромныхъ размѣровъ, красуются чуть не на каждой верстѣ, при каждомъ мало-мальски большомъ поселкѣ. По этимъ свѣточамъ православнаго христіанства зимой, какъ по вѣхамъ, телеграфнымъ столбамъ или ночнымъ кострамъ, можно добраться до Архангельска, но зато отнимите ихъ—и во всей странѣ на тысячи квадратныхъ верстъ не останется ни одного памятника прошлаго и ничего, поясняющаго настоящее. Впрочемъ, всѣ эти села ютятся лишь по большому водному тракту, тянутся и группируются по берегамъ Сухоны и Сѣверной Двины; зато въ сторону, внутри страны, стоитъ почти одна лѣсная, тундровая и болотистая пустыня, что̀ и понятно, если припомнить, что, напр., въ Архангельской губерніи, баснословно огромной площади въ 79 милліоновъ десятинъ земли и лѣса (!), всего 360,000 жителей.

Чудные виды по Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ! Вы то ѣдете по необозримой водной поверхности, изрѣдка встрѣчаясь съ пароходомъ или баркой, или лодкой съ бабой у руля и древесной вѣткой вмѣсто паруса на носу, то проходите по узкимъ порожистымъ мѣстамъ съ высокими гипсовыми берегами бѣлоснѣжнаго цвѣта, становящагося розовымъ предъ закатомъ солнца, а тамъ опять село за селомъ, а то вдругъ рѣка превращается въ безконечную просѣку среди вѣкового бора, угрюмо отражающагося на стальной поверхности. У Архангельска горы уходятъ въ землю и рѣка становится все шире и шире. Вонъ влѣвѣ въ туманѣ виднѣются Холмогоры, далѣе съ правой стороны уже обозначаются лѣсопильные заводы, предшествующіе и слѣдующіе за Архангельскомъ. Вотъ показался небольшой пароходикъ; въ бинокль видно, что это казенный „Поморъ“. Пароходикъ салютуетъ флагомъ, мы останавливаемся,—тамъ спускаютъ шлюпку, и къ намъ на палубу входитъ Архангельскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ. Министръ знакомъ съ нимъ еще съ Петербурга, остановится у

Архангельская тундра. Рис. К. А. Коровина.

него, а вмѣстѣ съ тѣмъ гостепріимнымъ хозяиномъ приглашены и нѣкоторые изъ насъ. Въ Архангельскѣ уже извѣстно о Высочайшемъ повелѣніи, соединяющемъ его съ Россіей рельсовымъ путемъ, и теплая благодарность къ (теперь почившему) Государю ясно выразилась въ радушной встрѣчѣ министра городомъ. Несмотря на то, что мы прибыли въ 8 час. вечера, министръ тотчасъ же отправился на катерѣ осматривать портъ, представлявшій при заходящемъ солнцѣ торжественный и красивый видъ. Иностранныя суда при подходѣ нашего парохода къ пристани вѣжливо расцвѣтились флагами. И этихъ судовъ оказалось много, очень даже много для заштатнаго заброшеннаго порта, и иныя изъ нихъ весьма почтенныхъ размѣровъ. Вообще, здѣшняя портовая дѣятельность превысила, по крайней мѣрѣ, мои ожиданія. Огромные лѣсопильные заводы окружены массою судовъ, нагружаю-

щихся здѣсь досками для отправки за-границу. Не меньшая дѣятельность и на смоляномъ и льняномъ буянахъ, да и вообще по всей здѣсь многоверстной по ширинѣ красавицѣ-рѣкѣ.

На возвратномъ пути мы посѣтили соборъ, чрезвычайно красивый внутри, украшенный фресками, обширный и полный свѣта. Болѣе всего обратилъ на себя наше вниманіе простой дубовый крестъ, вытесанный самимъ Великимъ Петромъ въ благодарность Господу Богу за спасеніе отъ погибели въ бурю у Унскихъ Роговъ при поѣздкѣ Государя въ Соловецкій монастырь. Петръ, вытесавъ крестъ, несмотря на его огромную тяжесть (повидимому, около 10 пудовъ, если не болѣе), самъ внесъ его въ гору и водрузилъ тамъ. Впослѣдствіи при императорѣ Александрѣ I было разрѣшено перенести его въ Архангельскій соборъ, гдѣ онъ стоитъ въ большомъ почетѣ.

Самъ Архангельскъ состоитъ изъ ряда прямыхъ довольно-таки пустынныхъ улицъ, растянувшихся вдоль рѣки съ громадными каменными казенными зданіями и съ деревянными, по большей части частными домами. Жизнь вся въ портѣ; здѣсь же такъ глухо, что въ 10 часовъ встрѣтить прохожаго или извозчика большая рѣдкость. Памятникъ Ломоносову, помѣщенный на площадкѣ у присутственныхъ мѣстъ и губернаторскаго дома, изображающій на гранитномъ пьедесталѣ великаго мужа въ видѣ какого-то полуголаго, полузавернутаго въ хитонъ лысаго грека, глядящаго въ небо, съ лирой въ лѣвой рукѣ и съ уцѣпившимся за нее купидономъ внизу, по замыслу непонятенъ, а по исполненію заставляетъ желать многаго.

Вечеромъ, за чаемъ, губернаторъ со ссылками на карту долго докладывалъ министру результаты сдѣланныхъ имъ справокъ и наблюденій о незамерзаемости тѣхъ или другихъ мурманскихъ бухтъ, о поморахъ, судостроеніи, заселеніи Новой Земли и проч.

А. П. Энгельгардтъ отличается замѣчательной дѣловитой энергіей, приведшей его изъ головы города Смоленска губернаторомъ въ Архангельскъ. Около двухъ лѣтъ назадъ,

будучи назначенъ на этотъ постъ, онъ прибылъ въ Архангельскъ изъ Петербурга морскимъ путемъ, чрезъ Ледовитый океанъ и Бѣлое море. Губернаторъ страстный поборникъ идеи оживленія архангельскаго порта, края и Мурмана. За это короткое время, будучи врагомъ всякихъ бюрократическихъ пріемовъ, окруживъ себя людьми дѣятельными и доведя доклады своей канцеляріи до замѣчательной осмысленной краткости и простоты, онъ успѣлъ: по морю, тундрамъ, снѣгамъ и сушѣ, по путямъ и бездорожью, всяческими способами лично, безъ чиновъ, за-просто ознакомиться съ значительной частью своей обширной губерніи до Печерскаго края включительно, гдѣ кстати сказать имъ задумано и съ будущаго лѣта реализуется пароходство.

VI.

ГОРОДЪ АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Утро 17-го іюня началось съ пріема министромъ мѣстныхъ властей и представителей. Были тутъ и служащіе, и представители различныхъ вѣдомствъ и учрежденій, и духовенство, и военные, и консулы, и представители города, и купечество, и поморы. Обращаясь ко всѣмъ, министръ громко сказалъ.

„Я очень радъ, что съ соизволенія Его Величества мнѣ удается посѣтить сѣверный край и городъ Архангельскъ. Эта издревле русская земля не можетъ не быть дорога всякому русскому. Край этотъ связанъ съ остальной Россіей самыми знаменательными страницами исторіи ея развитія. Онъ представляетъ свидѣтельство поразительной мощи русскаго народа. Говорятъ, что Петербургъ былъ первымъ окномъ, прорубленнымъ изъ Россіи въ Европу, но городъ Архангельскъ можетъ не безъ основанія оспаривать такое сравненіе и прибавить, что онъ представляетъ окно, сооруженное въ чисто русскомъ стилѣ. Россія со времени особаго значенія въ русской исторіи сѣвернаго края обратилась изъ Московскаго царства въ великую Россійскую имперію. Этотъ быстрый процессъ ея развитія отвлекъ силы народа и предначертанія его правительства съ Сѣвера и Востока на Западъ и далекій Югъ. Но наступило время, когда нашъ Благочестивѣйшій Государь, Своей всесильной правдой и царственнымъ спокойствіемъ покоривъ буйство умовъ человѣческихъ и водворивъ міровой покой, указалъ своимъ ближайшимъ слугамъ на временно, какъ будто, забытый Востокъ и Сѣверъ. Послѣдствіемъ тяжелаго путешествія Его Августѣйшаго Сына, Наслѣдника Цесаревича, по чужимъ морямъ и землямъ, и вдоль всей Сибири было Высочайшее повелѣніе о незамедли-

тельномъ сооруженіи великаго сибирскаго пути. Нынѣ Его Величество повелѣлъ соединить Архангельскъ желѣзной дорогой кратчайшимъ путемъ съ сердцемъ Россіи и обсудить, какіе дальнѣйшіе желѣзно-дорожные пути могутъ оживить нашъ Сѣверъ. Я счастливъ, что мнѣ довелось передать вамъ устно о сихъ Царскихъ благодѣяніяхъ. Могу къ сему прибавить, что любвеобильное Государево сердце въ попеченіяхъ о благѣ Своихъ подданныхъ постоянно заботится о судьбахъ вашихъ. Еще по послѣднему всеподданнѣйшему докладу вашего начальника губерніи Его Величеству благоугодно было дать рядъ указаній Своимъ ближайшимъ слугамъ о мѣрахъ, которыя должны быть приняты для поднятія сѣверной окраины Россіи".

Затѣмъ С. Ю. Витте, обходя собравшихся, разговаривалъ и разспрашивалъ многихъ по поводу дѣлъ въ краѣ, долго бесѣдовалъ съ поморами и съ представителемъ почтово-телеграфнаго вѣдомства по поводу проведенія телеграфа на Мурманъ, при чемъ старичекъ управляющій, испуганный трудностями, сопряженными съ устройствомъ такой хлопотливой линіи среди тундръ и пустыни, сталъ пугать министра дороговизной проведенія телеграфа и тѣмъ, что у насъ не Норвегія, гдѣ телеграфъ — святыня, наши же поморы и лопари столбы рубить будутъ, но министръ, переходя къ другимъ, коротко замѣтилъ: „Что дѣлать! Всѣ эти трудности и затрудненія преодолѣть необходимо".

Особенно долго бесѣдовалъ С. Ю. Витте съ купечествомъ, удостовѣрявшимъ, что наибольшее значеніе для нихъ имѣетъ дорога на Пермь—Котласъ. Въ заключеніе С. Ю. Витте посовѣтовалъ купцамъ, въ виду предстоящаго развитія мѣстной торговли, составить постановленіе объ открытіи коммерческаго училища, къ коему можно-де присоединить и мореходные классы, сказавъ что если купечество обезпечитъ содержаніе этого училища, то правительство, существенно придетъ къ нимъ на помощь при его основаніи, и что если они не сдѣлаютъ этого, то у нихъ никогда не будетъ правильной постановки дѣла.

Купечество, кланяясь, благодарило, но безъ особаго увле-

ченія, иные, видимо, еще не сообразили всей пользы отъ такого предложенія, другіе пожимались, и какъ бы, что называется, „faisaient bonne mine au mauvais jeu". Сосѣдъ мой, одинъ изъ мѣстныхъ аборигеновъ, отвѣчая на мой вопросъ, пояснилъ: „вы правы; какъ ни благодѣтельны желѣзныя дороги сюда и затѣмъ на Мурманъ, тѣмъ не менѣе не всѣмъ нашимъ коммерсантамъ это по нутру. Несмотря на то, что нашъ отпускъ изъ Архангельскаго порта, въ общей сложности, доходитъ до 10 милліоновъ въ годъ, наше купечество еще очень косно, а главное, шкворень вопроса заключается въ томъ, что вся торговля здѣсь монополизирована и сосредоточена въ немногихъ рукахъ, отчего и происходятъ такія явленія, что въ то время, какъ на Руси пудъ муки 40 и 45 коп., здѣсь онъ—1 р. 40 к. и 1 р. 70 к. Вообще, вся наша мѣстная коммерческая задача пока въ томъ, чтобы не допускать конкурренціи мелкаго люда и держать поморовъ въ проголодь. Теперь же, милостью Государя, и у насъ наступятъ иные времена и порядки, гдѣ мелкота не будетъ въ зависимости отъ оптовиковъ-воротилъ. Все остальное понятно"...

До обѣда происходилъ осмотръ различныхъ учрежденій. Осмотрѣна была, между прочимъ, городская больница. Больница оказалась въ большой чистотѣ и порядкѣ, но помѣщающійся рядомъ сумасшедшій домъ въ грустномъ, скажу болѣе, тяжеломъ положеніи, очевидно, проистекающемъ отъ недостачи средствъ. Больные скучены, прислуги, повидимому, мало, особыя камеры-клѣтки съ дверными окошечками, для безпокойныхъ и бѣшенныхъ, нечистоплотныя и съ сильнымъ запахомъ, дающимъ себя чувствовать еще издали. Всѣ безумные, какъ бы угадывая начальство, встрѣтили гостей всякими жалобами. Одинъ бѣшеный заявилъ, что онъ исправился и проситъ отпустить его, такъ какъ дома некому работать, и тотчасъ же съ раздувающимися ноздрями и бранью по адресу мѣстнаго начальства сталъ разламывать дверь. Особой жалости достойны—женщина, спятившая съ ума послѣ убійства мужа, еще красивая и гибкая, какъ кошка, но въ бѣшенствѣ — ужасная. Рядомъ комната субтильной, давно безумной особы, лѣтъ 55: комично убравъ головку цвѣточ-

ками, она кокетливо намъ присѣла и заявила, что „очень рада и очень даже желаетъ быть лично извѣстной департаменту корабельно-строительной части".

Не вдалекѣ отсюда находится мѣстное общество Краснаго Креста, призванное къ жизни бывшимъ губернаторомъ, княземъ Н. Д. Голицинымъ. Устройство этого Общества какъ по организаціи, такъ и по цѣлямъ представляется особенно отраднымъ. Сейчасъ у Общества прекрасное собственное помѣщеніе и около 40,000 капитала. Персоналъ его состоитъ, кромѣ старшей сестры, изъ 19 младшихъ. Главная цѣль — помощь рыбопромышленникамъ, лѣтомъ кишащимъ на Мурманѣ и предъ тѣмъ еще 12 лѣтъ назадъ безпомощно умиравшимъ тамъ массами отъ всякихъ заразныхъ болѣзней. Въ нынѣшнемъ году, какъ и въ предшествующіе годы, на Мурманъ командировано съ пособіемъ отъ правительства при врачѣ и 4-хъ фельдшерахъ пять сестеръ для ухода за больными.

— Почему вы поступили въ Красный Крестъ? спросилъ министръ одну изъ сестеръ. Сестра отвѣчала:—По призванію. А вы?—И я тоже.—Были вы на Мурманѣ?—Была, такъ же какъ и другія.—Какія болѣзни тамъ преобладаютъ?—Скарлатина, тифъ и цынга.—Выздоравливаютъ многіе? - Да, теперь большинство.

Въ этотъ день между другими учрежденіями С. Ю. Витте осмотрѣлъ и техническое училище министерства народнаго просвѣщенія, недавно основанное и перестроенное изъ обширнаго сахарнаго завода. Нѣкоторыя части огромнаго зданія еще не заняты учениками и теперь отдѣлываются. Министръ осмотрѣлъ все снизу до чердака, въ столярной мастерской экзаменовалъ воспитанниковъ, но, несмотря на порядокъ и удовлетворительность отвѣтовъ, осмотръ, повидимому, не произвелъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія, очевидно, въ виду огромныхъ правительственныхъ затратъ и ничтожнаго количества учащихся. Зданіе куплено за 10 тыс., а передѣлка обошлась въ 100 тыс. р., не считая 35 тыс. на приспособленія. Классовъ, открывающихся постепенно, будетъ три, при 40 воспитанникахъ въ каждомъ; принимаютъ юношей отъ 13 до 17 лѣтъ, окончившихъ городское училище, при

чемъ на 40 вакансій въ открывшійся первый классъ поступило всего 26 воспитанниковъ, пока вмѣстѣ съ учебнымъ персоналомъ затерянныхъ въ дорогомъ зданіи, легко вмѣщающемъ триста учениковъ.

На возвратномъ пути мы, въ заросшемъ травой закоулкѣ, остановились у старенькаго домика, гдѣ въ передней гостей встрѣтилъ, въ мундирѣ, лысый, уже пожилой, но чрезвычайно бодрый и энергичный господинъ. Это архангельскіе шкиперскіе классы и завѣдующій этими шкиперскими учебными курсами подполковникъ корпуса штурмановъ Козловъ. Покошенные полы домика блестѣли чистотой, прекрасная библіотека, простенькія, но тщательно сдѣланныя частью воспитанниками, при помощи наставника, модели, большія морскія карты, все висѣло, лежало, стояло какъ-то особенно уютно, по домашнему. Г. Козловъ 42 года обучаетъ и завѣдуетъ этими курсами, гдѣ юношамъ преподаютъ Законъ Божій, русскій и англійскій языки, корабельную архитектуру, математику, механику. За все это время подполковникъ не пропустилъ и четверти часа. Бюджетъ этого высокополезнаго учрежденія равняется всего 3,600 р. въ годъ. Вмѣсто практики, юношей отпускаютъ на лѣто въ плаваніе, по большей части на иностранныхъ судахъ: въ Норвегію, Швецію, Англію. Любовь и благодарность къ наставнику окончившихъ, изъ коихъ вскорѣ затѣмъ я видѣлъ нѣкоторыхъ уже капитанами большихъ судовъ, не имѣетъ границъ. Подполковника Козлова знаютъ и на Черномъ морѣ и тамъ дорожатъ его воспитанниками, но онъ лично начальствомъ какъ бы забытъ, и дѣятельность его, какъ и имъ завѣдуемое грошовое учрежденіе, какъ бы игнорируется. С. Ю. Витте, тщательно осмотрѣвъ и выслушавъ объясненія, подъ конецъ воскликнулъ: „Ваша почтенная дѣятельность и ваши курсы должны служить примѣромъ для другихъ“, и, прощаясь, два раза крѣпко пожалъ подполковнику руку, при чемъ почтенный старикъ какъ-то вдругъ потерялъ свое полное спокойнаго достоинства самообладаніе, и когда вышелъ провожать гостя на крыльцо, на лбу его виднѣлись капли пота, а въ глазахъ дрожали слезы.

VII.

ГОРОДЪ АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Обѣдъ отъ купечества состоялся въ 7 часовъ въ помѣщеніи коммерческаго клуба. Карточки ménu, музыка, сервировка, тосты,—tout comme chez nous, но, хотя на обѣдѣ присутствовалъ весь городъ, и въ клубѣ имѣются весьма удобные хоры, но ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мы были или гдѣ участвовали, мы не видали ни одной дамы, словно здѣсь еще царитъ домострой или мы на Мурманѣ, гдѣ женскій полъ вовсе не полагается. Такое отсутствіе дамъ въ обществѣ объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что А. П. Энгельгардъ вдовецъ и человѣкъ дѣла, мало посвящающій себя обществу. Быть можетъ, по той же пуританской чертѣ нравовъ и замкнутости жительницъ, архангельскій театръ идетъ плохо, и пріѣзжія труппы артистовъ возвращаются назадъ еще бѣднѣе, чѣмъ были. За обѣдомъ говорили рѣчи и произносили тосты. Послѣ тоста за здравіе Государя сказалъ теплое напутствіе преосвященный Никаноръ, а шведско-норвежскій консулъ произнесъ тостъ за здоровье супруги министра. Министръ въ свою очередь провозгласилъ тостъ за здоровье его величества короля шведскаго. Затѣмъ, въ отвѣтъ на пожеланія представителей мѣстнаго купечества и выраженную надежду, что министръ посѣщаетъ Архангельскъ не въ послѣдній разъ, С. Ю. Витте въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ, что у города и его коммерсантовъ есть все для успѣха, но что, къ сожалѣнію, архангельское купечество слишкомъ скромно и очень

мало себя рекламируетъ, почему, если министру будетъ предназначено побывать въ Архангельскѣ еще разъ, то онъ надѣется, что къ тому времени слава объ Архангельскѣ и его портѣ будетъ гремѣть далеко.

Утромъ 18-го іюня, всѣ поднялись очень рано, такъ какъ министръ пожелалъ передъ отъѣздомъ завершить свое обстоятельное знакомство съ городомъ и, кромѣ того, на мѣстѣ ознакомиться съ Исааковой горой, пунктомъ, гдѣ должна быть станція Вологодско-Архангельской желѣзной дороги, такъ какъ противъ Архангельска мѣста неудобны, а, между тѣмъ, имѣлось въ виду обойтись безъ перехода Двины, слѣдовательно, и безъ постройки моста. До Исааковой горы отъ города рѣкою, на катерѣ, около 12 верстъ, и при всемъ томъ само мѣсто, по мнѣнію и министра, и С. И. Мамонтова, оказалось совершенно негоднымъ, и рѣка въ данномъ пунктѣ усѣяна подвижными отмелями, такъ что этотъ планъ былъ оставленъ, а въ послѣдствіи уже нашли подходъ на берегу противъ самаго города.

Министръ посѣтилъ и островъ Соломбалу, отдѣленный отъ Архангельска рѣкою Кузнечихой и соединенный съ городомъ мостомъ. Соломбала со своими верфями, эллингами, портовой торговой дѣятельностью и собственнымъ соборомъ, воздвигнутымъ, какъ говорятъ, усердіемъ купечества, издавна играетъ важную роль въ исторіи возникновенія и процвѣтанія Архангельска. На Соломбалѣ министръ осматривалъ кордонъ соломбальскаго отряда и казарму учебной команды пограничной стражи. Невдалекѣ расположена морская казарма, воздвигнутая въ 1828 году. Это громадное зданіе въ два корпуса (больше дома Гарновскаго или Измайловскихъ казармъ въ Петербургѣ), въ коемъ, за послѣднее время, были размѣщены флотская рота, офицерскій клубъ, военная канцелярія и многія другія военныя учрежденія, и, тѣмъ не менѣе, зданіе съ его огромными колонными залами, сейчасъ, по крайней мѣрѣ, пусто на двѣ трети. Въ канцеляріи министръ осматривалъ планъ зданія и обошелъ его сверху до-низу, вслѣдствіе чего у занимающихъ его лицъ военнаго вѣдомства возникла догадка, что правительство намѣрено занять непроизводительно

пропадающія помѣщенія подъ пограничную стражу, или вообще дать имъ какое-либо полезное примѣненіе.

За городомъ, близъ рѣки, лежатъ такъ-называемый льняной и смоляной буяны. Льняной буянъ тоже огромное зданіе, съ обширнымъ дворомъ, окруженнымъ складами, гдѣ сортируется ленъ, принадлежащій (вмѣстѣ со смолой) къ обширнѣйшимъ предметамъ нашего мѣстнаго, заграничнаго отпуска. Здѣсь сортировщики, учрежденные еще со временъ Петра, распредѣляютъ ленъ въ бунты, отъ 18 до 20 пудовъ въ каждомъ, сортируя и опредѣляя его качества. По ихъ разъясненіямъ, льна доставляется сюда ежегодно 300,000 и болѣе пудовъ, по большей части изъ губерній Вятской и Вологодской. Доставляютъ ленъ сухопутьемъ до Устюга, гдѣ его не мало остается на мѣстныхъ мануфактурахъ, откуда онъ идетъ сюда по Двинѣ. Сортировка происходила на глазахъ министра и производится чрезвычайно ловко, умѣло и добросовѣстно, такъ что за границей ей вполнѣ довѣряютъ. Ленъ отсюда идетъ всюду, до Америки включительно, но преимущественно въ Лондонъ и Германію. Сорта называются „кронами". Первый кронъ (сортъ) замѣчательно хорошаго качества, продается за 7 р. 50 к. пудъ, второй—7 р., третій—6 р. 50 к., четвертый кронъ или заброкъ—5 р. 50 к., второй заброкъ—4 р. 50 к., а кудель, т.-е. очески, по 4 и по 3 р. 50 к. за пудъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта отрасль отпуска, по улучшеніи путей, значительно увеличится, такъ какъ и теперь заграничный спросъ значительно больше предложенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, это подниметъ и расширитъ наше сѣверное льноводство, такъ какъ ленъ прекрасно растетъ во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ, кромѣ Архангельской, и хотя истощаетъ землю, но зато хорошо растетъ и на самомъ плохомъ и холодномъ грунтѣ.

Отъ льняного до смоляного буяна рукой подать. Здѣсь на рѣкѣ стоятъ цѣлые плоты, связанные изъ бочекъ, а на берегу лежатъ десятки тысячъ подобныхъ боченковъ и въ такомъ порядкѣ, что составляютъ въ массѣ нѣчто въ родѣ бревенчатой мостовой. Въ боченкѣ смолы содержимаго до 8 пудовъ, а въ боченкѣ вару до 15 пудовъ. Смолы для отправки

за границу доставляется до 100,000 пуд. въ годъ, при чемъ смола, варъ, пекъ въ плиточкахъ, все это находитъ примѣненіе за границей, начиная отъ природнаго асфальта до канифоли включительно. Смола доставляется сюда изъ губерній Архангельской и Вологодской, изъ уѣздовъ Пинежскаго, Вольскаго, Холмогорскаго, Шенкурскаго, при чемъ $^{4}/_{5}$ продукта идетъ изъ удѣльныхъ лѣсовъ и только $^{1}/_{5}$ изъ лѣсовъ казеннаго вѣдомства.

На возвратномъ пути мы посѣтили выставку коровъ, собранныхъ здѣсь ва количествѣ 100 штукъ. Находившійся при нихъ г. Верещагинъ давалъ объясненія о молочности породъ и количествѣ удоя собраннаго здѣсь скота; впрочемъ, типичность животныхъ, изъ коихъ многія ничѣмъ не отличаются отъ чистокровныхъ голландскихъ, ихъ формы и размѣры вымени говорили сами за себя.

Въ заключеніе мы посѣтили самоѣдовъ, расположенныхъ съ ихъ чумомъ на дворѣ одной изъ полицейскихъ частей. Тутъ были и пожилые, и особы средняго возраста, и женщины и дѣти. Всѣ они смуглы, черноваты, съ узкими глазами и жидкими волосами, и чрезвычайно малорослы. Вокругъ нихъ невода, рыбьи кожи, оленьи шкуры, лодки, собаки. Всѣ они Печорскаго уѣзда, Пустозерской волости, и сейчасъ переѣзжаютъ на Новую Землю. Вообще самоѣды, приближаясь къ возрастающему въ губерніи русскому племени, видимо вымираютъ, почему губернаторъ очень заботится о ихъ переселеніи на Новую Землю, куда уже перевезено и живетъ до 50 человѣкъ и гдѣ они чувствуютъ себя какъ разъ въ своей тарелкѣ. Эти переселенія не только способны поддерживать вымирающую расу, но и вмѣстѣ съ тѣмъ заселяютъ островъ, до сего времени необитаемый и подававшій ради этого поводъ къ мирному захвату со стороны нашихъ иноземныхъ сосѣдей. Переселенія, повторяю, составляютъ предметъ особой заботливости со стороны губернатора. А. П. Энгельгардъ этимъ лѣтомъ собирается, захвативъ вновь переселяющихся самоѣдовъ, отправиться туда съ докторомъ и фотографомъ, сотней собакъ и новыми колонистами самолично. Сообщеніе съ Но-

вой Землей бываетъ только лѣтомъ [1]), и въ прошлое лѣто губернаторъ (такъ же какъ и теперь), отправлялъ имъ въ ихъ новое отечество все необходимое, а въ томъ числѣ порохъ, свинецъ, рыболовныя снасти и цѣлый трюмъ собакъ, ловимыхъ на архангельскихъ улицахъ. Теперь власти строго обращаютъ вниманіе, чтобы имъ пароходами не доставлялась водка, до которой они такъ падки. Прежде они добываемыхъ ими промысловыхъ звѣрей—медвѣдей, песцовъ, лисицъ и другихъ, продавали за безцѣнокъ или просто отдавали за норвежскій ромъ,—теперь это не такъ. Прежде шкуры медвѣдя сбывали за 14—15 руб.,—теперь, благодаря аукціонамъ, устроеннымъ правительствомъ, шкуры идутъ за 86 и 87 руб. Самоѣды прекрасные стрѣлки, бьющіе смѣлой и вѣрной рукой изъ самыхъ простыхъ ружей бѣлыхъ медвѣдей и другихъ звѣрей безъ промаха. Теперь у большинства изъ нихъ въ сберегательной кассѣ по 100 и болѣе рублей и было бы еще болѣе, еслибъ ихъ не съѣдала страсть къ водкѣ.

Изъ дѣтей и подростковъ, видѣнныхъ нами, двое-трое—крестники губернатора. С. Ю. Витте подарилъ имъ серебряныхъ денегъ. Самоѣды пришли въ восторгъ и принялись, обращаясь другъ къ другу, восклицать: яу! яу! и еще что-то. Всѣ они говорятъ отлично по-русски.—Смотрите, не пропейте денегъ, подаренныхъ министромъ, сказалъ губернаторъ, и пояснилъ:—Всѣ они страшные пьяницы.—Это правда, сказалъ одинъ самоѣдъ:—у насъ нѣтъ непьющихъ, да иначе и нельзя: цѣлый день на рыбной ловлѣ или на охотѣ—сырость, холодъ, продрогнешь, умаешься, обезсилишь, а какъ выпьешь—становишься, какъ новый.

Черезъ часъ, сопровождаемые благопожеланіями провожающей публики, мы были уже на „Ломоносовѣ“, снявшемся съ якори въ 3 часа и при салютахъ флагами съ иностранныхъ судовъ гордо и величественно направившемся въ Бѣлое море и Ледовитый океанъ.

---

[1]) Всего 3 мѣсяца въ году.

VIII.

АРХАНГЕЛЬСКО-МУРМАНСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО.

Пароходъ „Ломоносовъ“, понесшій насъ къ Ледовитому океану, принадлежитъ товариществу Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства. Дѣятельность товарищества вращается подъ самымъ полюсомъ, и бумаги его на биржѣ не котируются, такъ какъ основной капиталъ товарищества вначалѣ не превышалъ 300,000 руб. Товарищество мало извѣстно въ публикѣ, а между тѣмъ, основанное на совершенно своеобычныхъ, не столько коммерческихъ, сколько патріотическихъ условіяхъ, общество это имѣетъ хотя короткую, но небезъинтересную повѣсть.

Въ новѣйшей исторіи нашихъ коммерческихъ и банковыхъ предпріятій пользуется почтенною и вполнѣ заслуженной репутаціей въ качествѣ весьма умнаго дѣльца и въ то же время добраго патріота Ѳ. В. Чижовъ.

Въ 1875 г., по инициативѣ правительства, желавшаго способствовать развитію промысловъ Сѣвернаго моря, учреждается срочное пароходство по берегамъ Бѣлаго моря, Онежскаго залива и по Мурманскому берегу въ Ледовитомъ океанѣ до границы нашей съ Норвегіей, при чемъ Чижовъ, добровольно принявъ на себя учредительство, сдѣлался главнымъ акціонеромъ и душою этого предпріятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ были приглашены къ участію баронъ Дельвигъ, графъ Литке, Мамонтовы и другіе сочувствовавшіе ему москвичи, между коими и разошлись 462 пая, каждый по 500 руб. (изъ 616

реализованныхъ до 1882 года). Кромѣ того, 100 паевъ взяло себѣ министерство финансовъ.

Въ 1877 г., послѣ смерти Ѳ. В. Чижова, часть его паевъ перешла къ его многочисленнымъ наслѣдникамъ, другая, въ количествѣ 124 паевъ, сдѣлалась собственностью 4-хъ учебныхъ заведеній [1]). Къ старымъ же пайщикамъ нѣсколько лѣтъ спустя присоединился М. И. Кази, коему одна изъ наслѣдницъ Чижова, въ виду пользы, уже тогда приносимой имъ товариществу, завѣщала предложить пріобрѣсти ея паи по ихъ номинальной стоимости.

Товарищество пріобрѣло нѣсколько старыхъ пароходовъ: „Архангельскъ", „Кемь", „Онегу", на коихъ и совершало срочные рейсы, получая субсидію отъ правительства въ количествѣ 50 тыч. руб. въ годъ. Мѣстная и государственная польза отъ дѣятельности товарищества проявилась быстро и наглядно. По отчетамъ товарищества оказывается, что въ семилѣтній періодъ отъ 1877 по 1883 г. (не принимая въ соображеніе плаваніе на Новую Землю, которое совершается только два раза въ годъ для доставки туда спеціальныхъ грузовъ), пассажирское и грузовое движеніе какъ на Мурманской, такъ и на Бѣломорской линіяхъ почти утроилось. Но вмѣстѣ съ тѣмъ личная выручка товарищества, несмотря на замѣчательную безсребренность и экономію его правленія, оказалась весьма проблематичной [2]). Вдобавокъ, купленныя подержанными суда ветшали, въ 1887 и 1888 гг. товарищество потеряло два океанскихъ парохода у береговъ Норвегіи, за однимъ изъ учредителей пропало около 25 тыс. руб. и, кромѣ того, товарищество нажило еще около 100 тыс. р. долга. Вслѣдствіе этого пайщики, а вмѣстѣ съ ними и министерство финансовъ, не только никакого дивиденда не получали, но и

---

[1]) Между прочимъ, костромской и с.-петербургской мужскихъ гимназій

[2]) Въ теченіе первыхъ лѣтъ дѣлами правленія завѣдывалъ членъ его гр. К. Ѳ. Литке, а затѣмъ, по выбытіи графа, товарищество избрало предсѣдателемъ М. И. Кази, вступившаго вмѣсто него членомъ. М. И. Кази и одинъ изъ членовъ отказались отъ всякаго содержанія, а вознагражденіе остального правленія равняется всего 3,000 руб.

вообще дѣла товарищества заставляли призадумываться его членовъ.

Но съ начала восьмидесятыхъ годовъ дѣла пошли лучше и лучше. Правленіе уплатило до 85 тыс. руб. долга, и съ 1884 года начинается постоянная выдача дивиденда вначалѣ по 4%, а затѣмъ до 6%; на немъ и остановились, при чемъ остальная выручка откладывается въ запасный капиталъ товарищества, достигающій до 210 тыс. руб. Въ 1885 г. прави-

Пароходъ „Ломоносовъ“. Рис. А. В. Сѣрова.

тельство предложило товариществу субсидію за срочные рейсы еще на 10 лѣтъ. Вначалѣ у товарищества было всего три парохода, теперь же пріобрѣтены новые, а каковы и въ какомъ примѣрно видѣ пароходы: „Чижовъ“, „Онега“, „Кемь“ и „Владиміръ“, я не знаю, ибо ихъ не видѣлъ, но красавецъ-пароходъ „Ломоносовъ“, по моему, удовлетворяетъ наиболѣе взыскательной критикѣ гдѣ бы то ни было, а не только въ нашемъ полярномъ морѣ.

Въ 1890 г. [1]), по порученію товарищества, предсѣдатель правленія, М. И. Кази, заказалъ фирмѣ Добсонъ въ Нью-Кастлѣ пароходъ въ 200,000 руб. стоимостью, считая тутъ и полное снабженіе. Пароходъ вышелъ на диво, съ грузоспо-

---

[1]) Въ 1893 г. товарищество получило чистаго дохода 81 тыс руб. на акціонерный капиталъ въ 300 тыс. руб.

собностью въ 1,970 тоннъ (помѣщаетъ 10 тыс. пуд. угля и 60 тыс. пуд. груза), съ ходомъ въ 12,7 узловъ. Въ пароходѣ двойное дно, два котла съ 878 индикаторныхъ силъ и наибольшей въ 898 силъ. Пароходъ имѣетъ 210 фут. по ватерлиніи, 30 фут. ширины, 21 фут. 6 дюйм. глубины трюма и 14 фут. 6 дюйм. углубленія.

Блестящія качества парохода дали ему возможность совершать рейсы въ Черное море. Внутреннее устройство „Ломоносова“ по удобству и красотѣ превосходитъ многіе европейскіе пароходы, употребляемые, напримѣръ, при перевозкѣ пассажировъ съ европейскаго континента въ Англію. Удобная палуба, дамское роскошное и просторное отдѣленіе на рубкѣ, посрединѣ парохода, подъ мостикомъ, замѣчательно удобное помѣщеніе для капитана съ библіотекой, диванами и письменнымъ столомъ [1]) и другая капитанская каютка близъ самаго мостика, позволяющая командиру слѣдить въ тяжелыя минуты за ходомъ судна даже во время отдыха. По отлогой лѣстницѣ вы вступаете въ роскошное помѣщеніе для пассажировъ I класса. Каюты раздѣляются не корридоромъ, а аванзаломъ настолько помѣстительнымъ и свѣтлымъ, что въ немъ, никому не мѣшая, ставятъ карточные столы для любителей винта. Отсюда вы вступаете въ столовый залъ, съ диванами и двумя длинными долевыми столами, піанино, прекрасной мебелью, портретами Императорской фамиліи и картинами вдоль стѣнъ. Каюты высоки и, что особенно рѣдко и благодѣтельно, вмѣсто двойныхъ рядовъ коекъ, снабжены кроватями. Въ каютахъ мы, простые смертные, свободно размѣстились по два, причемъ на каждой двери по нашемъ прибытіи уже оказались наши отпечатанныя имена. Комфортъ здѣсь достигаетъ до того, что на „Ломоносовѣ“, какъ на новѣйшихъ океанскихъ пароходахъ, можно пользоваться теплыми ваннами изъ прѣсной или морской воды.

Помѣщеніе для II класса, для помощниковъ капитана, команды и персонала прислуги не заставляетъ желать ничего

---

[1]) Помѣщеніе это занималъ С. Ю. Витте, отказавшійся отъ обширной нижней каюты.

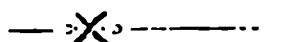
лучшаго. Буфетъ и столъ не только хороши, но даже изысканны. Самъ пароходъ чрезвычайно устойчивъ въ качку, что нѣкоторымъ изъ насъ, а мнѣ въ особенности, въ началѣ рейса служило не малымъ утѣшеніемъ. Команда какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу, быстрота и стройность исполненія замѣчательныя, и все это русскіе поморы, отъ матроса до капитана включительно! И я говорю объ этомъ съ нескрываемой гордостью, твердо убѣжденный, что какъ ни толкуй, а нашъ коммерческій флотъ, зародившись здѣсь, рано или поздно займетъ среди торговыхъ флотовъ другихъ державъ далеко не послѣднее мѣсто.

М. И. Кази при одной изъ остановокъ, желая обратить вниманіе министра на быстроту спуска, на случай несчастія, приказалъ спустить катеръ по командѣ. Люди бросились въ катеръ стремглавъ; на мигъ казалось, что блокъ заѣлъ веревку, но шлюпка все-таки была спущена въ полторы минуты, и только сѣвъ на нее, мы увидали, что у правящаго рулемъ младшаго помощника капитана изъ руки льетъ кровь. Оказалось, что блокъ прихватилъ ему палецъ и онъ, энергично рванувъ, дабы не прекратить работы, сорвалъ кусокъ кожи съ пальца и не допустилъ доктора подать себѣ помощь и не сошелъ съ руля, пока мы не высадились на берегъ.

Самъ капитанъ, Ѳ. М. Поповъ, личность не только любопытная, но и далеко не дюжинная. Потомокъ новгородцевъ, онъ получилъ образованіе въ шкиперскихъ курсахъ подполковника Козлова, о коемъ говоритъ съ благоговѣніемъ. Онъ морякъ съ 11-ти лѣтъ отъ роду, на вакаціяхъ ѣздилъ юнгой въ Швецію и Англію. Капитанъ—человѣкъ небольшого роста, коренастый, лѣтъ сорока, съ умными сѣрыми глазами; онъ сдержанъ, дѣятеленъ и чрезвычайно симпатиченъ въ то же время. Хорошо владѣя шведскимъ и англійскимъ языками, капитанъ отлично знаетъ Ледовитый океанъ, Мурманъ и берега Норвегіи. Кромѣ того, онъ не разъ водилъ „Ломоносова“ въ Петербургъ, Средиземное и Черное моря.

Г. Поповъ имѣетъ жену и троихъ дѣтей, а потому очень бережливъ, стараясь часть своего скромнаго содержанія откладывать на образованіе дѣтей. Двухъ сыновей мальчиковъ

10 и 11 лѣтъ онъ отдалъ въ гимназію, а лѣтомъ они ежегодно не только плаваютъ съ нимъ, но онъ даетъ имъ и практическіе уроки у себя на мостикѣ, при чемъ младшій поражаетъ своими необычайными математическими способностями, рѣшая въ умѣ огромныя задачи, касающіяся практическаго плаванія, со скоростью и легкостью, которой могли бы позавидовать большіе. Въ виду того, что рейсъ былъ исключительно назначенъ для министра, капитанъ не хотѣлъ брать дѣтей, но С. Ю. Витте, узнавъ о томъ, настоялъ, чтобы ихъ взяли и, благодаря ласковому и простому обращенію министра и его спутниковъ, дѣти скоро освоились, да и вообще надо думать, что эти симпатичные и смышленые морскіе волчата въ ихъ мѣховыхъ лопарскихъ шапкахъ съ наушниками въ этотъ рейсъ видѣли больше и чувствовали себя лучше, чѣмъ когда бы то ни было.

IX.

ПО СТУДЕНОМУ МОРЮ.

НА «ЛОМОНОСОВѢ».

По составленному заранѣе разсчету, путешествіе министра по Студеному морю, собственно не сходя съ парохода, должно было продолжаться около двухъ педѣль. Правда, и Бѣлое море, и Ледовитый океанъ, и Соловки, и Мурманъ съ островами при хорошей погодѣ обѣщали много новаго и интереснаго, но съ другой стороны Студеное море не стѣсняется рамками временъ года, и во всякое время неожиданно капризно и бурливо при переходѣ вѣтровъ въ Остъ и Нордъ-Остъ, и тогда и океанъ, и скалы, и вѣтеръ сливаются въ стонахъ и ревѣ. Понятно, что въ непогоду внѣшнія впечатлѣнія бѣднѣютъ, и непривычнымъ къ морскимъ невзгодамъ туристамъ приходится довольствоваться тѣсной рамкой каюты и пароходнаго общества.

Въ сущности при министрѣ лично во все время пути находились только одинъ директоръ его канцеляріи, П. М. Романовъ, да еще молодой офицеръ пограничной стражи, ротмистръ Гранъ, исключительная обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы быть переводчикомъ съ финскаго и шведскаго, если къ тому представится надобность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ меня, по разнымъ причинамъ и поводамъ во всю дорогу или часть ея министру сопутствовали: вплоть до Норвегіи—М. И. Кази, какъ предсѣдатель товарищества Мурманскаго пароходства, съ цѣлью лично принять на „Ломоносовѣ“ и доставить до Норвегіи почетнаго

гостя, а также по обязанностямъ службы и для пользы дѣла, архангельскій и вологодскій губернаторы, послѣдній до Соловковъ.

Камергеръ В. З. Коленко началъ свою службу въ Сибири и правилъ сперва Якутской областью. Подобно д. с. с. Энгельгарду, онъ изучилъ свою губернію не только административно, но и въ ея жизненныхъ проявленіяхъ, что, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ его отвѣтовъ министру, очень интересовавшемуся сѣверомъ, и вообще изъ разговоровъ съ нами. При всемъ томъ, В. З. Коленко обладаетъ такой отзывчивостью и сердечностью, какую въ губернаторахъ мнѣ еще встрѣчать не приходилось. Благополучіе всякой части его управленія, повидимому, ему столько же дорого, какъ и его личное. С. Ю. Витте, разсмотрѣвъ вопросъ объ учрежденіи пансіона при вологодской женской гимназіи, нашелъ нужнымъ и возможнымъ удѣлить на это учрежденіе 15 т. (вмѣсто просимыхъ двадцати), и я думаю, другой государственный мужъ обрадовался бы полученной имъ лично арендѣ не болѣе, чѣмъ почтенный Владиміръ Захаровичъ этому вкладу въ образовательную часть его губерніи. Такъ же отнесся онъ и къ продолженію желѣзной дороги отъ Вологды къ Архангельску, жадно пробѣжавъ для еще большаго ознакомленія съ вопросомъ о Мурманѣ то, что находилось у насъ на пароходѣ по этой отрасли. А прочесть было что, начиная отъ популярныхъ книгъ, въ родѣ Максимова, спеціальныхъ журналовъ, руководствъ, картъ морскихъ и сухопутныхъ, печатныхъ и писаныхъ матеріаловъ, до замѣтокъ туристовъ, отчетовъ консуловъ, командированныхъ и некомандированныхъ спеціалистовъ и торговыхъ приказчиковъ включительно,—все здѣсь имѣвшееся исчерпывало вопросъ и могло бы съ гордостью занять цѣлый отдѣлъ въ публичной библіотекѣ. Все это было собрано въ свое время и доложено министру директоромъ его канцеляріи. П. М. Романовъ—еще молодой человѣкъ, вообще, очевидно, питающій страсть къ изученію такого рода политико-экономическихъ вопросовъ, касающихся преимущественно нашихъ окраинъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ изъ толстыхъ

журналовъ помѣщено было его изслѣдованіе о нашей золотопромышленности, а два года тому появилось другое изслѣдованіе „о желѣзнодорожномъ вопросѣ и мѣрахъ къ развитію нашей торговли въ Персіи“. Впрочемъ, не одинъ В. З. Коленко, и мы, остальные, тоже накинулись на детальное изученіе вопроса, такъ что по утрамъ до завтрака „дамская“ каюта на рубкѣ, за полнымъ отсутствіемъ дамъ на пароходѣ, превращалась въ читальню.

Говоря о нашихъ спутникахъ, не могу умолчать и о моемъ сожителѣ по каютѣ и желѣзнодорожномъ купэ въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль — С. И. Мамонтовѣ, сдѣлавшемъ все путешествіе съ нами не только какъ пайщикъ - учредитель Мурманскаго товарищества, но и какъ предсѣдатель правленія дороги, имѣющей построить линію Вологодско-Архангельскую: кромѣ того, г. Мамонтовъ разсчитывалъ извлечь пользу для этой дороги личнымъ знакомствомъ съ узкоколейными норвежскими дорогами, отличающимися при простотѣ и дешевизнѣ и хорошими качествами.

Проведя три недѣли бокъ-о-бокъ съ С. И. Мамонтовымъ, съ которымъ я ранѣе знакомъ не былъ, я убѣдился, что его менѣе всего можно считать биржевымъ и желѣзнодорожнымъ дѣльцомъ. Всѣ эти дѣла не захватываютъ и далеко не составляютъ его сути; въ сущности же это художникъ, поклонникъ и покровитель (даже не безъ жертвъ съ своей стороны) русскаго художества и пріятель цѣлой массы художниковъ, фотографъ-любитель, а сверхъ того или выше всего пѣвецъ, страстный музыкантъ, не мало усадившій денегъ въ открытый имъ и, къ сожалѣнію, преждевременно прикончённый по убыточности оперный театръ въ Москвѣ.

М. И. Кази своимъ блестящимъ умѣньемъ говорить, разносторонними знаніями, оживленіемъ и привѣтливостью, очень полюбился остальному обществу, по большей части, ранѣе знакомому только съ его общественной дѣятельностью.

М. И. Кази, въ качествѣ хозяина товарищества, пригласилъ съ собою г. Конкевича, отставнаго моряка, еще недавно плававшаго здѣсь года два въ качествѣ капитана одного частнаго парохода, потому хорошо знакомаго съ Мурманомъ, и

нѣкоего Борисова, юношу живописца-рисовальщика, дающаго нѣкоторыя надежды на будущее, помора-крестьянина, получившаго (до академіи) начальное художественное образованіе въ Соловецкой иконописной школѣ.

С. Ю. Витте предъ Соловками пробесѣдовалъ съ молодымъ человѣкомъ болѣе двухъ часовъ, очень заинтересовавшись его разсказами о Соловецкой обители, мѣстныхъ крестьянахъ и поморахъ.

Кромѣ того, сверхъ электротехника, имѣвшаго произвести изысканія для телеграфа на Мурманѣ, чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, г. Сосновскаго, очень милаго молодого человѣка, управляющаго вологодской казенной палатой И. И. Андокскаго, чрезвычайно симпатичнаго новгородца, начавшаго свою карьеру безъ протекціи, средствъ и ученыхъ правъ и съ нѣсколькими экзаменами при повышеніи въ должностяхъ, достигшаго этой должности трудомъ, опытомъ и энергіей, кромѣ этихъ господъ къ намъ изъ Архангельска присоединился докторъ П. К. Большесольскій, хотя по личной охотѣ къ путешествіямъ, но во всякомъ случаѣ дорогой для ѣдущихъ спутникъ, тѣмъ болѣе, что докторъ пользуется въ Архангельскѣ репутаціей хорошаго врача, но старшимъ врачемъ въ больницѣ служитъ только con amore и практикуетъ только въ случаяхъ необходимости, посвящая себя чтенію и кабинетнымъ работамъ: полный, добродушный, начитанный и большой шутникъ (иногда даже и въ серьезныхъ вещахъ), любитель винта, онъ оставилъ по себѣ въ остальныхъ пріятное впечатлѣніе.

Завтракали и обѣдали всѣ вмѣстѣ, при чемъ С. Ю. Витте посадилъ во главѣ стола капитана парохода; старшіе и начальство сидѣли за однимъ столомъ, а младшіе—за другимъ, а затѣмъ, когда подъ конецъ пути многіе остались на Соловкахъ, Мурманѣ и на границѣ, оба стола (въ смыслѣ лицъ за ними сидѣвшихъ) были соединены.

Словомъ, это маленькое общество, какъ можно судить изъ краткой безпристрастной характеристики, имѣло всѣ задатки для сплоченности, столь необходимой при путешествіи въ пустынную страну и море льдовъ, гдѣ, какъ говорится, два

раза въ году всходитъ солнце,—за предѣлами цивилизаціи (увы у границъ русскихъ, а не норвежскихъ), гдѣ нѣтъ телеграфа, гдѣ почта и газеты и всяческія свѣдѣнія изъ образованнаго міра—явленіе совершенно случайное и всегда запоздалое... Но, повторяю, что, благодаря благопріятному сцѣпленію обстоятельствъ, путешествіе наше, разнообразимое постоянными высадками на берегъ, чрезвычайно интересное массой разнородныхъ морскихъ впечатлѣній, музыкой [1]) и соотвѣтствующими злобѣ дня разговорами, протекало необычайно пріятно. Кромѣ того, чтобы непогода не застала насъ врасплохъ и не заставила сидѣть безцѣльно въ каютъ-компаніи, въ первый же день лицами, сопровождавшими и сопутствовавшими министру, было проектировано и почти единогласно принято постановленіе, въ силу коего каждый изъ насъ обязанъ былъ разсказать что-либо изъ жизни, не только въ печати не появлявшееся, но и вообще остальнымъ неизвѣстное.

При этомъ лица, такъ или иначе прикосновенныя къ печати, должны были приготовиться не къ одному, а къ двумъ разсказамъ. Проектъ этотъ такъ понравился большинству, что тотчасъ же приступлено было къ составленію програмы, при чемъ, кстати, видоизмѣнено и постановленіе въ смыслѣ обязательности разсказовъ даже и въ случаѣ хорошей погоды и въ назначенное для нихъ время, въ которое полагается вечерній чай, вмѣсто вечерней зари, какъ единственное подраздѣленіе дня отъ ночи, въ теченіе коей солнце свѣтитъ здѣсь, въ этотъ періодъ года, не сходя съ горизонта.

Въ програму вошли: 1) Мароа Борецкая въ качествѣ поморской землевладѣлицы и легенда о ней; 2) нѣкоторыя любопытныя подробности о почти неизвѣстномъ Печерскомъ краѣ (разсказъ очевидца); 3) Якутскій край и его особенности; 4) драматическій эпизодъ изъ царствованія императора Павла (изъ записокъ дѣда разсказчика); 5) Божій судъ надъ святотатцемъ (въ 1812 г.) въ выгорѣвшей Москвѣ; 6) смерть à la

---

[1]) Между пассажирами С. И. Мамонтовъ и управляющій архангельской таможней д. с. с. Веденяпинъ, ко всеобщему удовольствію, особенно подвизались на пароходномъ піанино.

Анна Каренина, вѣроятно послужившая матеріаломъ графу Л. Н. Толстому; 7) сказаніе объ одномъ неизвѣстномъ долго содержавшемся въ тюрьмѣ Соловецкой обители; 8) пулька въ преферансъ съ покойникомъ (быль); 9) точная біографія одного недавно безвременно умершаго московскаго общественнаго дѣятеля; 10) кладъ во льдахъ; 11) воздушный корабль—поморская легенда, и т. д.

Къ сожалѣнію, цѣль моихъ путевыхъ впечатлѣній не позволяетъ мнѣ коснуться содержанія всѣхъ этихъ весьма интересныхъ разсказовъ; тѣмъ не менѣе не могу воздержаться, чтобы не сказать нѣсколькихъ словъ о „Воздушномъ кораблѣ", сказаніи, циркулирующомъ среди бѣломоровъ. Дѣло въ томъ „Норвежцы лѣтъ 200 назадъ узнали, что китъ, когда-то проглотившій Іону и оставленный Богомъ жить вѣчно, въ награду за то, что пророкъ былъ выкинутъ имъ живымъ на берегъ, заплылъ (въ роли Агасфера) въ Ледовитый океанъ. Жители города Гамерфеста даже видѣли это огромное чудище. Одинъ китобойный капитанъ - богоотступникъ немедленно вышелъ изъ гавани и отплылъ за китомъ въ русскія воды. Благодаря сѣверному сіянію, дня черезъ три чудище было настигнуто и указано сторожевымъ въ привязанной у мачты корзинкѣ. капитанъ, увидя огромнаго кита, задрожалъ отъ волненія и алчности; сильной и ловкой рукой метнулъ онъ гарпунъ, который впился въ покрытую мохомъ лѣтъ сѣдую спину кита. Ударило хвостомъ раненое чудище, зашумѣло море, застонали скалы, волны, доходя до неба, залили и погасили сѣверное сіяніе, канатъ выпалъ изъ рукъ команды. Когда подняло судно, Вдругъ сверху послышался голосъ Николая Угодника: безумцы, какъ смѣли вы поднять руки на творенье, Богомъ хранимое до вѣка! За это будете проглочены китомъ вмѣстѣ съ кораблемъ, а души ваши будутъ плавать между небомъ и землей до тѣхъ поръ, пока во второй разъ не попадете гарпуномъ въ кита и тѣмъ не заставите его выкинуть васъ и ваше судно изъ пасти. Голосъ смолкъ, китъ обернулся и проглотилъ судно, еще минута—и онъ исчезъ въ бездонномъ океанѣ. Но при свѣтѣ вновь зажженнаго сѣвернаго сіянія на водѣ появился призракъ корабля и его команды, или, вѣрнѣе, ихъ души. И съ

тѣхъ поръ днемъ невидимый корабль, ночью, особенно при сѣверномъ сіяніи, встрѣчаютъ временами моряки на всемъ протяженіи сѣвера отъ Нордкапа до Берингова пролива и Гренландіи. Ходко идетъ судно. Ясно видны его дымящіяся фосфорнымъ огнемъ призрачныя очертанія. Зорко слѣдитъ сторожевой изъ корзины на мачтѣ, въ напряженіи стоитъ капитанъ съ гарпуномъ и биноклемъ въ рукахъ, массой толпятся на палубѣ, держа канатъ, матросы, но напрасно ждутъ они кита: его удается имъ настигнуть только разъ въ 50 лѣтъ. Тогда съ силой отчаянія мечетъ рыжій капитанъ въ кита своимъ гарпуномъ, но тщетно, тѣнь гарпуна съ тѣнью вытягивающагося каната пробѣгаютъ только трепетной полоской по сѣрой кожѣ чудища, раздается адскій хохотъ, налетающій со шкваломъ вѣтра, сдувающимъ съ мѣста и несущимъ впередъ марево корабля, при проклятіяхъ и стонахъ отчаянія его экипажа. Но Богъ милосердъ, въ народѣ живетъ надежда, что экипажъ молитвами Николая Угодника, жалѣющаго де даже нехристей, будетъ помилованъ въ моментъ, когда гарпунъ исчезнетъ съ лица вселенной.

И дѣйствительно, одному старому морскому волку, ночью ловившему рыбу, удалось еще недавно близко видѣть „Кита Іоныча“, и онъ свидѣтельствовалъ многимъ, что отъ веревки остался только обрывокъ, а самъ гарпунъ стерло водой на половину, такъ что еще какихъ-нибудь 200 лѣтъ—и китъ таки долженъ будетъ выплюнуть добычу.

———⁂———

X.

ВЪ СОЛОВКИ.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько миль отъ Архангельска и проѣхать Новодвинскую, нынѣ, увы, упраздненную крѣпость, какъ погода, казавшаяся хорошей на берегу, значительно измѣнилась: подулъ сильный вѣтеръ, по небу пошли тучи, рѣка почернѣла и надулась, такъ что какъ ни грустны здѣсь низменные, болотистые, частью песчанные, мѣстами покрытые невысокимъ кустарникомъ берега рѣки у взморья, какъ ни унылъ маякъ на голой отмели, какъ ни противенъ видъ землечерпательной паровой машины, въ сумракѣ казавшейся какой-то гильотиной или висѣлицей среди воды,—а все-таки по выходѣ въ море намъ было жаль даже и этихъ жалкихъ представителей материка, особенно тѣмъ изъ насъ, кто уже на опытѣ зналъ и не выносилъ настоящей морской качки, дѣйствительно, хотя и не сильно, но давшей-таки себя вскорѣ почувствовать.

Наступилъ вечеръ, но многіе изъ насъ, боясь духоты каюты, всетаки долго не уходили спать. Бродя по палубѣ я подошелъ къ носу парохода; тамъ кучка пассажировъ II класса, изъ коихъ нѣкоторые ѣхали на Соловки, другіе на Мурманъ, сгруппировались около капитана одного изъ сѣверныхъ служебныхъ пароходиковъ, ѣхавшаго на Соловки.

Молодой человѣкъ разсказывалъ имъ, какъ онъ еще очень недавно возилъ отца Іоанна Кронштадскаго на его родину въ с. Суры на Пинегѣ.

О. Іоаннъ построилъ тамъ прекрасный храмъ, и любятъ же его на родинѣ, да и не только тамъ, а гдѣ бы только ни было, гдѣ ни приставали, вездѣ народъ стекается и кишитъ, повторяя: „это Іоаннъ Богословъ“. Прибѣгаютъ сами и больныхъ приводятъ. Да и духовныя власти его уважаютъ. При освященіи храма я ѣздилъ съ нимъ два раза. О. Іоаннъ зашелъ въ богадѣльню; бабы къ нему подъ благословеніе, а онъ говоритъ: „Не мнѣ благословлять, подходите къ его преосвященству“, а владыка деликатно отвѣчаетъ: „Нѣтъ, я тутъ недавно былъ, теперь вы ихъ благословите“. Только ужъ добръ онъ очень къ крестьянамъ своего села, очень балуетъ; тѣ большіе заборы въ харчевняхъ дѣлаютъ, а онъ по этимъ счетамъ платитъ. Впрочемъ, другой разъ бываетъ и очень строгъ. Такъ, остановились мы у берега брать дрова; приходитъ народа много; одинъ хорошо одѣтый человѣкъ подходитъ подъ благословеніе, а о. Іоаннъ ему благословенія не даетъ; тотъ настаиваетъ, а батюшка говоритъ: „Мнѣ некогда“, повернулся и сошелъ въ каюту, а тамъ и говоритъ: „Не могу его благословить“, сталъ молиться, и слезы пошли у него градомъ; а въ народѣ говорили, что дѣйствительно это извѣстный какъ очень дурной человѣкъ, а батюшка угадалъ, потому что съ нимъ Богъ. А благословеніе его куда какъ много значитъ. Наткнулись мы разъ на мелкое мѣсто; ни впередъ, ни назадъ: моему пароходу надо минимумъ девять четвертей, а тутъ всего семь. Что, говорю, батюшка дѣлать? Идти ли впередъ или пробовать дать заднiй ходъ; гдѣ глубина, впереди или назади—не вѣдаю. А онъ говоритъ: „Идите впередъ“. Я перекрестился и далъ ходъ; матросъ съ шестомъ кричитъ: „шесть четвертей, пять четвертей, тремся о дно“, а мнѣ и горя мало: коли о. Іоаннъ благословилъ, значитъ не сядемъ, и дѣйствительно не только прошли, но и не сѣли“ ни разу.

Что же онъ, аскетъ, постникъ? спросилъ кто-то изъ окружающихъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ капитанъ, по крайней мѣрѣ снаружи незамѣтно. Подрясники у него чудные—все надо быть почитателями поднесенные, пьетъ немного хересъ и любитъ нѣжинскую рябиновку; очень также любитъ треску. А держитъ себя

очень просто: то у себя въ каютѣ молится, то опять выйдетъ и по палубѣ гуляетъ и больше все на верху сидитъ, Евангеліе читаетъ и киваетъ головой, а потомъ подойдетъ ко мнѣ или къ кому-нибудь и начнетъ истолковывать Евангеліе или Апостоловъ и очень уже хорошо толкуетъ. Былъ у насъ на бортъ взятъ лоцманъ, дерзкій такой, фанатикъ; былъ онъ сперва православнымъ, а затѣмъ перекинулся раскольникомъ. О. Іоаннъ какъ-то провѣдалъ про это. Подошелъ къ лоцману въ упоръ и спрашиваетъ: „Какъ зовутъ?“ Тотъ такъ зло, сквозь зубы отвѣчаетъ: „Иваномъ“. А о. Іоаннъ ему: „Былъ Иваномъ, да сталъ болваномъ. Верни наше святое имя назадъ: не имѣешь права его носить, а называйся Маметкой!“ Тотъ ажъ затрясся, и видно что обозлился, а съ другой стороны, оторопѣлъ и все время былъ хмурый, задумчивый.

Когда утромъ, въ шесть часовъ, насъ разбудили, то пароходъ уже шелъ тихимъ ходомъ по совершенно гладкой водѣ и скоро сталъ на якорь. Шелъ мелкій частый дождь, въ воздухѣ было совершенно тепло. Съ палубы передъ нами развертывалась серьезная, грандіозная картина. Кругомъ ближе и дальше группы островов и малыхъ, и большихъ, и низменныхъ, и гористыхъ, и голыхъ скалистыхъ, съ массой высокихъ деревянныхъ крестовъ (по обычаю и обѣту воздвигнутыхъ усердіемъ набожныхъ поморовъ и богомольцевъ) и сплошь поросшихъ могучимъ хвойнымъ лѣсомъ. Вотъ островъ Анзерскій, вотъ Заячій съ островомъ Бабьимъ, гдѣ въ болѣе строгія времена помѣщались богомолки, не смѣя ночевать въ обители, вотъ и Муксольма, а рядомъ огромный, въ сто верстъ окружностью, островъ и на немъ красивая, строгая и величественная Соловецкая обитель. Сейчасъ отъ насъ она, надо думать, верстахъ въ шести, и нельзя сказать, чтобы была видна, какъ на ладони. Здѣсь останавливаются большія суда на якорѣ, ибо фарватеръ тутъ узокъ и извилистъ и, по свидѣтельству мѣстныхъ аборигеновъ, бухта здѣсь умышленно мѣстами завалена глыбами гранита, кто говоритъ—въ ожиданіи непріятеля еще въ 1854 году, а кто, что позже, въ обезпеченіе при повтореніи подобной напасти. Вообще, не даромъ говорятъ про Соловки, что этотъ святой

стражъ православія, русской національности и сѣверныхъ границъ русскаго государства не только здѣшняя святая-святыхъ по своимъ основателямъ и многимъ подвижникамъ въ обители, но и самое цѣломудренное мѣсто на святой Руси. Здѣсь туристы явленіе рѣдкое, еще рѣже простые любители недальнихъ прогулокъ, т. е. люди праздные и индифферентные, ѣдущіе ради пріятнаго препровожденія времени и новизны въ удобно расположенную придорожную центральную обитель. Здѣсь отъ Архангельска (въ который тоже попасть не скоро) болѣе 300 верстъ тяжелаго пути по бурному Бѣлому морю, а потому сюда ѣдутъ или мѣстные почитатели святыни, или же издалека и отовсюду по обѣту и изъ благочестія, или во имя науки и патріотизма.

Да людямъ науки и русскому мыслящему человѣку вообще здѣсь есть на что посмотрѣть, есть о чемъ вспомнить, еще издалека, еще при первомъ взглядѣ на эти троянскія стѣны, пятиглавые соборы, церкви, колокольни и башни, стоящіе пирамидъ и обелисковъ, по ихъ титанической работѣ, по глыбамъ гранита, наваленнымъ, сложеннымъ и поднятымъ на вышину безъ всякихъ машинъ и приспособленій, только при помощи креста и во имя православія и родины. Глядя на обитель, невольно вспоминаешь безъ малаго полтысячи лѣтъ исторіи православной русской церкви и русской государственной исторіи вообще.

Отецъ архимандритъ встрѣтилъ министра съ подобающей честью, и затѣмъ мы въ сопровожденіи о. намѣстника осматривали достопримѣчательности соловецкихъ храмовъ, начиная съ собора Преображенія Господня, громаднаго по размѣрамъ и воздвигнутаго въ три яруса. Преображенскій храмъ, выстроенный св. Филиппомъ въ 1558 г., стоитъ въ одной связи съ Троицко-Зосимо-Савватьевскимъ соборомъ, въ который въ 1866 г. перенесены мощи обоихъ святителей; далѣе, на той же площади, храмъ Николая Чудотворца, при коемъ ризница, за симъ монастырская колокольня—все это съ запада соединено одною продольною папертью по прямой линіи на продолженіи 60 саженъ; затѣмъ, обхватывая ихъ, идутъ ряды двухъ братскихъ келій, въ связи съ коими еще

два храма, и все это окружено громадной монастырской двухъэтажной крѣпостной оградой съ башнями и четырьмя воротами, изъ коихъ главныя именуются святыми.

Святыя ворота выходятъ къ берегу прямо противъ гавани „Благополучіе", гдѣ пристань какъ монастырскимъ пароходамъ, такъ и прибывающимъ сюда легкимъ судамъ какъ русскимъ и поморскимъ, такъ и иностраннымъ. Бока пристани обстроены монастырскими гостинницами и другими зданіями, представляющими какъ бы крылья къ монастырской оградѣ. Все это хорошо и удобно устроено монахами и монастырскими рабочими, при монахахъ архитекторахъ-самоучкахъ и при участіи въ работѣ не только самихъ монаховъ и іеромонаховъ, но и настоятеля, возившаго, напримѣръ, при постройкѣ гостинницы, тачки съ кирпичами, при чемъ всѣ эти постройки сооружены или изъ громадныхъ гранитныхъ валуновъ или огромныхъ кирпичей монастырской работы, имѣющихъ изумительное свойство спустя 100 и 200 лѣтъ твердѣть и пріобрѣтать крѣпость стали.

Климатъ здѣсь, несмотря на сѣверное положеніе Соловецкихъ островов, благодаря морю, сравнительно весьма умѣренный и даже умѣреннѣе, чѣмъ въ другихъ прибѣломорскихъ мѣстностяхъ, южнѣе Соловковъ лежащихъ, почему на островахъ прекрасная растительность, березовые и хвойные лѣса, чудная трава, роскошные цвѣты и всякая овощь, производимая въ изобиліи на монастырскихъ огородахъ, лежащихъ сейчасъ за монастыремъ, такъ что здѣсь для себя и богомольцевъ все свое, кромѣ капусты, ржи и овса здѣсь не вызрѣвающихъ.

У этихъ же огородовъ лежитъ чудное прѣсное озеро, соединенное съ цѣлой цѣпью слѣдующихъ за нимъ такихъ же озеръ, канавами, подземными протоками, шлюзами, предоставляющими монастырю сотни тысячъ лошадиныхъ силъ для его механическихъ приспособленій и работъ.

Спереди, начиная отъ святыхъ воротъ, вдоль берега, мимо гостинницъ, вглубь острова, идутъ по всѣмъ направленіямъ прекрасно шоссированныя и отлично содержимыя шоссейныя дороги, ведущія сквозь лѣсную чащу въ скиты, церкви, ма-

стерскія, тони, доки, солеварницы, заводы, лѣсопильни и различныя учрежденія, принадлежащія монастырю, имъ устроенныя и содержимыя на огромномъ островѣ, въ сотню верстъ окружностью.

Рядомъ съ Соловецкимъ островомъ лежитъ островъ Муксольма, гдѣ помѣщается ферма и огромное, болѣе чѣмъ въ 200 головъ, расовое голландско-холмогорское стадо монастырскихъ коровъ. Оба острова между собой соединены вѣчной широкой плотиной, протяженіемъ около версты и состоящей изъ наваленныхъ на дно моря вплоть до его уровня громадныхъ глыбъ камней съ двумя перерывами для прохода судовъ, въ видѣ разбирающихся деревянныхъ мостовъ. И это міровое чудо сооружено въ одно лѣто энергіей самихъ монаховъ, при помощи богобоязненныхъ пилигримовъ со всѣхъ концовъ и странъ Россіи, безвозмездно охотно присоединившихся поработать (какъ и всегда) на хозяевъ обители—„святыхъ угодничковъ Зосима и Савватія".

Какъ Муксольма, такъ и острова: Заячій, Анзерскій и другіе, составляющіе соловецкій архипелагъ, и иныя прибрежныя мѣста на богатомъ приморскомъ корельскомъ берегу, съ лѣсами, рыбными ловлями, тонями, рѣчками и соловецкія подворья въ Архангельскѣ и столицахъ, все это принадлежитъ монастырю и вѣдается его архимандритомъ, который, въ качествѣ владыки ставропигіальнаго монастыря, подчиненъ только Синоду и помимо мѣстной епархіи. Вообще монастырь съ XV столѣтія пользовался покровительствомъ сначала посадниковъ и знатныхъ людей новгородскихъ, а по паденіи Новгорода особеннымъ благоволеніемъ русскихъ царей, превратившихъ его въ крѣпость, дававшихъ обители и казну, и дары, и войско, и порохъ, и орудія на ея защиту и, сверхъ того, всякія льготы и права, выраженныя въ грамотахъ и до сихъ поръ хранимыхъ въ сокровищницѣ обители. Не оставались равнодушными къ монастырю, его духовной созерцательной жизни и подвигамъ аскетизма и подчасъ геройскаго патріотизма, здѣсь проявлявшихся, и бояре московскаго царства, и лучшіе, наиболѣе развитые люди тѣхъ временъ, особенно изъ тѣхъ, мощной энергіи коихъ не было выхода. Вое-

воды и ихъ офицеры, сюда отправляемые изъ Москвы, служили сильною связью между метрополіей и обителью, нѣкоторые офицеры, какъ мнѣ здѣсь передавали, оставались затѣмъ монахами въ обители. Не меньшее вліяніе оказывали и узники, сюда присылаемые, приносившіе въ обитель и свои духовныя силы, и знанія, и науку вообще. Имена ихъ, быть можетъ, не безъ умысла не сохранились, но слѣды есть и въ книгохранилищѣ, въ этихъ манускриптахъ, изъ коихъ болѣе 600 недавно еще послано только одному Казанскому университету, но и ими далеко не исчерпывается вся древняя культура и исторія монастыря и его внутренней жизни.

-x-———

XI.

ИЗЪ ИСТОРІИ СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ.

Вообще Соловки ждутъ и стôятъ своего безпристрастнаго и серьезнаго историка. Мнѣ, кромѣ „историческаго описанія Соловецкаго монастыря архимандрита его Мелетія“, пришлось прочесть еще и не мало другихъ работъ и остановиться на двухъ современныхъ трудахъ, по моему мнѣнію, наиболѣе удачныхъ, именно: „Соловки“ доктора Федорова (записки Императорскаго Географическаго общества) и „Бѣломорье и Соловки“ В. И. Немировича-Данченко. Первое замѣчательно по массѣ статистическаго матеріала и фактическихъ данныхъ, другое — какъ художественные очерки и картинки, чрезвычайно жизненные, схваченные налету и слышанные на мѣстѣ, но оба труда, по моему, грѣшатъ, быть-можетъ, невольно въ *опредѣленіи* и *характеристикѣ* фактовъ и видѣннаго ихъ авторами. У г. Федорова, при всей точности его данныхъ, звучитъ явное нерасположеніе къ монахамъ и ихъ крѣпкой вѣрѣ, и это чрезвычайно подрываетъ и портитъ его трудъ, а у г. Данченко оказывается, что вся сила и высокое положеніе Соловецкой обители въ томъ только и заключается, что полуграмотные и безграмотные крестьяне, не имѣя понятія ни о механикѣ, ни о кораблестроеніи, ни о химіи и другихъ наукахъ, дѣлаютъ и шлюзы, и поднимаютъ воду, и строятъ доки, и великолѣпныя прочныя зданія, и пароходныя машины, и салотопни, и кожевенные заводы, и занимаются живописью и въ школѣ

дѣлаютъ изумительныя научныя исчисленія, — и все это-де потому, что надъ мужикомъ нѣтъ здѣсь барина и чиновника, и помогаютъ его энергіи и наставляютъ его св. Зосима и Савватій, да при томъ такимъ своеобычнымъ способомъ, который практичнѣе и примѣнимѣе многихъ иностранныхъ, а будь-де въ обители 25 дворянъ (изъ 500 монаховъ), все дѣло пошло бы прахомъ.

Думаю, что это не только не совсѣмъ такъ, но что г. Немировичъ и самъ не совсѣмъ вѣритъ въ незыблемость своихъ заключеній. Вѣра двигаетъ, правда, горами, именно она и сплотила и Кіево-Печерскую и Троицкую лавры, но украшалъ ихъ одинаково тотъ же знаменитый Растрелли. И Савватій [1]), и Сергій Радонежскій принадлежали одинаково къ именитымъ людямъ, имѣвшимъ и доступъ къ наукамъ и государственное пониманіе [2]), съ другой стороны, какъ повѣствуетъ исторія Соловецкаго монастыря, его замѣчательную въ стратегическомъ отношеніи крѣпость выстроилъ (скрывшій свое природное имя и званіе) инокъ Трифонъ, а св. Филиппъ, знатный бояринъ московскій Колычевъ, воспитывавшійся во дворцѣ и чрезъ то вначалѣ добившійся отъ Грознаго многихъ льготъ для монастыря, котораго былъ игуменомъ, принадлежалъ къ образованнѣйшимъ и ученѣйшимъ людямъ своего вѣка, что̀ и отразилось на массѣ улучшеній, сдѣланныхъ *именно* имъ въ поднятой до настоящаго ея цвѣтущаго уровня обители. Онъ ввелъ тамъ не мало мастерствъ и ремеселъ, засыпалъ болота, развелъ скотъ, устроилъ кожевни и варницы, соединилъ озера и устроилъ воистину знаменитую по силѣ воды водяную мельницу, до сихъ поръ именуемую Филипповской [3]). Г. Случевскій въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, касаясь исторіи Соловецкой обители, совершенно справедливо говоритъ, что мудрый и величавый

[1]) Савватій, какъ полагаютъ, весьма именитаго рода, но подробности о немъ и его имени, описанныя преподобнымъ Германомъ, затеряны, и, быть можетъ, не безъ умысла.

[2]) Какъ и Трифонъ преподобный, о коемъ скажу, говоря о Пазрѣкѣ.

[3]) На все это святитель, пришедшій сюда простымъ монахомъ, пожертвовалъ массу собственныхъ денегъ.

святитель былъ Іоанну по уму, правдивости и непорочной жизни гораздо страшнѣе (а, слѣдовательно, и ненавистнѣе) кн. Курбскаго.

Замѣчательно, что одинъ изъ образованныхъ, соловецкихъ монаховъ, глубоко изучившій историческую жизнь монастыря, съ коимъ меня на одинъ часъ столкнула судьба (и не пожелавшій быть названнымъ), увѣрялъ, на основаніи письма, будто бы присланнаго Филиппомъ въ Соловецкую обитель изъ мѣста его заточенія, Тверского Отрочь монастыря, что святитель, будучи въ ссылкѣ, составилъ весьма подробныя записки о времени своей бытности московскимъ митрополитомъ, крайне обличавшія геніальнаго порфиророднаго злодѣя, развратника и грознаго богохулителя и что часть этихъ записокъ, посланная на Соловки, будто бы какъ - то чрезъ предателя, попала въ руки Іоанну и подвигла его послать Малюту Скуратова привезть святителю вѣнецъ мученическій, при чемъ этотъ злобный песъ сумасшедшаго деспота, по удушеніи святителя, привезъ вторую часть этихъ записокъ Іоанну, доведшую его до такого бѣшенства, что онъ перевѣшалъ и переказнилъ всѣхъ находившихся тогда въ Москвѣ Колычевыхъ, обвиняя ихъ въ сношеніяхъ съ почившимъ святителемъ.

Тотъ же монахъ указывалъ мнѣ между прочимъ, что внутренняя исторія Соловецкой обители преисполнена политической мудрости, что монастырь не брезгалъ ни бѣглыми, ни недовольными государственнымъ строемъ, если только они хорошо хоронили концы и „раскаивались", т. е. отрекались отъ всякихъ внѣшнихъ сношеній, что купцы и чиновники, правда, попадали сюда рѣдко и то ради дѣлаемыхъ ими значительныхъ вкладовъ, но монастырь никогда не отказывалъ въ поступленіи тогдашней единичной интеллигенціи, т. е. дворянамъ, какъ не отказываетъ и теперь никому, а въ томъ числѣ даже самымъ страшнымъ грѣшникамъ, а въ ихъ числѣ и отставному палачу, пожелавшему постричься нѣсколько лѣтъ назадъ. Правда, монастырь (состоящій почти изъ 500 монаховъ) и сейчасъ не имѣетъ и 20 дворянъ и интеллигентовъ, остальные же крестьяне; но это такъ и вездѣ до думъ, присяжнаго суда и земства включительно и не отнимаетъ духов-

наго вліянія у первыхъ. Правда, дворяне и интеллигенты, вступая сюда, здѣсь въ корпоративномъ и традиціонномъ смыслѣ обезличиваются и свѣтскія имена ихъ тонутъ въ забвеніи почти всегда на вѣчно, но тѣмъ не менѣе дворяне и интеллигенты всегда играли выдающуюся роль и какъ настоятели, и какъ іеромонахи и компетентные совѣтники въ дѣлахъ внутреннихъ обители и сношеніяхъ внѣшнихъ и, пользуясь ими ничего имъ не давая, монастырь не рисковалъ своей независимостью. Помимо духа самоотреченія, руководящаго большинствомъ при поступленіи сюда, всѣ иноки здѣсь носятъ лишь имена, полученныя при постриженіи, всѣ имѣютъ одинаковые грубые сапоги, бѣлье, подрясники, толстыя суконныя рясы, до настоятеля включительно, и неуклонно и свято соблюдаютъ утвержденный затѣмъ Синодомъ равный для всѣхъ уставъ игумена Зосимы, гласящій нижеслѣдующее:

„Игуменъ, и священницы, и соборные старцы, и вся братія ядятъ и піютъ въ трапезѣ всѣмъ ровна, и по келіямъ опричь немощной братіи отнюдь столы не бываютъ. Одежду всякую и обувь даютъ всѣмъ изъ казны, а доходу священникамъ и братіи, служебникамъ въ монастырѣ, и по волостямъ, по приказамъ, и по всѣмъ службамъ, указнаго нѣтъ ни котораго, потому что всѣмъ всякая потрѣба изъ казны“.

И по сіе время, кромѣ 3,000 руб. архимандриту, получающему ихъ такъ сказать на представительство, монахи, состоящіе при спеціальныхъ дѣлахъ и должностяхъ, получаютъ не болѣе 60, 75 руб. въ годъ, большей частью на инструменты, руководства и книги заурядным же доходитъ не болѣе 5—12 руб. годъ.

Отъ послушанія, т. е. отъ работъ, каковы бы онѣ ни были (хотя бы, наприм., живописца назначили плотникомъ), ни старъ, ни младъ отказываться не смѣетъ. Богомольцы давать монахамъ деньги за службы не могутъ, а взносятъ за молебны по умѣренной таксѣ впередъ и расплачиваются полученными зато билетиками. Никакое званіе до постриженія не даетъ монаху значенія, силы и правъ на повышеніе, основанныя исключительно на личныхъ достоинствахъ (умѣ, честности,

энергіи, скромности, смиренія), проявленныхъ при многолѣтнихъ испытаніяхъ и искусѣ, а затѣмъ и повышеніе въ санѣ (кромѣ настоятеля) тоже не даетъ правъ на доходы, льготъ на работѣ и почета.

Монастырь заботится лишь о необходимомъ для него и ему полезномъ прямо или косвенно, отстраняя не только роскошь, но и искусство для искусства и эстетическихъ чувствъ ради, вслѣдствіе чего нигдѣ (кромѣ развѣ ризницы) не видно ни излишнихъ украшеній, ни художественнаго исполненія даже въ образахъ и фрескахъ на стѣнахъ галлерей и въ трапезной. Всякая личная, самобытная воля, вкусъ и личное я вообще убиваются здѣсь суровымъ режимомъ и безпощадной волей верховной, общей. Соловецкая обитель—это республика, соборная республика, въ родѣ вѣчевой новгородской, съ подчасъ именитымъ посадникомъ (настоятелемъ), но безъ личнаго значенія, права и возможности щеголять для *себя* и выдѣляться лично рожденіемъ, талантами и вообще чѣмъ бы то ни было. Есть у тебя личные таланты, храни ихъ молча въ себѣ, коли не примѣчаютъ, а если призовутъ—служи ими общинѣ даромъ во имя угодниковъ, какъ себѣ лично, а сошелъ съ поприща—опять не смѣй проявлять ихъ. Власть здѣшняго архимандрита огромна, но болѣе важныя дѣла все-таки рѣшаются имъ не единолично, а совѣтомъ.

Намѣстникъ, казначей, благочинный, ризничій на совѣтѣ имѣютъ такой же голосъ, хотя внѣ совѣта члены совѣта вполнѣ во власти архимандрита, который можетъ весьма сурово обойтись съ ними. Въ крайнихъ случаяхъ монахи (напр., избраніе настоятеля) составляютъ соборъ. Монастырь и теперь, какъ сказано выше, ставропигіальный I класса и отъ мѣстнаго владыки независимый. Цѣлый рядъ царей московскихъ, а въ ихъ числѣ и Іоаннъ Грозный, давали Соловецкой обители необычайныя льготы. Въ зависимости обители находились въ разныхъ епархіяхъ состоящіе монастыри, пустыни, подворья и приходскія церкви, приписанныя къ обители по повелѣнію государей со всѣми крестьянами, землею и имуществомъ, и притомъ не платившіе податей въ казну; и несмотря на это Василій Іоанновичъ пожаловалъ мона-

стырю „несудимую грамоту“ въ силу коей взысканія съ настоятеля съ братіей предоставилъ только себѣ, а уличенный въ преступленіи монастырскій крестьянинъ (кромѣ убійцъ и захваченныхъ на мѣстѣ) подлежалъ только приговору настоятеля, при чемъ архимандриты получили право носить мантію и другія права, уравнявшія ихъ съ епископами. До временъ Петра Великаго (тоже поддерживавшаго монастырь и тоже даровавшаго ему грамоту), обитель пользовалась правомъ избранія въ настоятели соловецкаго постриженника. Насколько ревнивъ былъ монастырь къ своимъ правамъ и власти, видно не только изъ того, что онъ всегда избѣгалъ обращаться ко власти и, несмотря на благодѣянія и грамоты Никона, не преминулъ подняться противъ власти и его, Никона, не желая принять исправленныя имъ книги, усиливъ этимъ на сѣверѣ расколъ и обагривъ себя и монастырь кровью, но и помимо того еще очень недавно, какъ намъ разсказывали, назначенъ былъ настоятелемъ въ обитель архимандритъ изъ одного изъ подмосковныхъ монастырей. Оскорбился ли монастырь тѣмъ, что въ данномъ случаѣ ему пришлось поступиться самостоятельностью, или новый начальникъ пришелся не ко двору, я не знаю, но борьба поднялась жестокая съ обѣихъ сторонъ, окончившаяся и привлекшая цѣлую слѣдственную коммиссію изъ Петербурга и не къ выгодѣ главы обители. Точныя подробности въ такихъ захватывающихъ общіе интересы дѣлахъ по свѣжимъ слѣдамъ, понятно, добыть трудно, почему я и не освѣщаю факта, но перипетій было не мало съ обѣихъ сторонъ. О. архимандритъ задумалъ большіе подѣлки и расходы, признанные совѣтомъ ненужными и превышающими его компетенцію. Затѣмъ настоятель къ денежнымъ вопросамъ примѣшалъ и личные. Поставилъ онъ звонаремъ слѣпаго старца, тотъ разбилъ большой колоколъ. Настоятель обвинилъ старца, а иноки винили его. Болѣе другихъ критиковалъ и шелъ противъ настоятеля монахъ, строитель и архитекторъ многихъ здѣшнихъ зданій; настоятель, дабы избавиться отъ него, назначилъ его настоятелемъ въ Онежскій крестный монастырь, тотъ воспротивился всѣми силами, и посланъ былъ туда же простымъ

монахомъ, но въ концѣ концовъ остался въ Соловкахъ и т. д., и т. д. до конца служенія (и жизни) настоятеля.

Да, Соловецкая обитель умѣла во всѣ времена постоять за себя и свою самость, которой, искренно говоря, она все-таки вполнѣ заслуживаетъ, принося огромную пользу государству и дѣлу религіи и нравственности не только въ округѣ и на всемъ сѣверѣ, но и значительно дальше.

XII.

СОЛОВЕЦКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Да, этотъ почти вѣковой братскій и равноправный союзъ съ одной стороны: ума, опыта, знаній, энергіи и матеріальныхъ средствъ, съ несокрушимой физической, но, осмысленной идеей силой — съ другой, союзъ слова съ дѣломъ непосредственно, союзъ, основанный на духовной почвѣ, любви къ ближнему, къ міровой правдѣ и справедливости, эта тѣсно сплоченная корпорація, гдѣ каждый братъ равная часть цѣлаго и считаетъ свою обитель преддверіемъ къ небу, находя, что въ мірѣ только соблазнъ, развратъ, пьянство, грѣхъ и суетное безпокойство, а здѣсь общая работа для блага того же міра, во имя Христа и святыхъ угодниковъ Божіихъ; словомъ, эта идеальная, духовная, братски-равноправная община есть въ то же время и идеальная форма правленія, къ сожалѣнію, только ни въ какомъ другомъ мѣстѣ и ни при какихъ другихъ условіяхъ невообразимая, непримѣнимая и не осуществимая. Ибо гдѣ есть плотская любовь и страсть къ стяжанію и личному повышенію, тамъ нѣтъ равенства и братства, какъ его ни устраивай; повторяю, что если для Соловецкой обители найдется безпристрастный и серьезный историкъ, то онъ пойметъ, почему геніальный Петръ, относившійся къ монахамъ вообще съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, почти недоброжелательствомъ, особенно благоволилъ къ Соловецкой обители, и онъ былъ вполнѣ правъ. Почти 400 лѣтъ святая обитель оберегала наши границы отъ иноплеменнаго нашествія, защищала и расширяла прибрежные и пограничные поселки, не давала угаснуть православію, въ борьбѣ съ

расколомъ, весьма разросшимся въ этой глухой округѣ, притягивала и по сейчасъ притягиваетъ къ себѣ ежегодно десятки тысячъ богомольцевъ, стекающихся сюда со всей Россіи и разносящихъ затѣмъ по ней славу о благочестіи, хозяйственномъ благоустройствѣ и трудолюбіи здѣшнихъ иноковъ, о ихъ даровой школѣ для сотенъ мальчиковъ, остающихся здѣсь и на зиму и обучающихся кромѣ наукъ и мастерству. Сверхъ того, здѣсь ежегодно состоитъ отъ 400 — 500 холостыхъ даровыхъ рабочихъ *годовиковъ,* остающихся въ обители кто на годъ, кто на два, по личному желанію или по обѣту родителей, или просто дабы пріучиться къ порядку и выучиться мастерству; а выучиться здѣсь можно всему, ибо у монастыря все свое и на все свои люди. Литографы, фотографы, иконописцы, золотильщики, финифтщики, серебрянники, плотники, столяры, пильщики, камнетесы, кирпичники, кузнецы, архитекторы, рыбаки, переплетчики, кожевники, плотники, садовники, мукомолы, портные, каретники, шорники, слесаря, сапожники, бондари, машинисты, пароходостроители, механики, гидротехники, капитаны, матросы,—словомъ всего, что дѣлается и можетъ дѣлаться въ обители, не перечтешь и всему этому могутъ научиться и мальчикъ и богомолецъ — даровой рабочій и, вернувшись, ввести въ жизнь и обиходъ своей деревни, что и бываетъ сплошь и рядомъ, служа усиленію благосостоянія крестьянъ и уваженія ихъ къ обители. Кромѣ того, монахи сплошь и рядомъ, хотя и понемногу, а помогаютъ крестьянамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ кормятся, работая у нихъ, снимая тони или продавая уловъ рыбъ и морскихъ животныхъ, хотя и немного дороже, чѣмъ на сторонѣ въ одномъ и дешевле въ другомъ случаѣ. Поморамъ обитель тоже помогаетъ кредитомъ, чинитъ ихъ суда, подчасъ даромъ, и вообще оказываетъ то или иное содѣйствіе и покровительство во имя Христа и сосѣдства. Словомъ, нашъ сѣверный Аѳонъ служитъ свѣточемъ благочестія, помощи въ бѣдѣ неимущему источникомъ просвѣщенія и всякаго хорошаго примѣра для всего Сѣвера, мало того, центромъ, во всякомъ случаѣ болѣе промышленнымъ, свѣдующимъ и фабричнымъ, чѣмъ Архангельскъ.

Соловецкій монастырь, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, имѣетъ дохода въ общемъ (отъ всего) нѣсколько сотъ тысячъ рублей, при чемъ богомольцы, привозимые теперь на собственныхъ пароходахъ обители, приносятъ сравнительно не особенно большую часть, хотя ихъ и бываетъ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ въ навигацію, т. е. въ четыре судоходныхъ мѣсяца, а остальное время, т. е. двѣ трети года, монастырь почти разобщенъ съ остальнымъ міромъ, благодаря бурямъ, нагроможденнымъ у берега и плавающимъ кругомъ льдамъ, при чемъ почта доставляется рѣдко, но всегда точно и подчасъ съ большими затрудненіями и рискомъ.

До обѣдни мы осмотрѣли храмы, галлереи, украшенныя грубыми стѣнными малеваніями, изображающими торжество вѣры и кары грѣшникамъ въ видѣ бѣсовъ, змѣевъ, пламенѣющаго ада и проч., обширную больницу, квасную, пекарню, гдѣ печи выпекаютъ лѣтомъ до 300 пудовъ хлѣба въ сутки. Кромѣ того, лѣтомъ монастырь ежедневно выпекаетъ тысячи просфоръ. Отсюда мы пошли въ гостинницу, гдѣ намъ отвели прекрасные номера во второмъ этажѣ и предложили чай съ изумительными по густотѣ сливками. Обѣдню, ради воскресенья, служилъ самъ архимандритъ, а затѣмъ былъ отслуженъ соборнѣ молебенъ у раки святителей Зосимы и Савватія. Строгая простота и благолѣпіе ни для кого не сокращаемой службы, серьезный видъ братіи, схимники съ землистыми лицами и потухшими очами, въ черныхъ клобукахъ и мантіяхъ, украшенныхъ бѣлыми мертвыми головами и могильными крестами,—все это способно произвести и производитъ впечатлѣніе совсѣмъ необычайнаго, такъ сказать, усиленнаго благоговѣнія и къ святынѣ, и ко всему, ее и насъ окружающему. Изъ церкви о. архимандритъ прошелъ съ нами въ кухню, блиставшую чистотой и щеголявшую чрезвычайно практическими приспособленіями для одновременной передачи цѣлой массы посуды и кушаній; изъ кухни мы прошли въ братскую трапезную. Это огромный, свѣтлый, почти роскошный залъ съ обширнымъ четырехугольнымъ каменнымъ столбомъ, поддерживающимъ сводъ посрединѣ. Близъ него стоитъ образъ и кружка. Весь залъ ярко расписанъ, укра-

шенъ духовными картинами, мѣстами весьма хорошаго письма, и позолотой. По стѣнамъ, отъ пола до свода, стоитъ цѣлый иконостасъ образовъ съ серебрянными паникадилами; весь залъ уставленъ длинными столами съ приставленными къ нимъ лавками и поразительно походитъ на московскую Грановитую палату, особенно въ высокоторжественный моментъ коронаціоннаго обѣда. Впрочемъ, насколько роскошенъ залъ, настолько проста сервировка стола. Деревянныя ложки, оловянныя тарелки и миски, вилка и ножикъ. Богомольцы почище обѣдаютъ тутъ же, но за отдѣльнымъ столомъ, а попроще и крестьяне—въ другой столовой. Всѣ становятся у своихъ мѣстъ и по прочтеніи молитвы ждутъ третьяго удара небольшого колокола. Во время обѣда одинъ изъ монаховъ читаетъ священное писаніе. Всѣ молчатъ, раздается звонъ колокола, и десятки молодыхъ послушниковъ сразу и быстро стремятся къ столамъ, ставятъ очередное блюдо и уносятъ посуду съ остатками. Кто не успѣлъ съѣсть раньше, долженъ покончить невольно. Подаютъ уху и вообще до четырехъ рыбныхъ блюдъ, кашу съ масломъ, квасъ, молоко. Все весьма питательно и вкусно.

Въ ризницѣ мы нашли нѣсколько старинныхъ евангелій и духовныхъ книгъ, подарки царей, а въ томъ числѣ и Петра I, пожертвовавшаго нѣсколько серебрянныхъ ковшей и кубковъ. Здѣсь же скромныя льняныя ризы святителей Зосимы и Савватія и ризы игумена Филиппа, деревянныя дарохранительницы и чаши, драгоцѣнныя по старинѣ вещи, по работѣ и самоцвѣтнымъ каменьямъ, въ родѣ, напримѣръ, сабли Пожарскаго и меча Скопина-Шуйскаго, грамоты Мароы Борецкой и цѣлаго ряда московскихъ царей, вериги и какъ бы путы на людей невѣроятнаго вѣса.

Выйдя отсюда, мы посѣтили тюрьму и лавки.

Соловецкая тюрьма обширное мрачное двухъ-этажное зданіе, устроенное въ сырой крѣпостной стѣнѣ съ темными коридорами и унылыми кельями съ окнами внутрь крѣпости, на окнахъ двойныя рѣшетки и тройныя рамы. Основаніе тюрьмы современно крѣпости. При тюрьмѣ всегда состоялъ военный караулъ, хотя арестанты и прежде были въ зави-

симости отъ игуменовъ и архимандритовъ монастыря, какъ комендантовъ крѣпости. Эти черныя отъ времени стѣны пропитаны слезами, вздохами и проклятіями тысячъ людей и правыхъ и виноватыхъ. Здѣсь почти не было гражданскихъ преступниковъ, сюда присылались томиться и умирать политическіе или религіозные преступники тѣхъ временъ и пошиба, опальные царедворцы, крамольники часто безъ имени послѣ пытокъ, лишенія языка и человѣческаго образа и правъ, смутьяны, не по времени ученые, обвиненные въ чернокнижіи, колдовствѣ и ереси; сидѣли тутъ и строптивые монахи, особенно послѣ бунта и взятія крѣпости въ 1677 году, куда засадилъ ихъ до 150 человѣкъ воевода Мещериновъ до разбора виновности и казней однимъ ссылки или голодной и холодной смерти другимъ. Теперь эта тюрьма, какъ таковая, имѣетъ еще караулъ, но почти не играетъ роли темницы. При посѣщеніи обители министромъ, здѣсь въ тюрьмѣ содержалось только трое и при томъ на льготныхъ основаніяхъ: сумасшедшій монахъ и двое скопцовъ или хлыстовъ; изъ нихъ одинъ неизлѣчимый пропагандистъ возвращается сюда чуть ли не въ третій разъ.

Здѣсь въ монастырѣ не мало всякихъ лавокъ, гдѣ торгуютъ и продаютъ всякій и панскій, и книжный, и колоніальный, и бакалейный товары богомольцамъ. Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что книги, альбомы, виды и проч. здѣсь дороже, чѣмъ бы можно было ожидать, *и слѣдовало* судя потому, что все это или издѣлія самого монастыря, или приношенія и во всякомъ случаѣ не оплачивается никакими свидѣтельствами и правами, а между тѣмъ, напримѣръ, небольшой альбомъ видовъ острова и обители стоитъ 6 руб. и прочее въ томъ же родѣ.

Кромѣ того, въ оградѣ обители есть большая лавка, гдѣ монахи торгуютъ всякой мягкой рухлядью, почему лавка и называется рухлядней. Тутъ продаются куски пожертвованнаго въ изобиліи полотна, однако, какъ говорятъ, копѣйкой-двумя на аршинъ дороже противъ иныхъ мѣстъ; продаются и другія жертвованныя и отказанныя по завѣщаніямъ монастырю одежды и вещи. На полкахъ: и бѣлье, и полушубки,

которыми снабжаютъ подчасъ даромъ полуголыхъ бѣдняковъ-богомольцевъ; тутъ же масса произведеній изъ нерпичьей кожи, начиная съ выдѣланныхъ шкурокъ для ковриковъ, украшенныхъ серебристымъ жидкимъ щетинистымъ мѣхомъ, и кончая нерпичьими очень прочными сапогами, непромокаемыми легкими одеждами, дамскими, дѣтскими и монашескими поясами и, наконецъ, бумажниками, ничѣмъ на видъ не отличающимися отъ сафьянныхъ.

Въ виду того, что рухлядню посѣщаютъ всѣ богомольцы, у ея дверей прибито крупно написанное объявленіе, гласящее, чего и по скольку изъ носильнаго платья: бѣлья, сапогъ, подрясниковъ и т. п. получаетъ каждый *годовикъ* (даровой рабочій) при отправкѣ домой послѣ отбытія имъ его срока. Дѣйствительно, съ этими рабочими обращаются здѣсь весьма ласково и хорошо, кормятъ ихъ сытно и рыбой и мясомъ, по большей части олениной, благодаря тому, что здѣсь и на Соловецкихъ островахъ вообще масса этихъ животныхъ въ дикомъ состояніи, или, вѣрнѣе, не въ домашнемъ, но зато, благодаря отсутствію охотниковъ и запрету охоты вообще, почти совершенно ручныхъ. На островѣ не мало и другого звѣря и дичи: лисицы, куницы (говорятъ и зайцы), куропатки, рябчики, въ безчисленныхъ озерахъ масса рыбы, а во время лета утокъ и гусей на ихъ поверхности плаваютъ цѣлыя стаи, наполняя своимъ гомономъ окрестности. Все это вовсе не боится человѣка, подпуская его себѣ въ упоръ, но болѣе всего достойны замѣчанія чайки, составляющія особенность соловецкой жизни. Съ осени селятся здѣсь стаи воронъ, но въ концѣ марта прилетаютъ первыя чайки, а за ними несмѣтныя массы этихъ же птицъ, и тогда вороны, зная ревность, задорность, смѣлость и неуживчивость чаекъ, до послѣдней птицы немедленно убираются съ острова, и такъ идетъ ежегодно съ незапамятныхъ временъ. Въ сущности, это особый родъ чаекъ, нѣчто въ родѣ альбатросовъ. Онѣ ростомъ съ небольшого гуся, бѣлыя съ сѣрыми хвостами, на высокихъ лапахъ, съ большимъ желтымъ клювомъ, кончающимся шишкой, и съ кровяными на немъ наростами. Чайки эти, безъ всякаго страха и церемоній, влетаютъ въ

окна, клюютъ хлѣбъ на столахъ бѣгаютъ у самыхъ ногъ, какъ собаки, толпятся по проходамъ, не давая дороги; каждая знаетъ свой раіонъ; птенцовъ выводятъ просто въ травѣ, оперившись, тѣ бѣгутъ къ людямъ на встрѣчу и имѣютъ совершенно видъ сѣрыхъ индѣекъ. Осенью онѣ улетаютъ до весны и [тогда — чайка съ мѣста, ворона на мѣсто. Этихъ оригинальныхъ пернатыхъ прельщаетъ не только безопасность и масса мелкой рыбы въ здѣшнихъ озерахъ, но и подачки богомольцевъ, у коихъ онѣ чуть не вырываютъ хлѣбъ изъ рукъ. Подкармливаютъ ихъ и монахи, привѣтствуя этихъ птицъ, какъ мы жаворонковъ или ласточекъ, т. е. первыхъ вѣстниковъ весны, и считая ихъ состоящими подъ особымъ покровительствомъ угодниковъ св. обители, что они-де и доказывали на дѣлѣ, летая надъ англійскими фрегатами въ моментъ осады самымъ оригинальнымъ, непріятнымъ и постыднымъ для подвергшихся ему джентльменовъ способомъ.

———⁂———

XIII.

ЭКСКУРСІЯ ПО ОСТРОВУ И ОТЪѢЗДЪ.

О. архимандритъ пригласилъ къ завтраку министра и его спутниковъ. Залъ, гостинная и столовая архимандрита совершенно схожи съ архіерейскими и настоятельскими покоями въ большихъ мужскихъ старинныхъ нашихъ центральныхъ монастыряхъ. Стѣны увѣшаны массой старинныхъ портретовъ: тутъ и Великій Петръ, и Мароа Борецкая, и митрополиты, игумены и архимандриты обители; мебель старинная, фундаментальная; окна въ садъ и на море. За завтракомъ—сельди знаменитаго соловецкаго приготовленія, рыбныя закуски и семга въ пирогѣ, копченая, чуть соленая, словомъ, во всѣхъ видахъ. Передъ завтракомъ о. архимандритъ представилъ министру моряка французской службы, графа Кювервиль. Графъ—молодой человѣкъ, одѣтый по послѣдней парижской модѣ ,небольшого роста, худощавый, даже какъ бы слишкомъ изысканный для Соловковъ, и съ той говорливой несерьезностью и самоувѣренностью, какими отличается масса французовъ. Графъ пріѣхалъ сюда потому, что теперь на Россію мода; живетъ онъ здѣсь двѣ недѣли „съ литературной цѣлью“; у него много высокопоставленныхъ друзей въ Петербургѣ, коимъ онъ обѣщалъ-де и то, и это по возвращеніи, а главное, обѣщалъ подѣлиться впечатлѣніями... Онъ получилъ въ Петербургѣ разрѣшеніе охотиться всюду и удивленъ, что здѣсь охотиться нельзя. Съ нимъ пріѣхалъ студентъ переводчикъ. О смерти Карно графъ узналъ изъ русскихъ газетъ отъ о. архимандрита и, повиди-

мому, какъ роялистъ, возмущенъ этимъ ужаснымъ обстоятельствомъ весьма мало.

Послѣ завтрака мы отправились на Сѣкирную гору. С. Ю. Витте ѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ о. архимандритомъ, а графъ де-Кювервиль помѣстился напротивъ. Неожиданно встрѣтивъ на далекой сѣверной окраинѣ русскаго министра и изысканно-вѣжливаго и внимательнаго слушателя, графъ, очевидно, прекрасно себя чувствовалъ. Коляску быстро мчала четверка отличныхъ сѣрыхъ лошадей, запряженная цугомъ, съ форейторомъ, а мы — *nous autres* размѣстились на двухъ длинныхъ семейныхъ линейкахъ, запряженныхъ тройками. Круглые, сытые коньки катились во весь духъ. Правили *годовики* — даровые работники, сообщившіе намъ дорогой, что въ обители до 200 такихъ лошадей, по большей части жертвованныхъ мѣстными крестьянами, что лошади и экипажи приносятъ обители не малый доходъ, такъ какъ богомольцы ѣздятъ по разнымъ пунктамъ острова, платя въ оба конца по 60 коп. съ человѣка.

До Сѣкирной горы 16 верстъ прекрасной лѣсной шоссейной дороги съ верстовыми столбами. Ѣхали мы часъ съ небольшимъ при чудной жаркой погодѣ и прекрасныхъ видахъ вдоль цѣлой цѣпи безпрерывныхъ озеръ, окруженныхъ холмистыми берегами и вѣковыми соснами.

Сѣкирная гора прозвана такъ потому, что, по преданію, здѣсь ангелы высѣкли жену одного корела, желавшую вмѣстѣ съ мужемъ оттягать часть земли у обители. Гора чрезвычайно высока и крута, такъ что лошади еле и то съ разгона взбираются на половину высоты. Отсюда среди деревьевъ тянется узкій почти отвѣсный подъемъ въ нѣсколько сотъ ступеней. Наверху горы на площадкѣ Сѣкирный скитъ, видный издалека и какъ бы висящій въ голубой лазури. Красивый звѣздообразный (восьмиугольный) храмъ вѣнчается высокой колокольней, на куполъ коей министръ поднялся по весьма узкой деревянной лѣстницѣ. Здѣсь узенькій балконъ, окруженный трепещущими перилами, какъ бы висящій въ воздухѣ и окаймляющій кругомъ куполъ; съ него видъ необычайной красоты. Весь островъ съ лѣсами, озерами, скитами,

все какъ на ладони, а съ другой стороны голубое море, съ плавающими въ немъ изумрудными островами. Внизу и теперь было совершенно тихо, деревья въ лѣсу стояли какъ очарованные, но здѣсь дулъ жестокій вѣтеръ, и синяя даль заканчивалась зловѣщей туманной дымчатой завѣсой, предвѣщавшей возможную скорую перемѣну погоды къ худшему. Съ Сѣкирной горы мы завернули въ Савватіевскій скитъ, оттуда проѣхали на восковой заводъ, гдѣ на солнцѣ отбѣливалась масса струганнаго воска для свѣчъ; сдѣлавъ, такимъ образомъ, часа въ четыре добрыхъ 50 верстъ, мы вернулись въ гостинницу.

Было около 7 часовъ вечера, когда мы, послѣ обѣда у о. архимандрита, въ сопутствіи отца намѣстника сѣли при общихъ благожеланіяхъ на монастырскій пароходъ „Михаилъ Архангелъ“ и спустя полчаса уже были на „Ломоносовѣ“, тотчасъ же снявшемся съ якоря.

Нѣсколько часовъ кряду шли мы вдоль острова, не теряя его изъ вида. Погода стала, очевидно, мѣняться; сперва пошелъ дождь, потомъ на небѣ появилась радуга необычайной красоты и яркости; какъ бы выходя изъ моря, она другимъ концомъ опиралась на Сѣкирную гору, окружая скитъ яркимъ разноцвѣтнымъ сіяніемъ. За первой радугой появилась вторая, за нею третья. Стоя на палубѣ, мы любовались очаровательной картиной; но вдругъ потемнѣло, налетѣлъ страшный шквалъ, засвистѣло въ снастяхъ. На палубномъ рундукѣ приподняло брезентъ, шумно затрепыхавшійся въ воздухѣ; на рубкѣ зазвенѣли стекольныя рамы; палуба сразу опустѣла. Матросы бросились вверхъ укрѣплять снасти. Море почернѣло и заволновалось. Поднялась качка.

— Ну что, будетъ намъ встрепка? спросилъ я, съ трудомъ лавируя по палубѣ къ каютѣ, у спѣшно проходившаго мимо капитана.

— Вѣтеръ съ берега, отвѣчалъ капитанъ,—а потому хотя и будетъ свѣжо, да намъ это ровно ничего не значитъ; а вотъ нашимъ поморамъ, съ ихъ худыми шняками и шхунами въ нынѣшнюю ночь придется хлопотливо, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ не дозволяетъ пристать къ берегу.

Но мы уже на практикѣ знали, что значитъ, по словамъ капитана, М. И. Кази и другихъ моряковъ, „свѣжій вѣтеръ", побуждающій-де бросать якорь предъ обѣдомъ и завтракомъ изъ любезности, дабы во время ѣды не мутило пассажировъ, а въ сущности дабы не ставить рамъ и не прикрѣплять посуду къ столу. По словамъ одного изъ помощниковъ капитана, этотъ восточный вѣтеръ сейчасъ дуетъ въ Бѣломъ морѣ уже около мѣсяца, съ ничтожными перерывами; главное, въ этихъ широтахъ сообразиться съ погодой весьма трудно даже весьма опытному моряку, ибо здѣсь у полярнаго круга нордъ-остъ и остъ всему хозяева, и именно отсюда идетъ начало всѣхъ завирухъ, гуляющихъ по остальнымъ океанамъ, при чемъ здѣсь бываютъ бури при высокомъ барометрѣ и обратно: барометръ сильно упалъ, а море все-таки гладко и въ солнечномъ воздухѣ стоитъ тишина. По словамъ М. И. Кази, англичане съ великимъ тщаніемъ собрали, между прочимъ, и всѣ сѣверныя морскія примѣты и изложили ихъ въ стихахъ, но отъ примѣтъ до научныхъ истинъ еще далеко, и намъ, не морякамъ, „свѣжая погода" вовсе не улыбалась, особенно предъ перспективой безостановочно идти почти двое сутокъ до Териберки. Кстати, мы должны были обогнуть сѣверъ, т. е. пройти Бѣлое море и Ледовитый океанъ, по слѣдующему маршруту: отъ Архангельска до Соловковъ 163 мили, отъ Соловковъ до Териберки 406 миль, отъ Териберки до Колы 66 миль, отъ Колы до Екатерининской гавани 30 миль, отъ Екатерининской гавани до Уры губы 10 миль, отъ Уры до Мотовской 40 миль, отъ Мотовской до Печенги 94 мили, отъ Печенги до Пазъ-рѣки 46 миль, отъ Пазъ-рѣки до Вардэ 48 миль, отъ Вардэ до Гамерфеста 185 миль, отъ Гамерфеста до Тромзэ 120 миль, отъ Тромзэ до Трондгейма 465 миль.

Такимъ образомъ, собственно суть и цѣль путешествія, то есть (не считая желѣзной дороги отъ Петербурга до Вологды, рѣчного пути до Архангельска, желѣзной дороги поперекъ Норвегіи и Швеціи, Балтійскаго моря и Финляндской жел. дороги) нашъ проѣздъ по Студеному морю равнялся 1,673 морскимъ милямъ.

XIV

ЗА СѢВЕРНЫМЪ ПОЛЯРНЫМЪ КРУГОМЪ.

У СОСНОВСКАГО МАЯКА.

Ночью, въ виду упорнаго восточнаго вѣтра, пришлось бросить якорь. Когда рано утромъ я вышелъ на палубу, оказалось, что мы только что прошли полярный кругъ и стоимъ на якорѣ у Сосновскаго маяка, расположеннаго на островѣ. Какой печальный видъ! Островъ выходитъ изъ моря большой и высокой крутобедрой скалой. На самой высокой точкѣ стоитъ одинокій некрасивый маякъ, а рядомъ сотни, цѣлое кладбище саженныхъ крестовъ, поставленныхъ здѣсь по обычаю и обѣту поморами при благополучномъ возвращеніи съ Мурмана.

Вдали на горизонтѣ виденъ берегъ, на которомъ ютится лопарская деревенька, а у острова, близь Сосновскаго маяка, стоитъ на якорѣ цѣлая флотилія судовъ, въ 50 или 60 поморскихъ шхунъ. Несчастные ждутъ здѣсь по двѣ - три недѣли паденія восточнаго вѣтра, мѣшающаго имъ выбраться изъ горжи Бѣлаго моря. Къ полудню отъ одного такого судна отдѣлилась лодочка съ рулевымъ и двумя гребцами; несмотря па заливающія ее волны, она ловко и ходко приближалась къ намъ; одинъ изъ гребцовъ на лету схватилъ брошенный ему причалъ и въ одну секунду былъ на палубѣ.

— Что вамъ? спросилъ его помощникъ капитана.

— Да ничего, посмотрѣть бы, былъ робкій отвѣтъ.

— Что жь, милости просимъ, а что же твои товарищи, пусть и тѣ входятъ, замѣтилъ кто-то.

Поморы не заставили себя просить и тотчасъ же очутились на палубѣ.

Всѣ трое молодые парни въ вязаныхъ грубыхъ курткахъ, толстыхъ штанахъ, въ картузахъ и разлапистыхъ сапогахъ. Всѣ средняго роста, плечисты, съ мозолистыми руками, у всѣхъ обвѣтренныя лица, выцвѣтшіе волосы на головѣ и бородѣ, по русски выражаются сжато и образно, правильно и красиво. Министръ сталъ ихъ спрашивать. Маракушинъ, Гоняловъ и Ѳедоръ Ивановъ отвѣчали ясно, спокойно, толково.

— Давно ли здѣсь?

— Съ мѣсяцъ какъ ждемъ ослабленія Оста.

— Что же, страшно съ нимъ плыть?

— Нѣтъ, идти мы не боимся, да при такомъ вѣтрѣ сувой (толчея двухъ теченій у соединенія Бѣлаго моря съ океаномъ), ни за что на шхунѣ не пройдешь, а наше суденышко съ небольшимъ изъяномъ—течетъ.

— Но вѣдь такъ плыть нельзя?

— Нѣтъ, чего нельзя, у насъ есть насосъ: его надо качнуть сто разъ въ часъ, тогда ничего.

— Вы покрученники?

— Покрученники; на суднѣ насъ четверо, да хозяинъ, да кокъ (кухарь)—зуекъ лѣтъ 14.

С. И. Мамонтовъ, улучивъ минуту, снялъ съ нихъ фотографію. Министръ далъ имъ по серебряному рублю, что привело ихъ въ восторгъ. Имъ показали пароходъ. Получивъ позволеніе уходить, они исчезли моментально, и черезъ минуту лодочка уже прыгала по волнамъ въ десяткахъ саженей отъ „Ломоносова“. Дѣйствительно, *это сталь земли русской,* какъ сказалъ о поморахъ С. Ю. Витте. Тутъ всѣ молодцы, начиная съ самихъ поморовъ и кончая ихъ женами и дочерьми, не уступающими имъ въ умѣньи грести и удали и, въ отсутствіи мужей, ловящихъ въ морѣ рыбу, перевозящихъ почту изъ Кеми въ Соловки и т. д., и кончая зуйками въ 13—14 лѣтъ, работающими на шхунѣ и шнякѣ съ ловкостью и силой большихъ, благодаря тому, что годовые ребята

уже таскаются матерьми въ лодкахъ по морю во всякую погоду.

Если взглянуть на норвежскую ёлу и нашу поморскую шняку, то остается только удивляться, что несчастныхъ случаевъ аварій у насъ не только немного, но по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, менѣе чѣмъ у норвежцевъ. „Тамъ куда осторожнѣе нашего: и суда лучше и хорошо оснащены, и порядокъ, *а у насъ одна отчаянность,* говорилъ нашъ капитанъ. За то тамъ нѣтъ той смѣтливости и удали, почему у насъ, несмотря на дырявость судовъ, крушенія рѣдки; норвежецъ, понятно, въ случаѣ бури, норовитъ уйти подальше отъ берега, а наши, въ случаѣ неминуемаго крушенія, наровятъ сами выкинуться на берегъ и дѣлаютъ они это такъ ловко, что судно рѣдко разбивается, а подчасъ, послѣ того, просто потюкаютъ топоромъ, кое-что законопатятъ, да замажутъ, и наровятъ снова спустить и плыть дальше“.

И несмотря на такое положеніе вещей, поморамъ нельзя отказать въ предпріимчивости. По компетентному свидѣтельству архангельскаго губернатора, въ прошломъ году жители Архангельской губ. заработали (помимо земледѣлія) промыслами 3,500,000 р., т. е. (считая все населеніе губерніи въ 350,000 человѣкъ) по 10 руб. на душу, и несмотря на то, что промыслы 1893 года менѣе доходны противъ предшествовавшаго года, А. П. Энгельгардъ заявляетъ, что въ этомъ году не только не требовалось никакой продовольственной помощи, но что даже онъ взыскалъ часть старыхъ продовольственныхъ долговъ, а государственныя и земскія подати уплачены почти полностью, причемъ не было ни одного случая продажи имущества.

Не одна ловля рыбы и морскихъ звѣрей составляютъ промыселъ помора, торгующаго всѣмъ и все доставляющаго на своихъ шхунахъ въ Норвегію и обратно.

Къ обѣду пошелъ дождь, и непогода усилилась; вдали показалась плохенькая шхуна, невозможно нагруженная лѣсомъ; шхуна невдалекѣ отъ насъ бросила якорь; явившійся къ намъ шкиперъ сообщилъ, что идетъ въ Вардӭ съ досками своей пилки. Доски девяти аршинъ, съ изъяномъ, т. е. кое-гдѣ съ

гнилью; поморы получаютъ тамъ за такую доску рубль; лучшій же товаръ безъ гнили не стоитъ возить, ибо даютъ за него дешево, такъ какъ хорошаго и своего много. Изъ Вардэ назадъ шкиперъ привезетъ треску, соль шпанскую (англійскую) и еще кое-что для обихода. Вообще здѣсь соль въ рукахъ монополистовъ, что чрезвычайно вредитъ рыбнымъ промысламъ, такъ какъ подчасъ ее продаютъ по 45 и болѣе к. за пудъ, а подчасъ ея не бываетъ вовсе, вслѣдствіе чего губернаторъ намѣренъ открыть на Мурманѣ казенный соляной складъ для урегулированія цѣнъ [1]). Какъ только торгаши поднимутъ цѣну, такъ сейчасъ будутъ отпускать изъ казеннаго склада по 30 коп. за пудъ. Кромѣ того, какъ я слышалъ, министръ финансовъ, дабы улучшить поморскія суда и пріучить къ лучшему, болѣе порядочному обхожденію съ ними, находитъ необходимымъ тѣмъ или другимъ способомъ устроить верфь въ Колѣ или въ другомъ удобномъ мѣстѣ, съ которой поморы могли бы получать суда улучшеннаго типа по той же цѣнѣ, которую они платятъ теперь за свои суда худшаго типа и качества [2]). При незначительномъ расходѣ отъ казны (до 25-ти тысячъ въ годъ) верфь эта, сдавая новыя суда или въ аренду, или въ разсрочку, или еще какъ, могла бы сильно вліять на улучшеніе поморскаго судостроенія вообще. Кромѣ того, какъ я слышалъ, сверхъ телеграфа, [3]) проектируются со стороны власти еще новыя полезныя мѣры къ усиленію населенія на Мурманѣ. До сихъ поръ на Мурманскомъ берегу изъ числа 2,100 поселившихся тамъ осѣдло: жителей русскихъ всего 672 чел., финляндцевъ — 700 слишкомъ и до 200 норвежцевъ, а остальные лопари. Въ послѣднее время правительство ассигновало ежегодно 2,000 руб. въ годъ въ

---

[1]) Казенный хлѣбный складъ съ такою же цѣлью уже устроенъ на Мурманѣ, въ Колѣ.

[2]) Поморскія шхуны строятся въ Онегѣ и Сумахъ по 3, 4 и 5 тыс. руб. за штуку и дешевле.

[3]) Насколько важенъ телеграфъ на Мурманѣ, доказывается тѣмъ, что промышленники отсылаютъ на наемныхъ судахъ свои телеграммы въ Вардэ, оттуда онѣ идутъ въ Архангельскъ и другія мѣста, а самъ губернаторъ сносится съ кольскимъ исправникомъ черезъ Петербургъ и Норвегію.(!)

помощь русскимъ переселенцамъ, считая по 350 р. на каждую семью. Мѣра эта дала огромный толчекъ дѣлу, и въ настоящее время охотниковъ, подавшихъ заявленія о переселеніи, набралось очень много, при чемъ уже поселившимся колонистамъ такъ привольно и они такъ обезпечены заработками, что никакихъ недоимокъ по ранѣе выданнымъ ссудамъ за ними уже не числится и всѣ причитающіеся съ нихъ платежи вносятся ими въ полной исправности. Вслѣдствіе этого, какъ слышно, министерство внутреннихъ дѣлъ намѣрено значительно увеличить ассигнуемую на переселеніе ежегодную сумму, и уже на 1894 г. въ распоряженіе губернатора отпущено на этотъ предметъ 5,000 р.

Только къ вечеру снялись мы съ якоря.

XV.

ІОКАНСКІЕ ОСТРОВА.

Было таки порядочно холодно, термометръ показывалъ всего 3 градуса выше нуля. Мы идемъ по $11^1/_2$ узловъ въ часъ, направляясь на сѣверо-западъ и неуклонно держась все время въ двухъ, трехъ миляхъ отъ Терскаго берега. И сзади, и впереди по берегу тянутся гряды гранитныхъ или вывѣтрившихся шиферныхъ, какъ бы покрытыхъ коростой и лишаями шелудивыхъ скалъ; почти сплошной снѣгъ лежитъ на ихъ черныхъ вершинахъ, обозначается бѣлыми пятнами въ разсѣлинахъ и спускается широкими, перекрещивающимися, ослѣпительно-яркими на солнцѣ полотнищами къ самому морю. Подъ утро прошли Городецкій мысъ и быстро идемъ къ Святому Носу.

Дождь пересталъ, и восточный вѣтеръ, къ счастью, немного поутихъ, но морское волненіе здѣсь, даже и не въ бурю, не прекращается, особенно, когда вѣтеръ, какъ теперь, тянетъ съ сѣверо-востока, значительно охлаждая температуру. Недаромъ говорятъ поморы, что быть захваченнымъ сильною бурею въ глоткѣ Бѣлаго моря (въ толчеѣ у Орловскаго маяка или въ сувоѣ у Святого Носа) и не быть проглоченнымъ — великое счастье даже для опытнаго смѣлаго экипажа и хорошаго судна. Чрезвычайно интересную картину представляетъ эта борьба двухъ теченій, эти волны, идущія не чередомъ, ровнымъ темпомъ одна за другою, а одна на другую, съ ревомъ и пѣною протискиваясь впередъ между на-

ступающихъ противниковъ, сливаясь и скручиваясь другъ съ другомъ въ одинъ водоворотъ, сшибаясь грудь съ грудью, перескакивая валъ черезъ валъ или ныряя подъ него съ бѣшенымъ остервенѣніемъ, превращающимъ, въ концѣ концовъ, въ пѣну и пыль обоихъ противниковъ.

Сувой.
Рис. К. А. Коровина.

Эта горловина, этотъ сувой, толчея, шумъ, пѣна, гранитные берега, островки и кое-гдѣ торчащіе камни, все это, какъ нельзя болѣе, напоминало Днѣпровскіе пороги, предъ проходомъ коихъ служатъ молебны, при приближеніи къ каждому изъ нихъ бывалый лоцманъ на баркѣ командуетъ на молитву, въ коей принимаютъ участіе кромѣ гребцовъ и случайные пассажиры, въ родѣ меня, рѣшившіеся испытать на практикѣ впечатлѣніе, сопровождаемое съ проходомъ; и тамъ, послѣ минованія послѣдняго порога, успокоившаяся рѣка устало и уже спокойно катитъ свои еще вспѣненные валы, и здѣсь, по проходѣ Святого Носа, предъ вами величавая ширь Ледовитаго океана, чуть колыхаясь, уже съ холоднымъ, спокойнымъ презрѣніемъ относящагося къ задорному свисту восточнаго вѣтра.

Тотчасъ за Святымъ Носомъ, обогнувъ его по направленію къ западу, т. е. къ берегу, мы очутились, такъ сказать, на самомъ порогѣ Мурмана, среди группы Іоканскихъ островъ, защищенныхъ мысомъ Святого Носа отъ восточнаго вѣтра. Эта защита сейчасъ имѣетъ магическое дѣйствіе. Стало тихо, какъ по мановенію волшебнаго жезла: темпера-

тура сразу поднялась до 9-ти градусовъ выше нуля; въ воздухѣ чувствовалась согрѣвающая теплота солнечныхъ лучей. Здѣсь снѣга меньше: на ребрахъ и вершинахъ прибрежныхъ гранитовъ бѣлыя пятна рѣже, зато мѣстами попадаются зеленыя. Цѣлыя стада утокъ рѣютъ въ воздухѣ. Къ сожалѣнію, острова эти, защищенные Святымъ Носомъ съ востока, ничѣмъ не защищены отъ сѣверныхъ вѣтровъ, вслѣдствіе чего въ общемъ они болѣе теплымъ климатомъ все - таки похвастаться не могутъ. Мы остановились у группы трехъ островковъ, при чемъ министръ пожелалъ высадиться на находившійся противъ насъ самый большой. На нашихъ картахъ островки эти не названы, но на морскихъ они носятъ названія: Медвѣжьяго, Сальнаго и Безымяннаго. Безымянный [1]) островъ, на который мы высадились, въ сущности огромная, почти конусообразная скала, чуть не отвѣсно выступающая изъ моря. Съ трудомъ взобравшись вслѣдъ за министромъ по крутому подъему, мы очутились на обширномъ плато составляющемъ вершину острова, которую мы, несмотря на бездорожье и камни, искрестили по разнымъ направленіямъ въ теченіе болѣе двухъ часовъ времени. Здѣсь, наверху, картина сразу мѣняется: плато изрѣзано маленькими ложбинами, съ ручейками и торфяной почвой, покрытой къ югу, при защитѣ скалъ, яркимъ ковромъ изъ моха и цвѣтовъ. Островъ обилуетъ и карликовыми березами, но злосчастныя деревца, не смѣя изъ чувства самосохраненія подняться надъ почвой, стелются по мшистому газону, мѣстами даже впиваясь въ него, при чемъ достигаютъ иногда размѣровъ саженной толстой палки, но листья ихъ страшно миніатюрны, равняясь размѣромъ нашей крупной березовой почкѣ.

Хотя островъ и необитаемъ, тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ слѣдовъ посѣщенія человѣка и пребыванія на немъ животныхъ. У ручья, напримѣръ, бѣлѣютъ кости и черепъ, очевидно принадлежащіе молодому оленю; во мху попадается заячій пометъ и тутъ же оленій. На самой высокой прибрежной скалѣ сложены въ видѣ креста огромныя гранитныя глыбы.

---

[1]) Теперь островъ Витте.

поражая зрителя недоумѣніемъ, сколькимъ же людямъ оказалась по силамъ эта гигантская работа. На другой возвышенности нѣсколько деревянныхъ крестовъ. Надъ островомъ безпрерывно рѣютъ утки, черные бакланы, гагары, кряквы, съ крикомъ перекрещивая его въ разныхъ направленіяхъ, что и дало возможность А. П. Энгельгарду и С. И. Мамонтову, всегда захватывающимъ ружья при высадкѣ въ нежилыхъ мѣстахъ, бить ихъ безъ промаха. Ротмистръ Гранъ нашелъ въ скалахъ гнѣздо гаги, догадавшись о немъ по сильному специфическому запаху, при чемъ оказалось, что всѣ расщелины скалъ полны такими гнѣздами. При приближеніи людей гаги не летятъ до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не подойдутъ въ упоръ; въ каждомъ гнѣздѣ четыре, пять яицъ, обложенныхъ толстымъ слоемъ пуха.

Островъ Витте.
Рисун. К. А. Коровина.

Мы снова вышли въ открытый океанъ. Къ вечеру восточный вѣтеръ упалъ; тѣмъ не менѣе снова стало холодно на столько, что ночью порошилъ, кружась въ воздухѣ и тая на солнцѣ, чуть замѣтный, пушистый снѣжокъ. Въ полночь прошли мы становище на Семи Островахъ, а на другой день (22-го іюня) въ четыре часа утра, при яркой и безвѣтренной погодѣ, вошли въ Териберскую губу и бросили якорь въ бухтѣ передъ Териберскимъ становищемъ.

XVI.

СТАНОВИЩЕ ТЕРИБЕРКА.

Териберская губа считается весьма вмѣстительной и удобной, вдобавокъ не замерзаетъ и имѣетъ двѣ бухты, окруженныя горами. Тутъ одно изъ населеннѣйшихъ русскихъ поморскихъ становищъ, извѣстное обильнымъ ловомъ трески по преимуществу, и вообще рыбный уловъ въ Териберкѣ считается самымъ благодатнымъ послѣ уловъ Гавриловскаго становища, идущаго на Мурманѣ первымъ номеромъ. Въ Териберкѣ начинаетъ осѣдать чисто русская колонія, и уже нѣсколько десятковъ семей поселилось здѣсь прочно. Здѣшняя зимняя средняя температура (какъ впрочемъ и на всемъ Мурманѣ вообще) не превышаетъ минусъ 6 град. Реомюра. Въ Териберкѣ, близь становища, не мало ровнаго пространства для магазиновъ, складовъ и портовыхъ построекъ вообще. Рѣка Териберка и родники по сосѣдству имѣютъ совершенно достаточное для потребностей порта и флота количество прѣсной воды. Тутъ же есть двѣ небольшихъ церкви (старая и новая), вверхъ по ложу рѣки порядочные луга и, сверхъ того (какъ мнѣ говорили колонисты), въ дровахъ, добываемыхъ внутри страны, тоже нѣтъ недостатка; тѣмъ не менѣе Териберская губа для стоянія флота не годится, во первыхъ, потому, что ея бухты для этого малы; во вторыхъ, находясь на восточномъ берегу и будучи не вездѣ одинаково защищена горами и скалами,

она подвергается сѣвернымъ и восточнымъ вѣтрамъ [1]). Кромѣ того, рѣчка Териберка, имѣя быстрое теченіе, нанесла въ бухту такія массы песку, что пароходы и болѣе или менѣе значительныя суда должны останавливаться (какъ сдѣлали и мы) далеко отъ берега; наконецъ, баръ рѣки Териберки, по которому необходимо пройти въ лодкѣ, чтобы попасть въ становище, даже во время прилива имѣетъ не болѣе полутора саженъ глубины и притомъ такъ стремителенъ и опасенъ, что несчастные случаи съ людьми имѣютъ здѣсь мѣсто сплошь и рядомъ, и еще недавно, предъ пріѣздомъ министра утонулъ на барѣ у всѣхъ на глазахъ, съ перевернутой лодкой, полицейскій урядникъ. Говорятъ, что кромѣ этихъ причинъ есть и другія, но такъ или иначе, а Териберка, несмотря на старанія заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ промышленниковъ-воротилъ, останется при выборѣ для флота мурманскихъ бухтъ внѣ конкурса. Тѣмъ не менѣе и сама губа и становище Териберка, особенно на людей не привыкшихъ къ ледянымъ и голымъ пустыннымъ скаламъ сѣвера, производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Масса чаекъ, баклановъ, чистиковъ и другихъ пернатыхъ охотниковъ до рыбнаго стола, летающихъ вокругъ и покрывающихъ сосѣднія скалы, значительно оживляетъ картину, а вмѣстѣ съ тѣмъ становище, съ его бревенчатыми, хорошенькими домиками, новой церковью, больницей, украшенной бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ, съ совершенно зеленой долиной, красивой по энергіи рѣчкой, съ навѣсами для сушки рыбы, висящей здѣсь на палкахъ въ родѣ толстыхъ калбасъ, въ сотняхъ тысячъ штукъ, съ разставленными тутъ же для просушки ярусами сѣтей, съ массой вытащенныхъ на берегъ шнякъ и не малымъ количествомъ двухъ-мачтовыхъ шхунъ и даже съ трехъ-мачтовымъ бригомъ и шеландами, поднимающими 15,000 пудовъ (рыбы) въ бухтѣ, — все это, вмѣстѣ съ оживленіемъ, проявляющимся на берегу, сейчасъ полномъ народа русскаго и по рѣчи, и по типу, и по костюму, и по спокой-

---

[1]) Больше сѣвернымъ, такъ какъ съ востока защищена довольно гористымъ Териберскимъ мысомъ.

ной энергіи, производитъ чрезвычайно отрадное, ласкающее взоръ и бодрящее русское сердце впечатлѣніе. Здѣсь уже есть власти. Вмѣстѣ со священникомъ, министра встрѣтили (съ рапортомъ) исправникъ, чиновникъ финансоваго вѣдомства, урядникъ и все становище, т. е. около 800 человѣкъ [1]), все коренастые молодцы въ сапогахъ, кожаныхъ или толстыхъ шерстяныхъ курткахъ и картузахъ, съ русскими клинообразными или окладистыми бородами, съ сѣрыми, умными и энергичными глазами.

Никакихъ шумныхъ овацій и восторговъ при встрѣчѣ съ начальствомъ поморы не проявили, а поздоровавшись тотчасъ надѣли шапки и вели себя съ какимъ-то вселяющимъ уваженіе спокойнымъ природнымъ достоинствомъ; тѣмъ не менѣе ихъ добродушные взоры, улыбки, готовность все объяснить и показать, прямо доказывали, что они отъ души рады и губернатору, и почетному гостю. Вообще здѣсь отношенія къ власти чрезвычайно простыя и патріархальныя. Здѣшній исправникъ, В. И. Смирновъ, чрезвычайно типичный, украшенный орденами, почтенный, подвижной и энергичный старикъ, живущій въ Колѣ и замѣчательно изучившій весь Мурманъ, *володѣетъ* своимъ поморьемъ на началахъ чисто патріархальныхъ. Исправникъ, напримѣръ, отвѣчаетъ на какой-то вопросъ губернатора, а одинъ изъ стоящихъ тутъ же поморовъ, вступаясь, говоритъ: „Василій Ивановичъ, а вѣдь это ты врешь!...“ и Василій Ивановичъ совершенно спокойно выслушиваетъ помора и говоритъ: „Да и впрямь должно вру... Дѣйствительно, ваше превосходительство, я это упустилъ изъ виду“. Съ другой стороны, ѣдетъ, напримѣръ, губернаторъ съ исправникомъ въ лодкѣ, и пошелъ дождь; гребецъ-поморъ скидаетъ съ себя верхній кафтанъ и надѣваетъ его на Василія Ивановича поверхъ мундира, упираясь, вдобавокъ, плечами ему въ спину, чтобы было теплѣе старику. Въ то же время, всякое требованіе, всякое постановленіе исправника исполняется поморами безпрекословно. „Василій Ивановичъ

---

[1]) А во время удачнаго лѣтняго улова, по словамъ самихъ поморовъ, здѣсь пребываетъ 1,200 и болѣе человѣкъ.

приказалъ, должно быть исполнено, никакихъ разговоровъ, баста!“ Вообще престижъ власти стоитъ здѣсь незыблемо и высоко, безо всякой опоры на матеріальную силу.

Министръ прежде всего посѣтилъ церковь, состоящую изъ высокой бревенчатой горницы, чистой и свѣтлой; въ иконостасѣ ея находится стариннаго письма икона Богоматери изъ Соловковъ съ помѣтой 1757 г. и въ серебряномъ, вызолоченомъ окладѣ, пожертвованномъ въ прошломъ году однимъ промышленникомъ въ благодарность за спасеніе въ бурю. Изъ церкви министръ посѣтилъ больницу, гдѣ былъ встрѣченъ: докторомъ, студентомъ, пріѣхавшимъ сюда практиковаться, сестрами архангельскаго отдѣла „Краснаго Креста“, фельдшерицей и фельдшеромъ.

При больницѣ маленькая аптека и комната для сестры. Всюду чистота и порядокъ замѣчательные.—Что у тебя? спросилъ министръ у одного изъ больныхъ.—Да *очинь жалилю* (т. е. заболѣлъ цингой), отвѣчалъ поморъ. Цинготныхъ всего трое, кромѣ того одинъ ранившій себѣ руку во время лова; вообще же больныхъ весьма немного.

Министръ обошелъ все становище и остался всѣмъ, видимо, очень доволенъ. Жилье здѣшнихъ рабочихъ и чисто, и свѣтло, и сравнительно просторно; идя по поселку, состоящему изъ чистенькихъ, бревенчатыхъ домиковъ, и все осматривая на пути, С. Ю. Витте зашелъ въ полицейскій карцеръ. Сторожъ отворилъ дверь. Тамъ, въ свѣтлой комнаткѣ, съ печью у наръ, стоялъ малый, лѣтъ 27, молодцеватый, причесанный и умытый, съ чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ.— За что сидишь? спросилъ министръ.—За пьянство, добродушно улыбаясь, отвѣтилъ поморъ, посаженный, какъ мнѣ сообщили, за то, что, подвыпивъ, одинъ разнесъ какихъ-то троихъ торговыхъ людей. Такъ какъ арестованный на семь дней просидѣлъ уже шесть, то С. Ю. Витте спросилъ у исправника, нельзя ли его отпустить днемъ раньше? Получивъ, разумѣется, согласіе, министръ сказалъ арестованному, что онъ можетъ идти.—Что же ты не благодаришь? замѣтилъ сзади исправникъ. Поморъ весело улыбнулся и протянулъ свою широкую руку министру...

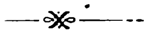
Мы заходили въ деревянные, свѣтлые шалаши, въ коихъ временно помѣщались вновь прибывшіе колонисты съ женами, дѣтьми, даже съ собаками, видѣли колонистскихъ коровъ и овецъ и салотопенный заводъ. Остановились у залива, полнаго русскихъ и норвежскихъ судовъ, прибывшихъ за рыбой. Здѣсь, на берегу, поморы очень охотно показывали снасти и сшитыя лыкомъ шняки, на коихъ они отваживаются выходить на ловъ за 50 и болѣе верстъ на огромную глубину и во всякую погоду, при чемъ завѣряютъ, что несчастій бываетъ мало. Тутъ же на палкахъ, подъ навѣсами, висятъ десятки тысячъ обезглавленныхъ и окровавленныхъ туловищъ трески, валяются кучи рыбьихъ головъ, шныряютъ десятки зуйковъ, съ особеннымъ стараніемъ насаживая на крючки ярусовъ приманку или наживку, въ видѣ рыбки-песчанки. Здѣсь министра ознакомили наглядно съ пикшей, съ зубаткой и съ палтусами, имѣющими до 12 пуд. вѣсу и ловящимися на ярусъ такъ же, какъ попадается иногда и морской звѣрь.

Треска и палтусъ.
Рис. К. А. Коровина.

Около 12 часовъ дня министръ со спутниками, при всеобщихъ пожеланіяхъ, сѣли въ наши пароходныя лодки, направившіяся изъ рѣки Териберки въ бухту. Было время прилива, и мы, достигши бара, могли на опытѣ ознакомиться съ его опасною стремительностью. Матросы на шлюпкѣ министра гребли со страшнымъ усиліемъ, и намъ удалось благо-

получно прорваться въ море безъ посторонней помощи, хотя и была минута, въ которую наши молодцы чуть не изнемогли, но на другой шлюпкѣ, вѣроятно, благодаря большему количеству пассажировъ, дѣло сразу пошло хуже, однако провожавшіе гостей по берегу поморы не упустили критическаго момента. Въ воздухѣ свистнула бичева, конецъ коей былъ пойманъ на шлюпкѣ; ухватясь за другой и по колѣна въ водѣ, поморы въ помощь гребцамъ съ крикомъ „ура“ потянули бичеву, и вскорѣ, вырвавшись изъ стремнины на морской просторъ, шлюпка вслѣдъ за нами достигла „Ломоносова“, пять минутъ спустя снявшагося съ якоря.

XVII

ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ГАВАНИ.

Утро прекрасное, солнечное, при легкомъ вѣтрѣ. „Ломоносовъ“ торопится и идетъ болѣе 12-ти узловъ въ часъ; плывемъ мы постоянно въ виду грознаго, голаго, мрачнаго и скалистаго берега, между тѣмъ или другимъ островомъ, иногда довольно извилистымъ, узкимъ фарватеромъ, почему капитанъ не покидаетъ свой мостикъ. Но вотъ вдали показалась высокая черная скала, футовъ въ 700 вышины, оригинальной формы, имѣющая видъ большого плоскаго стола или высокой горы, верхъ коей спиленъ и сброшенъ въ море. Приблизясь къ нему съ южной стороны, мы вошли въ довольно узкій проливъ. Это островъ Кильдинъ или Кильдингъ, тянущійся на девять миль и состоящій не изъ гранита, какъ большинство скалъ Мурманскаго берега, а изъ вывѣтрившагося шифера и хрупкихъ сланцевъ, то и дѣло обрушивающихся съ его отвѣсныхъ краевъ прямо въ море, засыпая его и выходя на морскую поверхность черными пѣнящимися буграми. Съ южной стороны, тоже вѣроятно благодаря этой осыпи, островъ сходитъ къ морю покатыми террассами, покрытыми сейчасъ зеленью, несмотря на 69° 20″ сѣверной широты, на которой онъ находится. На Кильдингѣ, какъ утверждаютъ, находятся тоже незамерзаемыя удобныя бухты [1]) для стоянки судовъ, а на его

[1]) Весьма обширная бухта Могильная и другія.

Островъ Кильдингъ.
Рис. К. А. Коровина.

террассахъ мы видѣли пасшихся оленей, принадлежащихъ поселившимся здѣсь лопарю-*фильману* [1]) и норвежцу.

Но вотъ, миновавъ мысъ Быкъ, мы быстро обогнули Лѣтинскій мысъ, вошли въ Кольскую губу, перерѣзали ее къ юго-западу и, пройдя неширокій проходъ, очутились наконецъ въ столь долго ожидаемой Екатерининской гавани.

Представьте себѣ обширное озеро, версты въ двѣ длины и болѣе полуверсты ширины. Озеро окружено высокими горами, покрытыми зеленью, мелкимъ березовымъ и сосновымъ лѣсомъ. Словомъ, мы въ сказочномъ царствѣ, и предъ нами полная метаморфоза. Шли при порядочномъ вѣтрѣ, при чемъ термометръ показывалъ всего 8 град. тепла; здѣсь же полная тишь при болѣе 15 град. тепла, и такая обстановка, что если бы мы видѣли все это на картинкѣ безъ подписи, то сочли бы это видомъ одного изъ альпійскихъ озеръ. Метаморфоза полная и чрезвычайно пріятная вдобавокъ.

И все это благодаря гольфстрему. Обогнувъ сѣверные берега Норвегіи, благодѣтельный океанскій протокъ, этотъ потокъ-богатырь оживляетъ наши сѣверныя окраины, призвавъ къ жизни сѣверные берега Мурмана; затѣмъ, оставивъ мерзнуть болѣе южное Бѣлое море, онъ не сворачивая идетъ далѣе къ Новой Землѣ; при этомъ нигдѣ здѣсь такъ не замѣтно его

---

[1]) Фильманами называются здѣсь лапландцы, владѣльцы большихъ оленьихъ стадъ.

вліянія, какъ на берегахъ рѣкъ Печенги и Пазы, на Рыбачьемъ полуостровѣ и въ Кольской губѣ, гдѣ, какъ тутъ увѣряютъ, временами выбрасываетъ приливомъ сѣмена мимозы и обломки тропическихъ деревьевъ, странствующихъ сюда чуть не съ береговъ Мексиканскаго залива.

Какъ ни кажется невѣроятнымъ, но если вспомнить, что Мурманъ издавна былъ пятиной новгородской и что о Колѣ въ россійской исторіи, какъ о рыбачьемъ поселкѣ, упоминается еще подъ 1264 годомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что прекрасная Екатерининская гавань, дающая возможность судамъ зимовать въ ней, безопасно выходить въ океанъ ранней весной и возвращаться позднею осенью, издавна обратила на себя вполнѣ заслуженное вниманіе. При средней зимней температурѣ—6°, свойственной Мурману вообще, по словамъ извѣстнаго знатока Сѣвера, врача Вл. Гулевича, весна здѣсь въ среднемъ имѣетъ около $+2\frac{1}{2}°$, лѣто $+9°$, осень болѣе двухъ градусовъ тепла, а въ теченіе іюня, іюля и половины августа здѣсь бываютъ сплошь и рядомъ жары при 20 и болѣе градусахъ. Кромѣ того, Екатерининская гавань лежитъ въ недалекомъ сосѣдствѣ отъ Норвегіи и на берегу безбрежнаго моря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ центрѣ нашего рыбнопромысловаго раіона, имѣя подъ бокомъ Колу, которую оживитъ и подниметъ стоянка нашихъ судовъ, если только сюда будетъ проведена желѣзная дорога, хотя бы даже ея не касаясь; при этомъ сообщеніе Колы съ Екатерининской гаванью водою возможно почти круглый годъ, чего, напримѣръ, не можетъ достигнуть кронштадтскій портъ относительно Петербурга.

Незамерзаемость Екатерининской гавани была извѣстна и утилизована Петромъ Великимъ сверхъ того. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія здѣсь, вмѣсто Архангельска, перезимовали нѣсколько зимъ наши военныя суда, а въ семидесятыхъ годахъ этого столѣтія, т. е. только 150 лѣтъ спустя, снова поднимается споръ объ удобствахъ и незамерзаемости этой чудной гавани.

Да, все это было 150 лѣтъ назадъ и теперь совершенно забыто...

Горы, окружающія Екатерининскую гавань, очень круто

Екатерининская гавань.
Рис. К. А Коровина.

сходятъ къ морю, такъ что берега почти вездѣ покаты и потому въ настоящемъ видѣ для портовыхъ построекъ неудобны, но дно всюду для якорныхъ стоянокъ прекрасное, глубина по промѣрамъ нигдѣ не превышаетъ 30 саженъ, при чемъ дно поднимается къ берегу до глубины въ 5 и 6 саженъ. Въ гавани между другими судами зимуетъ постоянно какой-нибудь изъ пароходовъ Архангельско-Мурманскаго товарищества, имѣющаго здѣсь свои зданія [1]). По общимъ отзывамъ, гавань замерзаетъ только въ самыя жестокія зимы и то на какой-нибудь мѣсяцъ, при чемъ ледъ до того тонокъ и хволъ,

---

[1]) Во время нашего пребыванія въ одномъ изъ этихъ зданій помѣщались, устроивъ тамъ кабинетъ для своихъ работъ, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета г. Книповичъ съ товарищемъ.

что не держитъ человѣка, быстро ломается и скоро, съ помощью попутныхъ вѣтровъ, уходитъ при отливѣ съ теченіемъ.

Словомъ, если прибавить, что, кромѣ рѣчныхъ, довольно обильныхъ потоковъ, видѣнныхъ нами на мѣстѣ, существуютъ по близости еще озера, обильныя прѣсною водою, то и окажется, что Екатерининская гавань — гавань идеальная во всѣхъ отношеніяхъ.

Мы бросили якорь у западной окраины бухты, въ ста саженяхъ отъ красовавшагося въ бухтѣ русскаго военнаго крейсера 2-го ранга „Вѣстникъ“, плавающаго въ Сѣверномъ Океанѣ для острастки норвежскихъ хищниковъ, еще недавно не стѣсняясь открыто ловившихъ морскихъ звѣрей въ нашихъ водахъ въ огромномъ количествѣ и нагло преслѣдовавшихъ и бившихъ китовъ даже въ самой Кольской губѣ.

-X-

XVIII.

ОСМОТРЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ГАВАНИ.

Только что мы бросили якорь, какъ съ „Вѣстника“ отчалила шлюпка и на нашу палубу вошелъ его командиръ.

Одновременно съ командиромъ „Вѣстника“ прибыли капитанъ стоящаго здѣсь же административнаго пароходика „Мурманъ“, нѣкто г. Нюхаловъ, и лейтенантъ М. Е. Жданко— начальникъ бѣломорской съемки, извѣстный уже своими многолѣтними бѣломорскими работами по гидрографіи и составленію новыхъ картъ. Вообще здѣшнія гидрографическія работы производятся при составѣ изъ шести офицеровъ и обѣщаютъ серьезную практическую пользу [1]). По мнѣнію почтеннаго изслѣдователя здѣшняго моря, для болѣе усиленнаго плаванія вдоль Мурманскаго берега безусловно необходимо пять новыхъ маяковъ: у Цыпь-Наволокъ, на Лѣтинскомъ мысѣ, на островѣ Харловѣ—въ группѣ Семи острововъ, у Гавриловскихъ острововъ или на Вороньихъ Лудахъ и наконецъ на Териберскомъ мысѣ. Маяки эти, надо думать, будутъ скоро воздвигнуты. Сейчасъ же лейтенантъ М. Е. Жданко, несмотря на отсутствіе помощи и людей при работахъ, сдѣлалъ тщательные промѣры Екатерининской гавани и уже положилъ ихъ на карту. Вообще М. Е. Жданко въ восторгѣ отъ Екатерининской гавани, находя ее чуть не идеальной,

---

[1]) Зимой лейтенантъ Жданко не уѣзжаетъ, а живетъ въ Архангельскѣ.

въ чемъ и составляетъ совершеннѣйшую противоположность съ командиромъ „Вѣстника“, о строгой критикѣ котораго по адресу гавани мы слышали еще въ Архангельскѣ.

За завтракомъ разговоръ, разумѣется, пошелъ о Екатерининской гавани; при этомъ С. Ю. Витте, какъ и во все время пути, не только не стѣснялъ, напротивъ поощрялъ всѣхъ болѣе или менѣе компетентныхъ и опытныхъ лицъ высказывать ихъ взгляды на это дѣло, внимательно выслушивая ихъ. По мнѣнію командира „Вѣстника“, гавань хотя и имѣетъ прекрасное дно, но все-таки не годна и не примѣнима для стоянки флота.

— Но, позвольте, какъ, по-вашему, Екатерининская бухта по сравненію съ Севастопольской?—спрашиваетъ М. И. Кази.

— Положимъ, не хуже, но климатическія условія...

— Да, но этотъ вопросъ внѣ спора, а какія же, по-вашему, здѣсь *существенныя* неудобства?

— Озера, видимо, пересыхаютъ и въ водѣ недостатокъ.

— Напротивъ, и теперь воды довольно, а при расчисткѣ и регулированіи ея, очевидно, будетъ болѣе, чѣмъ надо.

— Опять около Кильдина проходъ узокъ,—только одинъ пароходъ пройти можетъ.

— Помилуйте, тамъ и десять смѣло пройдутъ!—восклицаетъ нашъ капитанъ.

— Тамъ всего 150 саженъ.

— Извините, командиръ, проходъ имѣетъ версту ширины; да, наконецъ, и карты указываютъ на это, замѣчаетъ г. Поповъ.

— Кромѣ того, главный недостатокъ, продолжаетъ командиръ:—мы вотъ сейчасъ стоимъ на глубинѣ 27-ми саженъ; когда спускаютъ якорь — крейсеръ весь дрожитъ и расшатывается.

— Помилуйте! восклицаютъ наши моряки:—давно ли русскій флотъ считается съ такими *непреодолимыми* затрудненіями? А Батумъ? а Константинополь?! а многіе другіе первоклассные порты съ еще большей глубиной, — тамъ что же сдѣлаешь?

Словомъ, противники порта находили не мало, но ихъ

мнѣнію, весьма важныхъ неудобствъ: и порогъ въ горлѣ гавани при второмъ выходѣ, и узкость самаго входа, и трухлявый шиферъ ея береговыхъ горныхъ породъ, мѣшающій строиться. Но, съ другой стороны, всѣ неудобства были основательно опровергнуты: и сравнительно неширокій входъ, при отсутствіи необходимости паровымъ судамъ въ лавированіи, не имѣетъ-де серьезнаго значенія, и трухлявость вывѣтрившихся породъ, по замѣчанію министра, врядъ ли имѣетъ значеніе, такъ какъ есть-де основаніе думать, что ниже вывѣтрившихся породъ подпочва или остовъ берега состоитъ изъ твердаго гранита, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Считаю здѣсь не лишнимъ отмѣтить одно обстоятельство. За завтракомъ, во время преній о годности гавани, капитанъ „Мурмана" г. Нюхаловъ принималъ въ разговорѣ дѣятельное участіе, но благодаря противорѣчіямъ себѣ самому и бездоказательности его доводовъ я, по крайней мѣрѣ, не могъ точно опредѣлить — за или противъ гавани говоритъ капитанъ, а потому меня чрезвычайно удивило, что въ № 6602 „Новаго Времени", какъ бы въ опроверженіе г-ну Таратину, доказывавшему въ „Русскомъ Судоходствѣ" и „Нов. Вр." преимущество Екатерининской гавани противъ гавани „Озерко", г. Нюхаловъ, *обличая* г. Таратина въ крупныхъ „невѣрностяхъ" и „неточностяхъ" (?!), *доказываетъ*, что гавань „Озерко" подвергается сравнительно меньшей замерзаемости противъ вообще-де неудобной Екатерининской гавани, а какъ на (непреложныя) всему этому доказательства, ссылается *на рядъ (ученыхъ) работъ*, предпринятыхъ имъ съ помощью магистра зоологіи, Е. Книповича; на разсказы (неизвѣстныхъ) „мѣстныхъ жителей"; на то, что большимъ судамъ въ Екатерининской гавани стоять-де будетъ „немного тѣсновато"; на глубину въ 25 саж., на крутые берега и прочіе старые доводы противниковъ гавани, уже мною упомянутые и вѣроятно записанные г. Нюхаловымъ послѣ указываемаго разговора, но при этомъ г. Нюхаловъ, очевидно, не обратилъ вниманіе на слѣдовавшія за ними опроверженія, что, конечно, во всякомъ случаѣ, въ виду серьезности дѣла, достойно сожалѣнія.

Послѣ завтрака, С. Ю. Витте тотчасъ же отправился на

„Вѣстникъ“. Гг. офицеры и вся команда были на палубѣ; офицеры очень симпатичная, милая и патріотичная (по преимуществу) молодежь. Насколько мнѣ пришлось слышать, они очень одобряютъ Екатерининскую гавань и, прозимовавъ здѣсь, не особенно пугаются здѣшней зимней тьмы, которая, по точнымъ справкамъ, имѣетъ мѣсто только два мѣсяца: съ 13-го ноября по 9-е января, когда солнце не показывается надъ горизонтомъ; однако, по справедливому заключенію А. П. Энгельгарда, и тогда отъ 11 утра до 1 часу дня бываетъ достаточно свѣтло, при чемъ недостатокъ свѣта вообще значительно пополняется сѣверными сіяніями, дающими напримѣръ возможность поморамъ заниматься въ это время промысломъ акулъ, а норвежскимъ сѣвернымъ городамъ не только существовать безпечально, но и ихъ пароходамъ ходить за добычей тюленей до самаго Бѣлаго моря.

Но офицеровъ здѣсь, очевидно, тяготитъ только это вѣчное бездѣятельное состояніе, которое, думаю, не менѣе гг. офицеровъ претитъ и 172 человѣкамъ, составляющимъ команду крейсера, такъ что если бы напримѣръ часть ихъ отряжалась въ помощь при работахъ лейтенанта Жданка, то и работы и люди отъ этого только бы выиграли; впрочемъ, это только мое частное мнѣніе и, конечно, безо всякой претензія на авторитетность.

На палубѣ, кромѣ оффиціальнаго комплекта, т. е. экипажа судна, мы нашли еще и двухъ сверхкомплектныхъ пассажировъ, завсегдатаевъ крейсера. Это породистая и красивая молодая сибирская лайка и черный медвѣженокъ, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, подаренный чиновникомъ губернатора И. В. Сосновскимъ одному изъ офицеровъ. Лайка очень дружитъ съ медвѣженкомъ и оба субъекта, повидимому, служатъ утѣшеніемъ всего экипажа, отъ главы до послѣдняго матроса включительно. И дѣйствительно, оба животныхъ очень милы и потѣшны. Машка (будучи забіякой) разозлитъ лайку и только-что та кинется для расправы, какъ Машка уже надъ нею на такелажѣ, что приводитъ лайку въ бѣшенство. Стоитъ матросу по командѣ начать взбираться, какъ Машка, со свойственной ея породѣ неуклюжей граціей, уже понтируетъ

рядомъ, легко добираясь до самыхъ шпилей мачтъ. На дняхъ Машка чуть не погибла, залѣзла въ каналъ для стока грязной воды или что-то въ этомъ родѣ, такъ что надо было большое пристрастіе къ ней со стороны команды, чтобы ухитриться ее извлечь оттуда, выгнавъ сперва въ море и вытащивъ оттуда на палубу при отчаянномъ ревѣ потерпѣвшей, лаѣ собаки и напряженномъ вниманіи экипажа; а то недавно медвѣжонокъ забрался въ каюту командира и превратилъ въ окрошку до тысячи папиросъ, но и это, несмотря на серьезность и строгость командира, благополучно сошло ему съ лапъ.

Причаливъ къ берегу и осмотрѣвъ зданіе, министръ вмѣстѣ съ М. Е. Жданкомъ (вначалѣ и съ командиромъ „Вѣстника") и своими спутниками поднялся на почти отвѣсныя бездорожныя высоты, усѣянныя выступами, болотами, торфяными тундрами, ручьями, впадинами, изобилующими подъемами и головоломными скользкими скатами. Несмотря на интересный пейзажъ, давно невиданныя настоящія (стоймя стоящія) деревца, массу морошки на зеленой муравѣ,—потныя вытянутыя лица многихъ изъ насъ ясно показывали, что такая головоломная прогулка не доставляетъ особеннаго наслажденія, но С. Ю. Витте замѣчательный ходокъ по горамъ, не употребляющій даже трости для опоры при такихъ рискованныхъ восхожденіяхъ и спускахъ. И чего только не обошли, чего не осмотрѣли и не изслѣдовали въ эту (и ей подобныя) экскурсію, послѣ которой вернулись на „Ломоносовъ" въ полномъ изнеможеніи; тѣмъ не менѣе этотъ страдный день по программѣ еще не окончился и благодаря незаходящему солнцу, намъ предстояло впереди еще не мало труда.

XIX.

ГУБА УРА И ПОРТЪ ВЛАДИМІРЪ.

Было шесть часовъ вечера (по нашимъ часамъ, а не по сбившемуся здѣсь съ пути солнцу), когда мы снялись съ якоря, направляясь въ Еретики или портъ Владиміръ, переименованный такъ въ 1885 г. въ честь его посѣщенія великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Красавецъ „Ломоносовъ", только-что мы вступили на палубу, далъ граціозный кругъ по гавани, направляясь къ ея выходу, что доставило намъ возможность убѣдиться наглядно еще разъ, какое это чудное, удобное и (даже при такомъ вѣтрѣ, какъ сейчасъ въ океанѣ) совершенно тихое и спокойное для флота убѣжище. Стоявшій тутъ же лейтенантъ Жданко указывалъ на фигуру и детальныя удобства гавани, въ которой въ сущности, въ ея наиболѣе растянутомъ мѣстѣ около 2½ верстъ длины, а ширины, въ самомъ узкомъ пунктѣ, около 200 саженъ, въ имѣющейся же въ ней перемычкѣ до 60 саженъ длины и ширины. Сейчасъ намъ предстоялъ небольшой „перегонъ", всего десятка въ два миль, на сѣверозападъ, мимо острова Тороса, Корелинскихъ и другихъ острововъ. Губа Ура глубоко врѣзывается въ материкъ, при чемъ въ своей верхней, широкой части раздѣляется островами Шалимъ и Еретики, образующимъ такимъ способомъ три удобныхъ прохода въ бухту. У сѣверо-восточнаго берега губы Уры находится два залива: губа Кислая и портъ Владиміръ, оба отъ 5-ти до 10-ти саженъ глубиной и оба (какъ говорятъ) также какъ

и вся губа Ура, незамерзающіе и хорошо защищенные отъ вѣтровъ; но Кислая губа окружена сплошной стѣной такихъ отвѣсныхъ скалъ, что о сооруженіи въ ней порта нечего и думать; что же касается Еретиковъ или порта Владимірь, въ который мы прошли узкимъ проходомъ, окруженнымъ скалами, то онъ для стоянки судовъ довольно удобенъ, хотя скалы и здѣсь вышиною около 600 футовъ и совершенно голы.

При входѣ въ бухту, на островѣ Еретики, на одномъ изъ возвышенныхъ береговъ, у подножья скалы находится китобойный заводъ, состоящій изъ двухъ деревянныхъ корпусовъ, съ высокой фабричной трубой. Заводъ этотъ, какъ говорятъ, принадлежитъ нѣкоему нѣмцу Горну и теперь, за смертью хозяина, бездѣйствуетъ. Вообще же у насъ нѣсколько лѣтъ назадъ было два китобойныхъ завода, въ губахъ Ура и Ара; теперь же ни заводовъ, ни китобойныхъ судовъ, ни гарпунщиковъ, такъ что этотъ замѣчательно выгодный промыселъ, обогащающій американцевъ и норвежцевъ, у насъ въ пренебреженіи настолько, что киты, напуганные въ океанѣ норвежцами, безо всякой церемоніи разгуливаютъ по Кольской губѣ, и за прошлую зиму ихъ въ разное время видѣли до десятка рѣзвящихся въ Екатерининской гавани. Мало того, весной моремъ близь Екатерининской гавани выкинуло къ намъ на берегъ большого кита, и мы, проходя мимо, видѣли его разлагающимся, почти остовомъ, съ лоскутами кожи и даже на берегу никѣмъ не утилизованнымъ. Противъ завода, уже въ самомъ портѣ, помѣщается стоящая на сваяхъ въ водѣ у берега обширная факторія Воронина, а рядомъ съ нею и другая. Факторіи эти занимаются скупкой трески и рыбы вообще и, вмѣстѣ съ тѣмъ, продажей всего необходимаго жителямъ, отстоящей въ десяткѣ верстъ отсюда большой зажиточной норвежско-финляндско-русской колоніи, имѣющей, какъ говорятъ, до 250 жителей, свои рыбачьи іолы и даже хорошій скотъ. Факторіи продаютъ крючки, веревки, снасти и всякую домашнюю утварь. Между колоніей и заводомъ на пологомъ холмѣ виднѣется небольшая деревянная церковка, рядомъ маленькій домикъ и примыкающее къ церкви кладбище.

Церковь и кладбище въ Еретикахъ.
Рис. К. А. Коровина.

Министръ пожелалъ осмотрѣть всю губу Уру, для чего, дабы не подвергнуть сидящій въ водѣ на 15 футовъ „Ломоносовъ“ риску сѣсть на мель въ водахъ, точная глубина коихъ мало обслѣдована, мы должны были пересѣсть на административный пароходъ „Мурманъ“.

„Мурманъ“ малъ и узокъ, какъ канонерская лодка, съ каютой, гдѣ только можно сидѣть, не двигаясь, на диванѣ, расположенномъ вокругъ стола у самой входной лѣстницы. Вообще „Мурманъ“ на видъ судно довольно таки рискованное, съ бортами рѣчныхъ пароходовъ и чуть не черпающими море краями, отчего, благодаря развитой вѣтромъ зыби, насъ-таки порядкомъ промочило [1]). Впрочемъ, машина пароходика очень исправная и ходкая, а кромѣ того на пароходѣ есть и другая достопримѣчательность, указанная мнѣ однимъ изъ товарищей: рядовой матросъ, чрезвычайно симпатичный и ловкій (но не сообщительный) молодой человѣкъ, успѣшно окончившій мореходные классы.

Дѣйствительно, удивительны по своей оригинальной, необычайно, такъ сказать, озлобленной и дикой красотѣ кар-

---

[1]) Г. Бѣломоръ, такъ отстаивающій „Мурманъ“ и называющій его „прекраснымъ океанскимъ пароходомъ“, тѣмъ не менѣе въ своихъ „Разсказахъ стараго моряка“ изданіе (этого же года), сравнивая его съ нѣкоторыми здѣшними частными пароходами, на страницѣ 134 признаетъ однако, что тѣ пароходы гораздо исправнѣе.

тины здѣшняго приморскаго Сѣвера. Мы ѣдемъ узкимъ воднымъ корридоромъ длиною болѣе десятка верстъ, стѣсненнымъ стѣнами изъ двухъ параллельныхъ рядовъ сплошныхъ отвѣсныхъ и угрюмыхъ скалъ, голыхъ, даже безъ мха по ихъ бокамъ и ребрамъ. Впрочемъ, бывавшій въ преддверіи Кавказа можетъ имѣть полное понятіе о дикой красотѣ губы Уры. Представьте себѣ тѣснину Дарьяльскаго ущелья послѣ обвала, когда растаявшая лавина, слившись съ Терекомъ, затопивъ лѣпящуюся у подошвы скалъ дорогу, гордо и злобно раздувшись, бурно несется по каменному корридору, облизывая и шлифуя стѣны своей тюрьмы; словомъ, и здѣсь, какъ и тамъ: внизу глубокая пучина, плескающаяся о скалы, по сторонамъ черныя стѣны и свистъ леденящаго своей рѣзкостью, проносящагося сквозь корридоръ вѣтра, а сверху только длинная узкая полоска неба съ бѣгущими по немъ облаками и стаями водяной птицы, то и дѣло высоко несущейся въ прозрачномъ воздухѣ въ видѣ сѣрыхъ пятенъ или темныхъ точекъ и крестиковъ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Урской губы прибрежныя скалы имѣютъ странный видъ. Среди темнаго гранита идутъ наклонно внизъ, по направленію къ морю, скрываясь словно утопая подчасъ въ его пучинѣ, болѣе свѣтлыя кварцевыя и зеленоватыя каменныя полосы или жилы, возбуждающія вниманіе, какъ намекъ на нахожденіе въ данныхъ мѣстностяхъ даровъ минеральнаго царства. Конечно, съ этой стороны Мурманъ еще менѣе обслѣдованъ, чѣмъ со сторонъ внѣшнихъ, и еще четыре года назадъ только догадывались о восьми пунктахъ мѣсторожденій свинцовыхъ рудъ. Но въ 1890 году на Мурманъ пріѣзжалъ горный инженеръ Л. И. Подгаецкій, и съ той поры дѣло разслѣдованія, особенно благодаря его энергіи, ушло сильно впередъ [1]).

Л. И. Подгаецкій нашелъ и осмотрѣлъ на протяженіи 40 верстъ по берегу Мурмана тридцать мѣсторожденій свин-

---

[1]) Л. И. Подгаецкій (послѣ появленія моихъ первыхъ статей) заочно познакомилъ меня съ его разслѣдованіями, любезно препроводивъ ко мнѣ часть своихъ интересныхъ трудовъ, за что и считаю долгомъ выразить ему и другимъ доставлявшимъ мнѣ матеріалы на пользу общаго русскаго дѣла лицамъ мою искреннюю благодарность.

цово-серебряныхъ и цинковыхъ рудъ, расположенныхъ въ 11 мѣстахъ, и не только не сомнѣвается, что этимъ не исчерпывается все количество мѣсторожденій такихъ и иныхъ рудъ, но даже увѣренъ, что при болѣе подробномъ осмотрѣ въ глубь страны и тамъ окажется ихъ тоже не мало, что подтверждается и заявленіемъ мѣстныхъ жителей, утверждающихъ нахожденіе и внутри страны свинца въ горахъ. Г. Подгаецкій говоритъ, что кромѣ этихъ жилъ имъ наблюдались самостоятельныя жилы и другихъ полезныхъ ископаемыхъ; такъ въ Столбовомъ становищѣ имѣется жилка мѣднаго колчедана, и въ этой же мѣстности находится мѣсторожденіе слюды.

Въ Долгой губѣ извѣстна жила сѣрнаго колчедана, мощностью около аршина; въ Амбарной Губѣ есть желѣзный блескъ; близь Печенгскаго монастыря имѣются мѣсторожденія слюды.

Изъ доселѣ извѣстныхъ свинцово-серебряныхъ мѣсторожденій болѣе всего достойны замѣчанія таковыя у Базарной губы. Мѣсторожденія эти обратили на себя вниманіе предпріимчивыхъ людей въ Москвѣ. Нѣкто дворянинъ Лихутинъ и г. Воробьевъ основали (въ 1892 г. Высочайше утвержденное) товарищество по разработкѣ свинцово-серебряной руды, здѣсь находящейся въ обиліи и, какъ утверждаютъ, дающей 85% металла. Кусокъ такой руды, отсѣченный отъ жилы и вправленный въ зеленокаменную породу, былъ мною захваченъ съ собою и возбуждаетъ удивленье знатоковъ богатствомъ своего содержанія. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сожалѣть, что работы до сихъ поръ не начинались и о владѣльцахъ предпріятія ни слуху, ни духу. Денежныя ли затрудненія или отсутствіе рабочихъ рукъ тому причиной,—я не знаю, но нельзя не пожелать, чтобы это дѣло реализовалось и дало бы толчекъ другимъ какъ можно скорѣе, и тогда, можетъ-быть, благодаря руднымъ богатствамъ, внутренность неизвѣданной пока страны, гдѣ среди бездорожья, озеръ, торфа, болотъ и скалъ такъ же легко заблудиться, какъ и въ лѣсу, оживится такъ же, какъ сейчасъ рыбные промыслы начинаютъ оживлять ея берегъ. Во всякомъ случаѣ г. Подгаецкій совершенно правъ, находя, что основаніе солиднаго

горнопромышленнаго предпріятія на Мурманѣ весьма желательно и въ томъ отношеніи, что оно составило бы прочный осѣдлый центръ, возлѣ котораго стали бы группироваться и другія предпріятія.

Съ другой стороны это же неминуемо повело бы къ упорядоченію экономическихъ и общественныхъ условій и къ увеличенію благосостоянія этой отдаленной и пока хаотической, но вмѣстѣ съ тѣмъ богатой (какъ увидимъ далѣе) не только рыбными, но и звѣриными морскими промыслами русской окраины, что въ свою очередь благотворно отразилось бы на благосостояніи всего русскаго Сѣвера, бѣднѣйшему населенію коего мурманскіе рыбные промыслы помимо заработковъ въ будущемъ доставляютъ сейчасъ такое же здоровое и дешевое питаніе, какое даетъ кормилица Волга не только своему побережью, но и всей восточной и юго-восточной полосѣ Россіи вообще.

XX.

ВОЗМОЖНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА МУРМАНѢ.

Въ прошлой главѣ я обѣщалъ поговорить о наиболѣе выдающихся промыслахъ на Мурманскомъ берегу и внутри страны.

Внутри полуострова, въ его лѣсахъ, болотахъ и тундрахъ, не мало дичи и звѣрей; при этомъ главнымъ предметомъ промысла служатъ рябчики, куропатки, тетерева [1]), дикій олень и лось, горностай, бѣлка, лисица, куница, россомаха, волкъ, бурый медвѣдь, выдра, заяцъ, бѣлый и голубой песецъ. Всѣхъ занимающихся лѣсною и болотною охотой въ Кольскомъ уѣздѣ насчитываютъ до 300 человѣкъ, впрочемъ, по словамъ г. Гулевича, настоящихъ охотниковъ здѣсь нѣтъ вовсе и если звѣри убиваются, то по большей части случайно, когда звѣрь поздней осенью или зимою подходитъ къ жилымъ мѣстамъ, разыскивая себѣ близь людей пищу. Причина отсутствія промысловыхъ охотниковъ лежитъ въ полномъ недостаткѣ мало-мальски сносныхъ ружей. Особенно этотъ недостатокъ отражается на тюленьемъ промыслѣ, коимъ занимаются здѣсь, на Терскомъ берегу, до 1,000 человѣкъ. Весною, когда тюлени всѣхъ видовъ на этихъ льдахъ, подъ вой леденящаго нордъ-оста, выводятъ своихъ дѣтенышей, ихъ стрѣляютъ изъ старыхъ кремневокъ и пищалей и затѣмъ преслѣдуютъ ихъ на лодкахъ, при чемъ многіе тюлени, будучи легко ранены, уходятъ, вслѣдствіе чего поморы зарабатываютъ на этомъ промыслѣ въ

---

[1]) Кромѣ того, особенно весною, бываютъ дупеля, бекасы, дикіе гуси, лебеди и утки всякихъ сортовъ и въ несмѣтномъ количествѣ.

весну всего около 25—35 тыс., тогда какъ, по словамъ нашего консула Д. Н. Островскаго, въ 1889 (неудачномъ) году норвежцами въ нашихъ водахъ, благодаря ихъ отличнымъ ружьямъ и орудіямъ лова, было убито 71,304 тюленей, 36 бѣлыхъ медвѣдей, 267 моржей и 413 небольшихъ спермацетовыхъ китовъ, при чемъ тюлени доставили 12,648 бочекъ сала, а киты 407 бочекъ, что̀ дало при продажѣ добычи на милліонъ марокъ приблизительно.

Очень большую статью дохода могли бы давать на Мурманѣ киты, издавна служившіе промысломъ Колѣ, вслѣдствіе чего Екатерина II даровала этому городу гербъ съ изображеніемъ кита и назначила для пребыванія китобойныхъ судовъ Екатерининскую бухту. Въ 1883 г. правительство разрѣшило акціонерному обществу открыть первый китобойный заводъ въ Еретикахъ, а чрезъ годъ дано разрѣшеніе и графу Шереметеву открыть такой же второй заводъ въ губѣ Арѣ. Эти заводы убили до 1890 года (т. е. въ два года) 300 китовъ, имѣя при этомъ въ распоряженіи четыре китоловныхъ парохода; теперь же они пріостановили дѣятельность, и о китобойныхъ пароходахъ у насъ ничего (мнѣ, по крайней мѣрѣ) неизвѣстно. Между тѣмъ, у норвежцевъ китовый промыселъ сейчасъ развитъ до того, что это отразилось на числѣ китовъ въ Ледовитомъ океанѣ вообще, а въ нашихъ водахъ (гдѣ они еще недавно хозяйничали какъ дома) въ особенности. Благодаря этому, норвежцы, за 11 лѣтъ, имѣя при своихъ заводахъ 263 парохода, убили до 6,468 китовъ, что̀ и составляетъ по 25 китовъ на китобойный пароходъ.

Въ нашихъ водахъ бываютъ шесть видовъ кита, называемыхъ или по цвѣту ихъ кожи: синій, полосатикъ, или же по роду потребляемой имъ рыбы: сельдяной, сайденой и т. д. Вѣсъ и величина этихъ океанскихъ чудовищъ во-истину изумительны. Синіе киты, жиръ коихъ цѣнится вдвое дороже, достигаютъ пятнадцати и болѣе саженъ длины, т. е. ростомъ горизонтально съ большой пароходъ, а вертикально съ высокую колокольню. При правильной разработкѣ ихъ на заводахъ ничего не пропадаетъ: вытапливается жиръ, размалываются кости, добываются китовый усъ и челюсти, а изъ мяса

дѣлаютъ порошокъ, употребляемый какъ питательный продуктъ для корма скота; порошокъ же, смолотый изъ высушенныхъ костей и мяса и (тоже) называемый гуано, идетъ съ огромной пользой и очень ходко за-границей для удобренія полей. Кромѣ того, изъ китоваго мяса, употребляемаго въ пищу, особенно лопарями, дѣлаютъ бульонъ, даваемый здѣсь и больнымъ, и по замѣчанію одного изъ лицъ, его употреблявшихъ, дѣйствительно питательный, но немного непріятный по слащавости. Ранѣе, когда съ китами не конкуррировали нефть и смазочныя минеральныя масла вообще, средній китъ приносилъ до двухъ, а большой до трехъ тысячъ рублей; теперь же доходъ съ убитаго кита считаютъ отъ 1,500 до 2,500 рублей [1]).

Кромѣ того, продаются и китовыя ушныя раковины, очень похожія на раковины, употребляемыя у насъ на пепельницы, но больше, бѣлѣе, фигурнѣе, плотнѣе и гораздо тяжелѣе. Такими раковинами запаслись и нѣкоторые изъ насъ, въ виду ихъ диковинности, въ норвежскомъ городѣ Тромсӭ (Troms'oe).

Но наши китобойные заводы тѣмъ не менѣе не пошли, да и не мудрено, такъ какъ заводъ на Урѣ, напр., какъ говорятъ, ограничивался выплавкой одного китоваго жира, бросая остальное, и существуетъ ли теперь перерывъ въ ихъ дѣятельности или она прикончена вовсе, мнѣ, по крайней мѣрѣ, несмотря на разспросы, объяснить никто не могъ. Кромѣ этихъ промысловъ доходныхъ, но въ дѣйствительности почти не существующихъ по нашей халатности, безлюдью и недостаточной предпріимчивости, возможенъ еще одинъ, тоже не существующій, хотя тоже очень выгодный, не требующій особыхъ приспособленій и по обстоятельствамъ даже обязательный. Я говорю объ акульемъ промыслѣ. Акула— этотъ демонъ моря, такъ же сильна, прожорлива и свирѣпа здѣсь, какъ и подъ экваторомъ; она достигаетъ трехъ и болѣе саженъ длины, будучи страшно живуча, плаваетъ и опасна даже съ вывороченными внутренностями; при этомъ ея смѣлая злоба, прожорливость, страшные зубы, тупое рыло и мертвые „рыбьи“ глаза наводятъ ужасъ даже на промышлен-

[1]) Большіе синіе киты даютъ отъ 50 до 100 бочекъ жира.

никовъ, и если она не пожираетъ людей въ такомъ количествѣ, какъ на югѣ, то потому только, что въ сѣверномъ океанѣ люди по охотѣ или по дѣлу рѣдко лѣзутъ въ почти всегда ледяную воду, гдѣ самый лучшій пловецъ рискуетъ послѣ пяти минутъ подвергнуться параличу сердца. Лѣтомъ акулы держатся довольно далеко въ морѣ, но осенью, при наступленіи бурь и тьмы, онѣ родирують несмѣтными полчищами и у берега, подчасъ, какъ говорятъ, опрокидывая даже лодки. Во всякомъ случаѣ, этотъ морской тигръ—страшный бичъ промышленника. Найдя въ морѣ ярусъ, онѣ накидываются на пойманную на немъ рыбу, и если ихъ много, то приходится не только считать ярусъ погибшимъ, но даже и не пробовать отбивать его. Правительство, покровительствуя промысламъ на этого хищника, дѣлало попытки его правильной постановки, выдавая субсидіи, но какъ-то неудачно. Послѣдняя попытка заключалась въ выдачѣ нѣкоему колонисту Суллю въ 1857 г. пособія по ходатайству профессора Данилевскаго для пріученія колянъ къ этому промыслу. Сулль, прозванный „Акульей смертью", исполнялъ свою обязанность добросовѣстно, но дѣло все-таки нельзя считать промысломъ по малому количеству людей, имъ занимающихся. Акулъ ловятъ на крюки, на коихъ насаживаютъ кусокъ жаренаго тюленьяго сала или чего-либо въ этомъ родѣ. Акула, руководясь обоняніемъ, идетъ на приманку издалека и нарывается на крюкъ, примкнутый къ цѣпи. Но и тутъ ее вытащить и распластàть даже тремъ, четыремъ человѣкамъ не легко. Норвежцы утилизируютъ ея шкуру для разныхъ подѣлокъ и, кажется, и всю тушу на гуано, а поморы, бросая тушу въ море, пользуются только ея большою печенью для добычи жира, не уступающаго добываемому изъ тресковой воюксы или максы [1]) жиру, добываемому у насъ теперь на огромныя суммы и въ послѣднее время очищаемому паровымъ способомъ; такой жиръ продается по 8 р. за пудъ и равняется заграничному по своимъ качествамъ.

Ловля трески, сельдей, камбалы, палтусовъ, сборъ га-

---

[1]) Рыбья печень.

Мурманскій ловъ рыбы ярусами въ морѣ.
Рис. К. А. Коровина.

гачьяго пуха, охота на моржей и т. д., и т. д.,—все это болѣе или менѣе всякому извѣстно, а я въ моемъ краткомъ описаніи и сжатомъ перечнѣ хотѣлъ только показать, какіе милліоны на сѣверѣ плывутъ мимо насъ, обогащая сосѣднюю Норвегію, какъ обогащаютъ наше Охотское море и наши азіатскія сѣверныя воды вообще англичанъ и американцевъ.

XXI.

ПО ПОВОДУ ПОРТА НА МУРМАНѢ.

Здѣсь я принужденъ попросить у читателей особаго вниманія. Все до сихъ поръ вами прочтенное помѣщено на столбцахъ іюльскихъ и августовскихъ нумеровъ „Новаго Времени" [1]), но на этомъ разсказъ мной оборванъ, такъ что одинъ изъ моихъ пріятелей увѣрялъ меня (шутя, разумѣется), что если бы онъ не читалъ въ газетахъ о благополучномъ возвращеніи министра въ Петербургъ, то подумалъ бы навѣрное, что „Ломоносовъ" потерпѣлъ крушеніе гдѣ-либо невдалекѣ отъ Рыбачьяго полуострова. Но дѣло не въ этомъ. Въ XVIII главѣ я дошелъ до цѣли поѣздки министра, т. е. другими словами, до самаго жгучаго пункта вопро́са. Суть въ томъ, что въ настоящую минуту, смѣю сказать, девять десятыхъ *русскихъ* душою людей на Руси поняли, убѣдились, прониклись идеей, что Россіи изъ ея замкнутыхъ морей безусловно пора (пока не поздно) выплыть на свѣтъ и просторъ Божій, что это нельзя сдѣлать иначе, какъ устроивъ военно-коммерческій портъ на Мурманѣ. Это ясно видѣлъ нашъ почившій великій русскій Государь, и правительство, какъ это всѣмъ извѣстно, въ принципѣ рѣшило сооруженіе такого порта, значеніе коего для всего будущаго Россіи неизмѣримо по важности послѣдствій этого гигантскаго шага; но при переходѣ отъ принципа къ деталямъ, отъ теоретическаго рѣшенія къ практическому разрѣшенію и осуществленію дѣла, тутъ же рождался вопросъ: гдѣ же соорудить этотъ портъ,

---

[1]) Конечно 1894 года.

какую гавань для этого избрать и приспособить? Мурманъ богатъ незамерзающими гаванями, губами и заливами; который же изъ нихъ выбрать — Екатерининскую ли гавань, или какую другую? Какъ извѣстно, Екатерининская гавань не только служила уже для зимовокъ нашего флота, но и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется старинной извѣстностью и репутаціей. Одинъ почтенный, извѣстный эксъ-морякъ, хорошо знакомый съ исторіей нашего флота, разсказывалъ мнѣ историческій, повидимому, почти неизвѣстный въ публикѣ фактъ, касающійся письменной инструкціи великаго преобразователя Россіи, данной имъ на имя адмирала Вильстера: въ ней императоръ Петръ предписываетъ адмиралу ѣхать во главѣ эскадры на Мадагаскаръ и убѣдить тамошняго властелина пріѣхать въ Россію въ гости къ русскому императору. Въ инструкціи сказано-де, что государь въ случаѣ удачныхъ переговоровъ предписывалъ везти въ Россію мадагаскарскаго царька, не затрогивая въ пути береговъ Англіи и западной Европы, прямо Атлантическимъ океаномъ и отнюдь не въ Петербургъ, а во избѣжаніе огласки, буде это случится лѣтомъ, на Архангельскъ, а зимою на Екатерининскую гавань, *„понеже она никогда не замерзаетъ“* [1]). Но затѣмъ, какъ выше сказано, теперь извѣстенъ вдоль Мурмана еще цѣлый рядъ прибрежныхъ убѣжищъ, болѣе или менѣе удобныхъ къ приспособленію порта и болѣе или менѣе не замерзающихъ. Для ознакомленія съ этимъ-то вопросомъ на мѣстѣ, смѣю полагать я, главнымъ образомъ и прибылъ на Мурманъ министръ С. Ю. Витте, но до сихъ поръ, насколько извѣстно, этотъ важный вопросъ еще окончательно не рѣшенъ; противники же построенія порта на Мурманѣ вообще, очевидно, не дремали, и если я понялъ ихъ горячую проповѣдь за послѣдніе полгода въ тѣхъ или другихъ компетентныхъ кружкахъ и газетахъ, видя неослабную рѣшимость высшаго правительства соорудить портъ на Мурманѣ, бросили оспаривать идею о портѣ *вообще*, а вмѣсто того старались дис-

[1]) Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, почему намѣреніе великаго императора было отмѣнено или отложено.

кредитировать наиболѣе подходящіе пункты, рекомендуя вмѣсто нихъ другіе. Цѣль такой тактики весьма понятна и практична: поднять споръ, возбудить сомнѣнія многихъ, отклонить вниманіе въ другую сторону, подвергнуть дѣло новымъ и новымъ безполезнымъ изслѣдованіямъ, обсужденіямъ той или другой коммиссіи, задержкѣ, цѣлому ряду задержекъ и сопряженныхъ съ ними: нерѣшительности, сомнѣнію, ослабленію энергіи, словомъ, тому методу, который, особенно въ Россіи, въ состояніи расхолодить: и патріотовъ, и общественное мнѣніе, и большинство изъ тѣхъ государственныхъ людей, отъ энергіи коихъ зависитъ такъ или иначе проведеніе въ жизнь тѣхъ или другихъ государственныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, въ средѣ лицъ, искренно сочувствующихъ сооруженію порта на Мурманѣ и осмысленныхъ поклонниковъ этой великой идеи, какъ бы въ *невольную* помощь тактикѣ противниковъ порта, образовался расколъ, перешедшій и въ печать. Одна сторона выбрала лозунгомъ Екатерининскую гавань, другая...

Дѣло въ томъ, что за послѣднія 6—7 лѣтъ забытый вопросъ о портѣ на Мурманѣ былъ поднятъ весьма горячо въ общемъ его смыслѣ эксъ-морякомъ, извѣстнымъ своими статьями въ „Гражданинѣ" за подписомъ „А. К." или „А. Бѣломоръ". Я далекъ отъ желанія и вообще отъ всякаго покушенія (кстати совершенно неосновательнаго, а потому безплоднаго) посягнуть на авторитетъ г. Бѣломора въ морскихъ вопросахъ вообще, а въ данномъ вопросѣ въ особенности; но съ другой стороны не могу согласиться съ А. Бѣломоромъ, что для порта необходимо избрать гавань Новой-Земли или Озерко. Въ свою очередь А. Бѣломоръ, упорно опираясь на свою авторитетность, не согласенъ съ вѣрностью моихъ указаній. Положимъ, что вовсе и никакъ не отъ кого-либо изъ насъ зависитъ рѣшеніе вопроса, но съ другой стороны я убѣжденъ, что кому бы изъ насъ ни пришлось ошибиться, дѣло страдаетъ одинаково: дробятся его поклонники въ обществѣ и ослабляется сочувствіе къ нему среди русскихъ читающихъ людей. Вотъ почему рѣшаюсь выставить на благоусмотрѣніе читателей для болѣе опредѣленнаго ознакомленія какъ съ самимъ вопросомъ, такъ

и съ его подробностями, какъ карту, изображающую положеніе обѣихъ гаваней, такъ и полемику объ этомъ вопросѣ, коей заканчивается въ „Новомъ Времени" описаніе моей поѣздки на сѣверъ. При этомъ я, вопреки журнальному обычаю, считаю необходимымъ помѣстить не только мое мнѣніе, но и какъ контръ-мнѣніе моего противника, такъ и возникшую изъ этого полемику, не выключая изъ нея и личныхъ нападокъ на меня, коими, къ сожалѣнію для дѣла, изобилуютъ письма А. Бѣломора въ „Гражданинѣ" и „Новомъ Времени". Поводомъ къ возникновенію полемики послужила моя слѣдующая статья въ „Новомъ Времени".

«*Гавань Озерко—Западня тожъ*» [1]).

„Въ двухъ-трехъ десяткахъ миль отъ порта Владиміръ къ сѣверо-западу выступаетъ въ море обширный полуостровъ необычайныхъ очертаній. Если вы взглянете на подробную карту, васъ поразитъ сходство фигуры этой земли, очевидно когда-то состоявшей изъ двухъ отдѣльныхъ островов, съ Великобританіей. Вся разница лишь въ томъ, что сѣверо-восточная часть этой земли, такъ напоминающая Англію съ Шотландіей и называемая Рыбачьимъ полуостровомъ, соединяется съ западной стороны узкимъ перешейкомъ съ мѣстной Ирландіей, которая, въ свою очередь, называясь „Средній", отличается отъ „Зеленаго острова" только тѣмъ, что, кромѣ этого перешейка, соединена еще и съ противоположной стороны съ материкомъ или Мурманскимъ берегомъ другимъ узкимъ перешейкомъ. Такимъ образомъ, Средній и Рыбачій полуострова омываются съ сѣвера и съ запада юго-восточной частью Варангерскаго фіорда, сѣверо-западная (головная) часть коего уже принадлежитъ Норвегіи, а съ южной стороны этотъ странный по формѣ, такъ сказать, двойной полуостровъ омывается Мотовскимъ заливомъ, глубоко врѣзывающимся между Среднимъ и Рыбачьимъ полуостровами подъ именемъ Большой Мотки, въ концѣ (въ головѣ) именуясь Озеркомъ или гаванью Новой Земли.

---

[1]) См. „Новое Время" № 6644.

Нижняя часть Варангера, глубоко врѣзываясь съ запада, между Среднимъ и Рыбачьимъ полуостровами, подъ названіемъ Большой Волоковой бухты, упирается въ узкій, версты въ двѣ, перешеекъ, омываемый съ противоположной стороны Озеркомъ или гаванью Новой Земли, вслѣдствіе чего разстояніе между Варангерскимъ фіордомъ и Мотовскимъ заливомъ-моремъ, вдоль сѣверо-восточной стороны Рыбачьяго полуострова равняющееся добрымъ 90 милямъ, здѣсь пѣшкомъ можетъ быть пройдено maximum въ полчаса, вслѣдствіе чего, еслибы перешеекъ былъ прорытъ, что, благодаря его пологости и мягкому песчаному грунту (съ вѣками поднявшемуся на поверхность морскому дну) весьма возможно, то гавань Озерко имѣла бы два выхода, и выходы эти были бы настолько широки, чтобы давать проходъ сразу нѣсколькимъ крупнымъ военнымъ судамъ, и настолько узки, чтобы, подобно Босфору и Константинопольскому проливамъ, быть загражденными минами и обстрѣливать съ обоихъ береговъ непріятельскія суда чуть не въ упоръ. Словомъ, если прибавить, что преддверіе Озерка—Большая Мотка, при двадцати-верстной приблизительно длинѣ, имѣетъ отъ 8 до 10 верстъ ширины, при глубинѣ въ 20 и 25 саженъ и слѣдовательно можетъ вмѣстить чуть не всѣ европейскіе флоты; что гавань Озерко до трехъ верстъ ширины и болѣе 10 верстъ длины, при глубинѣ въ 15, 12 и 10 саженъ, уменьшающейся у берега до шести саженъ; что во время бури въ океанѣ здѣсь, по характерному сравненію одного изъ моряковъ, можно ходить съ горящими свѣчами по палубѣ судна; что берега здѣсь, несмотря на то, что окружены сплошнымъ кольцомъ горъ, сами всюду совершенно пологи, покрыты травой и въ излишествѣ снабжены водою; что единственный недостатокъ гавани — ея входъ, имѣющій, благодаря выходящему даже въ одномъ мѣстѣ моломъ рифу, глубину около двухъ саженъ, но что этотъ рифъ или банка, какъ гласятъ административныя свѣдѣнія, имѣетъ всего отъ 20 до 25 саженъ въ ширину, такъ что при нынѣшнихъ землечерпательныхъ средствахъ углубить эту полосу по дно самой гавани ничего не стоитъ; если присовокупить къ этому

что гавань Озерко, какъ утверждаютъ, тоже никогда не замерзаетъ или замерзаетъ въ исключительную стужу, покрываясь не надолго только легкой корочкой льда, устраняемой въ случаяхъ движенія судовъ безъ всякихъ ледорѣзовъ, то окажется, что гавань „Озерко", дѣйствительно, гавань замѣчательная по удобствамъ. Однако, уже по осмотрѣ „Озерка" и при полномъ признаніи министромъ его достоинствъ, носился слухъ, что quand même преимущество остается за Екатерининской гаванью въ виду ея стратегическихъ до стоинствъ.

Это мнѣніе о преимуществахъ Екатерининской гавани, высказанное вскользь одними изъ спутниковъ министра, однако раздѣляется далеко не всѣми. И на Мурманѣ, и здѣсь мнѣ приходилось встрѣчать и читать ярыхъ сторонниковъ Озерка или гавани Новой Земли, какъ его еще называютъ, при чемъ взглядъ этотъ повидимому отчасти раздѣляетъ и мѣстная (архангельская) администрація. Конечно, если бы во главѣ озерковистовъ стоялъ одинъ командиръ „Мурмана", г. Нюхаловъ, я не сталъ бы оспаривать, уповая, что дѣло спокойно выяснилось бы само собою, но, къ сожалѣнію, въ такомъ (на мой взглядъ) заблужденіи находятся и болѣе компетентныя лица, а въ томъ числѣ и извѣстный знатокъ нашего сѣвернаго поморья, г. „А. К." [1]). Вотъ что пишетъ г. А. К. по этому поводу въ № 190 „Гражданина".

„Кромѣ удобствъ (Мотовскаго) залива, *я всегда, съ первыхъ дней моего знакомства съ Мурманомъ, настаивалъ на Озеркѣ для военнаго порта*... Сравнивая Озерко съ Екатерининской гаванью, я еще разъ повторяю, что послѣдняя имѣетъ, конечно, свои преимущества: полная готовность къ принятію флота и, кажется, стратегическое положеніе. Но портъ на Мурманѣ нуженъ Россіи не на десять лѣтъ, а на цѣлый историческій періодъ, въ который совершатся великія событія и откроются при помощи флота нашей континентальной родинѣ доступы во всѣ моря и океаны. Что же касается стратегическихъ соображеній, то я не особенно силенъ въ нихъ, да и не считаю ихъ слишкомъ серьезными, послѣ

---

1) А. К. Бѣломоръ.

того какъ въ южной бухтѣ, въ Севастополѣ, мы сооружаемъ многомилліонное адмиралтейство съ доками, заводами, эллингами и т. д. А Южная можетъ быть обстрѣливаема съ моря".

Нисколько не посягая на авторитетность г. А. К. въ морскомъ дѣлѣ вообще и въ знакомствѣ его, въ качествѣ недавняго командира мѣстнаго парохода, съ нашимъ сѣвернымъ моремъ въ особенности, я все-таки полагаю, что въ подобномъ дѣлѣ достаточно и одного разумѣнія, слѣдовательно, высказать свое мнѣніе можетъ и не морякъ-спеціалистъ.

Повторяю, что не зная причины, вслѣдствіе коей наше высшее правительство находитъ за Екатерининской гаванью стратегическія преимущества, я, посѣтивъ Озерко и глядя на подробную карту, не могу не усматривать ихъ и въ свою очередь, такъ онѣ бросаются въ глаза всякому. Начну съ Екатерининской гавани, удобства коей не видѣть нельзя. Вода есть, незамерзаемость, по крайней мѣрѣ, одинаковая съ Озеркомъ, близость къ Колѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она въ центрѣ нашего Мурманскаго побережья и нашихъ лучшихъ, люднѣйшихъ становищъ. Далѣе, и простому глазу очевидно, что здѣсь блокировать линію нашего извилистаго и длиннаго берега иностранному флоту невозможно, что, напримѣръ, нашъ крейсеръ или купецъ всегда можетъ укрыться отъ преслѣдованія во множествѣ мѣстныхъ бухтъ, что близь самой Кольской губы съ обѣихъ сторонъ могутъ разгуливать наши быстроходные крейсеры, имѣя съ одной, восточной, стороны для вѣрнаго убѣжища островъ Кильдингъ и его проходъ (по надобности вооруженный), а съ другой — портъ Владиміръ съ его тройнымъ, непріятелю мало доступнымъ проходомъ. Словомъ, если сюда пожалуетъ громадный союзный флотъ, не дожидаясь ухода нашего флота въ океанъ, или даже упустивъ бо̀льшую его часть, то и остальныя, ничтожныя сравнительно съ непріятелемъ, силы въ состояніи не только защищать свою гавань и поддерживать наше побережье, кромѣ нѣсколькихъ, самыхъ западныхъ пунктовъ, въ родѣ, наприм., становища Столбового, расположеннаго за Рыбачьимъ полуостровомъ, на самой границѣ Норвегіи, но даже Соловки и Архангельскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерининская гавань,

Кола и все находящееся въ ея губѣ будетъ, что называется, у Христа за пазухой. Кольскій заливъ, имѣющій у горжи около острова Тороса и ниже, какъ видно по картѣ, около 4 верстъ ширины, можетъ быть легко минированъ, затѣмъ желѣзная дорога въ какія-нибудь нѣсколько сутокъ можетъ доставлять и войска, и всякіе военные припасы, и провіантъ даже изъ такого люднаго центра, какъ Петербургскій военный округъ, а это весьма важно, ибо необходимо считать гавань на Мурманѣ не только мѣстомъ, откуда придется дѣлать наѣзды въ воды всѣхъ странъ міра, но и опорой самого развивающагося подъ ея защитой Мурмана, Соловковъ, Архангельска, всего нашего сѣвернаго побережья, а кромѣ того и пунктомъ, на который прежде всего, при первомъ сигналѣ войны, устремятся союзные флоты, шведско-норвежскій въ особенности. Каждому тогда ясно, что благоустроенная и вооруженная Екатерининская гавань выдержитъ, *благодаря ея стратегическому положенію*, несмотря ни на какія силы враговъ, какія угодно севастопольскія сидѣнія, и недоступна не менѣе Гибралтара.

Другое дѣло Озерко: г. А. К. сознается, что онъ не особенно силенъ въ стратегическихъ соображеніяхъ и это конечно очень жаль, а еще болѣе жаль, что онъ *не считаетъ ихъ серьезными*. Стоитъ посмотрѣть на положеніе рекомендуемой г. А. К. какъ бы единственнымъ исходомъ для преуспѣянія въ морскомъ дѣлѣ Россіи гавани Озерко, чтобы наглядно убѣдиться въ этомъ. Прежде всего бросается въ глаза, что сравненіе Озерка въ стратегическомъ отношеніи съ Севастопольской бухтой, сравненіе совершенно невозможное. Пусть южная бухта съ ея многомилліонными сооруженіями обстрѣливается съ моря, но тамъ для ихъ возведенія имѣется уже то основаніе, что болѣе защищенной (въ родѣ Екатерининской) гавани въ Крыму нѣтъ [1]), что и ранѣе, когда бухта была еще не подъ выстрѣлами, въ ней положены были милліоны, что наконецъ, эта бухта внутри нашей территоріи, а не на какой-нибудь внѣ торчащей косѣ, что ея сооб-

---

[1]) Конечно, Николаевъ идти въ сравненіе не можетъ.

щенію со страной (при давно построенной желѣзной дорогѣ) не грозитъ опасность перерыва, что наши на нѣсколько верстъ вынесенные форты тоже молчать не станутъ и что Комышенскую бухту сначала надо взять, а раньше, въ бурю, можетъ не разъ повториться трепка, уже выпадавшая союзнымъ флотамъ на долю при осадѣ Севастополя. Здѣсь же все обратно. Прежде всего желѣзной дорогѣ, смыслъ коей не одинъ военный портъ, но и оживленіе центра нашихъ промысловъ на Мурманѣ, придется отклониться отъ этого центра ради военной гавани верстъ на 120 и болѣе, т. е. бросить десятокъ лишнихъ милліоновъ на туннели, взрывъ скалъ, осушку и засыпку болотъ, трясинъ и впадинъ, но все это еще бы ничего, ибо я согласенъ съ г. А. К., что портъ для Россіи нуженъ не на десять лѣтъ, а на цѣлый историческій періодъ и, слѣдовательно, для блага такого дѣла можно поступиться десяткомъ милліоновъ „народныхъ сбереженій", какъ выражаются наши либералы, но дѣло въ томъ, гдѣ же это благо?!

Въ началѣ статьи я уже объяснялъ, что гавань Озерко отдѣляется отъ материка сперва узкимъ перешейкомъ отъ „Средней" земли и затѣмъ только, пересѣкши Среднюю Землю, можно достигнуть перешейка, въ который упирается голова Озерка. Такимъ образомъ, Озерко, гавань, долженствующая служить убѣжищемъ лучшей и большей части русскаго флота, имѣющей-де вершить судьбы всѣхъ будущихъ войнъ, оказывается вынесенной верстъ на двадцать изъ материка въ открытое море, да еще какое: вѣдь западные берега обоихъ перешейковъ Средняго и Рыбачьяго полуострововъ ничто иное, какъ подножье Варангеръ-фіорда, теперь увы не нашего, и въ головѣ коего способны умѣститься, выслѣживать насъ при помощи бинокля и выжидать спокойно всѣ флоты міра. Такимъ образомъ, если устроить желѣзную дорогу по перешейку и Среднему, то въ случаѣ войны непріятель, занявши малую Волоковую губу, не пропуститъ ни одного вагона, и нашъ флотъ (или его часть), если еще не успѣетъ уйти, будетъ отрѣзанъ и взятъ голодомъ, тѣмъ болѣе что блокировать побережье у Мотовскаго залива при силѣ не трудно; если же мы закончимъ желѣзную дорогу у Кутовой губы, то при

лишней пересадкѣ и перегрузкѣ тяжестей, при занятіи перешейка непріятелемъ тоже мало выиграемъ; мало того, если не соединимъ каналомъ Большую Волоковую губу съ Озеркомъ, то со стороны Большой Волоковой губы нашъ флотъ въ Озеркѣ потопятъ навѣсными выстрѣлами безъ боя съ нашей стороны. Если же каналъ будетъ сдѣланъ и укрѣпленъ, то кромѣ его намъ, если мы не желаемъ подвергнуться навѣсной стрѣльбѣ и десанту во флангъ съ запада и сѣверо-востока, придется вооружать береговую линію почти въ полтораста верстъ, а такъ какъ это врядъ ли возможно, то надо держать здѣсь силы способныя побороть союзный флотъ всякаго непріятеля; а объ этомъ можно только мечтать, ибо Россіи, державѣ континентальной, обязанной защищать тысячи верстъ побережья дальняго востока, Балтику, Черное море, Каспій, а теперь и Средиземное море, имѣть въ Ледовитомъ океанѣ силы, способныя мѣряться открыто съ любымъ союзнымъ флотомъ, будетъ мудрено даже въ XXIX столѣтіи. А тутъ перспектива: либо быть отрѣзаннымъ и захваченнымъ въ западнѣ, либо выходить, прорываться, уходить или принимать неравный бой.

Нѣтъ, по моему крайнему разумѣнію, такая гавань еще хуже Либавскаго порта и совѣтовать ее какъ pièce de résistance Россіи все равно, что посовѣтовать Англіи захватить Малаккскій полуостровъ и водворить въ одномъ изъ заливовъ главныя морскія силы этой державы для разсылки ихъ во всѣ части міра при надобности и для защиты Британской Остъ-Индіи. Реализуй Англія такой совѣтъ, конечно я, какъ русскій, былъ бы этому столько же радъ, какъ былъ бы несчастливъ, если бы Россія устроила военный портъ въ гавани „Новая Земля“ Озерко или Западня тожъ“.

Отвѣтъ А. К. Бѣломора въ Гражданинѣ.

„По поводу послѣднихъ корреспонденцій „Новаго Времени“, я считаю необходимымъ, вопреки желанія, вступить въ полемику съ г. „Русскимъ Странникомъ“.

Говоря въ № 6653 о преимуществахъ Екатерининской

гавани для военнаго флота передъ Озеркомъ, нашъ извѣстный путешественникъ и корреспондентъ пишетъ такъ: „Конечно, если бы во главѣ озерковистовъ стоялъ одинъ командиръ „Мурмана“, г. Нюхаловъ, я не сталъ бы оспаривать, уповая, что дѣло спокойно выяснилось бы само собою; но къ сожалѣнію, въ такомъ (на мой взглядъ) заблужденіи находятся и болѣе компетентныя лица, а въ томъ числѣ и извѣстный знатокъ нашего сѣвернаго поморья г. А. К. Затѣмъ „Русскій Странникъ“, полагая, что въ такомъ дѣлѣ, какъ выборъ гавани для военнаго флота, достаточно и одного разумѣнья (знаніе, конечно, вещь вздорная), не только высказывается категорически за Екатерининскую гавань, но въ заключеніе утверждаетъ, что если-бы послѣдовали моему совѣту, т. е. выбрали бы для той же цѣли Озерко, то сдѣлали бы величайшую ошибку, что портъ на Рыбачьемъ полуостровѣ былъ бы хуже Либавскаго (почему дуренъ Либавскій, „Русскій Странникъ“, вѣроятно, напишетъ), что совѣтывать занять подъ военный портъ Озерко то же самое, что совѣтывать Англіи *захватить Малаккскій полуостровъ* и водворить въ одномъ изъ его заливовъ главныя морскія силы Великобританіи. „Русскій Странникъ“ говорить послѣ заявленія, что *„высшее правительство находитъ за Екатерининской гаванью стратегическія преимущества“*. Казалось бы, ужъ одного этого совершенно достаточно. Для чего и для кого всѣ дальнѣйшія разсужденія, весь этотъ огородъ въ № 6653 „Новаго Времени?“ Я, во всякомъ случаѣ, очень радъ, что высшее правительство остановилось на Екатерининской гавани, такъ какъ восемь лѣтъ пропагандировалъ Мурманъ вообще, а не ту или другую его гавань. Разъ, что дѣло рѣшено, я не имѣю претензіи быть тою мухою, которая когда-то хвастала, что тоже пахала, и предоставляю эту честь „Русскому Страннику“, побывавшему, наконецъ, и на Мурманѣ. Итакъ, по существу я не спорю, а вдаюсь лишь въ детали. Я не придавалъ и не придаю теперь особенной важности стратегическимъ опасеніямъ нѣкоторыхъ, весьма уважаемыхъ мною авторитетныхъ лицъ на счетъ Озерка.

„Русскій Странникъ“ въ качествѣ *не моряка специалиста*

и пользуясь только своимъ *разумѣніемъ, обстрѣливаетъ и минируетъ, блокируетъ и бомбардируетъ* Озерко со всѣхъ сторонъ вопреки возможности и очевидности. Я, въ качествѣ моряка, понимающаго, что для блокады надобно время, а для бомбардировки глубина, считаю излишнимъ ему доказывать ошибки его и не могу не высказаться, что если нашъ военный флотъ построитъ себѣ портъ на Мурманѣ для того, чтобы тамъ выжидать нападеніе врага или защищать голыя скалы и ихъ копѣечную торговлю трескою и сельдями, то этотъ новый портъ будетъ не лучше Либавскаго. Потому что для этой цѣли Либава хороша, Кронштадтъ и того лучше, а если углубить Неву и Свирь, то Онежское озеро будетъ идеаломъ порта, ибо въ него-то никакой непріятель не проберется, и флотъ нашъ останется цѣлъ и невредимъ и тотчасъ же, по заключеніи мира, попрежнему пойдетъ на очередную стоянку въ Транзундъ. Для чего такой флотъ, это, конечно, не моего ума дѣло.

Чтобы говорить серьезно о чемъ-либо, надобно точно опредѣлить значеніе словъ, положить границы предположеніямъ и не расплываться въ деталяхъ. Что такое военный флотъ? Это вторая рука всякаго сильнаго потентата, это быстро переносящійся съ мѣста на мѣсто, по велѣнію власти, *укрѣпленный лагерь*. Если наши крейсера получатъ портъ на Мурманѣ, соединенный желѣзною дорогою съ Петербургомъ, то они отвѣтятъ вполнѣ *этому моему опредѣленію* и согласно съ этимъ моимъ опредѣленіемъ,—ошибочнымъ или нѣтъ, спорить могутъ спеціалисты военнаго дѣла,—я давно намѣтилъ мѣсто такого порта въ Озеркѣ, какъ болѣе, *по моему* лишь крайнему разумѣнію, подходящемъ, соотвѣтствующемъ заданію и цѣли. Я могъ бы привести очень серьезныя причины и доводы, оправдывающія меня въ моемъ выборѣ, но разъ что дѣло рѣшено, какъ увѣряетъ „Русскій Странникъ“, зачѣмъ поднимать шумъ и тратить слова? Я только утверждаю теперь, какъ бы въ предвѣдѣніи грядущихъ событій, ибо я много думалъ о Мурманѣ, много посвятилъ этому вопросу и времени, и труда, и даже здоровья, что придетъ моментъ, когда рѣшенный, если онъ рѣшенъ, вопросъ сдѣлается снова

вопросомъ, и Озерко будетъ таки колыбелью русскаго возобновленнаго флота. Отсюда, изъ грандіознаго Мотовскаго залива, пойдутъ русскіе крейсера и завоевывать Черное море, и прерывать сообщеніе Англіи съ Индіею, и... Но лучше я помолчу теперь, ибо доказывать уже поздно, да и нельзя доказать людямъ, не желающимъ слушать и видѣть. „Русскій Странникъ“ опоздалъ совѣтывать Англіи захватить Малаккскій полуостровъ. Англія давно владѣетъ имъ, утвердившись въ Пенангѣ и Сингапурѣ еще въ прошедшемъ столѣтіи. Но я не желаю обучать географіи „Русскаго Странника“, какъ и Англія не имѣетъ ни одного залива, въ которомъ бы она водворяла всѣ свои морскія силы. Въ Сингапурѣ она имѣетъ все то, что надобно и намъ бы сдѣлать для флота во Владивостокѣ и на Мурманѣ. Случится надобность, и корабли Великобританіи сосредоточатся въ Сингапурѣ или на Доброй Надеждѣ, въ Гонгъ-Конгѣ или Гибралтарѣ. Англія не боится и не думаетъ, что эти корабли допустятъ заблокировать или бомбардировать себя, ибо корабли сами удобоподвижны и назначеніе ихъ защищать родину не въ Ламаншѣ, а у береговъ враждебныхъ державъ. Отчего же намъ не осмѣлиться, наконецъ, имѣть такія же мысли и намѣренія? Я осмѣливаюсь, и если ошибаюсь, то каюсь въ этомъ. Если флотъ нашъ построитъ себѣ портъ въ Екатерининской гавани или въ Озеркѣ съ цѣлью, какъ полагаетъ „Русскій Странникъ“, защищать Колу и сѣверное побережье, то этотъ флотъ будетъ въ еще болѣе тѣсныхъ пеленкахъ, нежели Балтійскій, онъ и съ Мурмана вышлетъ въ Китай два или три корабля, какъ нынѣ изъ Транзунда, лишь послѣ усиленныхъ хлопотъ, смѣны офицеровъ и командировъ и прекращенія учебныхъ занятій. Англія не водворяетъ своего флота въ портахъ, и оттого ея корабли изъ Фальмута или Мальты, изъ Плимута, Ярмута или Ванкувера идутъ по телеграммѣ министерства во всѣ концы міра немедленно.

Я не знаю, за что гнѣвается „Русскій Странникъ“ на г. Нюхалова, но очевидно, онъ недоволенъ командиромъ Мурмана, хотя, по моему, совершенно напрасно. Г. Нюхаловъ не имѣетъ возможности заступиться за себя, находясь на

окраинѣ, не получающей теперь даже почты, и въ его оправданіе я долженъ сказать, что онъ имѣлъ возможность и, конечно, воспользовался ею, чтобы изучить Сѣверъ, а между прочимъ и Озерко лучше, нежели гг. Таратинъ и Жданко. Я нисколько не подрываю этимъ знаній и достоинствъ этихъ послѣднихъ почтенныхъ дѣятелей, но обстоятельства сложились противъ нихъ. Г. Нюхаловъ имѣлъ хорошее плавучее средство въ своемъ распоряженіи—прекрасный океанскій пароходъ „Мурманъ“, обладающій всѣми качествами норвежскихъ китобоевъ, а два первые ничего или то, что изрѣдка когда-нибудь выпадало на ихъ долю; понятно, г. Нюхаловъ и авторитетнѣе ихъ, и къ его словамъ или показаніямъ нельзя относиться такъ небрежно, какъ дѣлаетъ „Русскій Странникъ“. По поводу корреспонденціи въ № 6644 „Новаго Времени“ я также считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ. „Русскій Странникъ“ слышалъ, какъ онъ выражается, *отъ патріотичной и милой* молодежи крейсера „Вѣстникъ“, *прозимовавшей* въ Екатерининской гавани, одобренія ея и находитъ, что бездѣятельное состояніе офицеровъ и 172 человѣкъ команды тяготитъ ихъ. Но крейсеръ „Вѣстникъ“ пришелъ изъ Либавы на Мурманъ только въ половинѣ марта настоящаго года съ офицерами, пріѣхавшими изъ Петербурга и Кронштадта по желѣзной дорогѣ въ Либаву. Очевидно, тутъ ошибка или мистификація. Что же касается бездѣятельности на военномъ суднѣ, то объ этомъ не слѣдовало бы говорить даже и безъ претензіи на авторитетность, ибо подобная рѣчь есть обидное порицаніе цѣлой отдѣльной военной единицы. Для того, чтобы держать военный корабль въ порядкѣ и въ полной боевой готовности, надобно много работать, а не бездѣльничать. Надобно вымыть ежедневно весь корабль, просушить паруса, обтянуть спасти, поправить рангоутъ, осмотрѣть и вычистить оружіе и орудія и сдѣлать еще сотню другихъ необходимыхъ работъ, ученій и пріемовъ. И все это надобно дѣлать систематично, по росписанію, не утомляя команды и не разстраивая ея здоровья. Военный корабль, если онъ дѣйствительно держится въ полномъ боевомъ порядкѣ, если онъ съ достоинствомъ носитъ военный флагъ, не мо-

жетъ безъ ущерба службѣ Его Величеству и безнаказанно отряжать часть своихъ людей на какія-то работы. Если эти работы необходимы, надобно пожертвовать деньгами, надобно поискать специально примѣрное судно, въ родѣ „Днѣпра“, а не обманывать себя, не утверждать, что военные люди могутъ быть и воинами, и чернорабочими одновременно. У насъ сбиваютъ эти понятія зачастую и съ легкимъ сердцемъ экономничаютъ гроши, заставляя матросовъ грузить уголь. Но этой работы нынѣ не исполняютъ даже матросы коммерческихъ пароходовъ, не только военныхъ; почему же военный крейсеръ, обязанный умѣть хорошо стрѣлять, ставить и убирать паруса, ограждаться минами и т. д., можетъ игнорировать росписаніе и отрывать своихъ людей отъ прямыхъ обязанностей?

Бѣдный этотъ русскій военный флотъ, право! Прожилъ два вѣка, и В. С. забраковалъ его и совѣтуетъ передѣлать въ корчій; корреспондентъ, проѣхавъ по Мурману, мимоходомъ увидѣлъ военный флотъ и нашелъ, что крейсеръ того же военнаго флота изнываетъ отъ бездѣлья“.

Его же и на то же отвѣтъ въ «Новомъ Времени».

„М. Г.! Въ № 6644 вашей уважаемой газеты „Русскій Странникъ“, между прочимъ, отмѣчаетъ, по его мнѣнію, одно курьезное обстоятельство, заключающееся въ томъ, будто бы г. Нюхаловъ, принимая участіе въ разговорѣ въ столовой парохода „Ломоносовъ“ по поводу Екатерининской гавани, противорѣчилъ себѣ до такой степени, что нельзя было разобрать точно, за или противъ гавани стоялъ онъ, и затѣмъ уже написалъ въ „Новое Время“ статью (№ 6602), въ которой указывалъ, что гавань Озерко подвергается сравнительно меньшей замерзаемости противъ Екатерининской и, какъ на непреложныя доказательства, ссылался на рядъ работъ, предпринятыхъ имъ.

Я не могу и не желаю доказывать преимущества той или другой гавани для нашего флота, считая это дѣло второстепеннымъ, пока не рѣшенъ вопросъ въ принципѣ о пригод-

ности Мурманскаго побережья для военнаго флота. Между Екатерининскою гаванью и Озеркомъ такое небольшое разстояніе, что наши адмиралы, капитаны и инженеры сумѣютъ и успѣютъ осмотрѣть ихъ и оцѣнить ихъ преимущества. Кромѣ того, все будетъ зависѣть и отъ того, какой портъ захотятъ устраивать на Мурманѣ. Но въ виду возстановленія истины считаю необходимымъ сказать, что изъ всѣхъ бесѣдовавшихъ въ столовой „Ломоносова" было только два лица, имѣвшихъ возможность говорить доказательно и болѣе или менѣе безошибочно: капитаны „Ломоносова" и „Мурмана", гг. Поповъ и Нюхаловъ, и послѣдній въ особенности, какъ болѣе подготовленный для гидрографическихъ работъ въ Кронштадтскомъ штурманскомъ училищѣ и не мало поработавшій на военной службѣ. Г. Нюхаловъ и говорилъ твердо и убѣжденно то, что потомъ написалъ въ „Новомъ Времени". Хотя „Русскій Странникъ" и увѣряетъ далѣе, что милая и патріотическая молодежь „Вѣстника", *прозимовавъ* въ Екатерининской гавани, по опыту одобряетъ ее, но я долженъ сказать, что крейсеръ „Вѣстникъ" зимовалъ въ Либавѣ и на Мурманъ могъ прійти не ранѣе половины марта настоящаго года, т. е. тогда, когда зимы уже не было. Пароходъ же „Мурманъ", съ командиромъ его г. Нюхаловымъ, дѣйствительно, зимуетъ изъ-году-въ-годъ въ гаваняхъ нашего сѣвернаго побережья едва ли не десятокъ уже лѣтъ. Я, напримѣръ, засталъ его въ 1887 году, въ февралѣ, въ Еретикахъ. Хотя въ слѣдующей корреспонденціи „Русскій Странникъ" и говоритъ, что пароходъ „Мурманъ" *малъ* и *узокъ* и на видъ судно весьма *рискованное*, но это невѣрно и, конечно, могло лишь казаться не моряку. „Мурманъ"—тотъ же китобойный пароходъ, какіе обыкновенно плаваютъ по самымъ бурнымъ морямъ и океанамъ, и на такомъ суднѣ и такой опытный капитанъ, каковымъ долженъ быть и дѣйствительно есть г. Нюхаловъ, въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ можно было произвести много работъ въ гаваняхъ Мурмана.

Чѣмъ пользовался, т. е. какія плавучія средства имѣлъ г. Таратинъ при своихъ изслѣдованіяхъ въ Озеркѣ, я не знаю, хотя и готовъ вѣрить ему во всемъ, что онъ разска-

зывалъ въ „Русскомъ Судоходствѣ“ о Екатерининской гавани. Мѣстные жители Озерка не неизвѣстные люди, какъ говоритъ „Русскій Странникъ“, и имена ихъ записаны.

Я взялся на этотъ разъ за перо лишь для того, чтобы ввести поправку въ прекрасныя и, дѣйствительно, обстоятельныя корреспонденціи „Русскаго Странника“. Я увѣренъ, что онѣ сослужатъ службу и что онъ самъ не посѣтуетъ на меня. Только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ, а „Русскій Странникъ“ очень хорошо знакомъ русской публикѣ, и небольшія погрѣшности, въ особенности въ мало знакомомъ ему дѣлѣ, весьма понятны и извинительны. Но г. Нюхалову отъ этого, конечно, не легче“.

Мой отвѣтъ А. К. Бѣломору, въ «Новомъ Времени».

„На статью мою (№ 6653 „Нов. Вр.“) объ опасности устройства гавани для военнаго флота на Рыбачьемъ полуостровѣ, рекомендуемомъ А. К. Бѣломоромъ для такой цѣли, послѣдній отвѣчаетъ мнѣ въ № 251 „Гражданина“ пространной статьей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и письмомъ въ редакцію „Новаго Времени“. Въ обоихъ письмахъ онъ трактуетъ приблизительно о томъ же, съ тою только разницей, что въ „Гражданинѣ“ имъ принятъ поучительный тонъ бывшаго моряка, проплававшаго, вдобавокъ, по Мурману въ теченіе двухъ лѣтъ въ качествѣ командира частнаго парохода, — имперический тонъ недосягаемаго авторитета относительно журналиста, только разъ побывавшаго на нашемъ Сѣверѣ и вообще находящаго, что знанія вещь вздорная (!); въ письмѣ же въ „Новое Время“ онъ, напротивъ, разсыпается въ комплиментахъ о моей полезной дѣятельности, даже снисходительно извиняя мои небольшія погрѣшности, столь-де естественныя для неспеціалиста.

Признавать *невздорныя* знанія вздоромъ понятно не станетъ ни кто, особенно если лицо обладающее таковыми въ своихъ знаніяхъ и выводахъ увѣрено и не разрушаетъ сегодня созданнаго и сознаннаго имъ же вчера, съ другой стороны,— я и самъ допускаю погрѣшности у другихъ больше, чѣмъ у

себя, и готовъ примѣнить „errare humanum est“ даже къ такому авторитету, какъ г. Бѣломоръ, но не считаю въ данномъ случаѣ,—гдѣ вопросъ идетъ о такой серьезной вещи, какъ не можетъ ли сдѣлаться *западней* для русскаго флота гавань, рекомендуемая г. Бѣломоромъ, — умѣстнымъ другой отвѣтъ, кромѣ: „нѣтъ, не можетъ, ибо указанія „Русскаго Странника“ не выдерживаютъ (потому-то) критики“, или:„ *да, дѣйствительно, негодна, что я и сознаю чистосердечно въ виду важности дѣла*“.

Вотъ какъ, полагаю, *слѣдовало бы* поступить А. К. Бѣломору, но г. Бѣломоръ въ своихъ возраженіяхъ употребляетъ *совершенно иные пріемы.*

„Чтобы говорить серьезно о чемъ-либо, надобно точно опредѣлить значеніе словъ... и не расплываться въ деталяхъ“, поучаетъ онъ меня въ „Гражданинѣ“ и тотчасъ затѣмъ начинаетъ самъ расплываться и раскидываться во всѣ стороны, выхватывая то и это изъ моихъ статей съ нескрываемымъ стремленіемъ инкриминировать тѣ или другія мѣста, вовсе и отнюдь не касающіяся вопроса о годности и негодности гавани Озерка; что же касается самаго вопроса, то г. Бѣломоръ убираетъ его съ арены способомъ, въ серьезномъ спорѣ неподобающимъ.

„Я могъ бы, говоритъ г. Бѣломоръ, — привести очень серьезные причины и доводы, оправдывающіе меня въ моемъ выборѣ, но разъ дѣло рѣшено, какъ увѣряетъ „Русскій Странникъ“ (?!), зачѣмъ поднимать шумъ и тратить слова“. А въ другомъ мѣстѣ, чтобы подтвердить точность его увѣренія, что дѣло о выборѣ гавани *по моему заявленію* уже рѣшено, г. А. К. цитируетъ слѣдующую, будто бы, *мою* фразу:

„*Высшее правительство находитъ за Екатерининской гаванью стратегическія преимущества*“. Замѣтьте, что эта фраза написана курсивомъ и въ ковычкахъ, словомъ, какъ бы мнѣ принадлежащая, а я не только ея никогда не писалъ, но писалъ совершенно напротивъ, что не знаю, какія стратегическія преимущества находитъ за Екатерининской гаванью высшее правительство, о чемъ *ходили-де слухи*, слышанные мною только *вскользъ*. Очевидно, что изъ этихъ словъ никому не при-

деть и въ голову, что вопросъ *рѣшенъ*, а потому ссылаться на неговоренную мною фразу, дабы имѣть предлогъ не доказывать сомнительнаго удобства „Озерка“, по-моему — не гоже.

Какъ въ письмѣ въ „Новое Время“, такъ и въ „Гражданинѣ“, г. Бѣломоръ беретъ г. Нюхалова, командира парохода „Мурманъ“, подъ свою защиту, доказывая, что въ приведенномъ мною разговорѣ за завтракомъ объ Екатерининской гавани только могли судить авторитетно и доказательно капитаны Поповъ и Нюхаловъ, а послѣдній въ особенности, какъ воспитывавшійся въ штурманскихъ классахъ и долго служившій. Словомъ, у г. Нюхалова оказывается совершенно такая же авторитетность, какъ и у г. Бѣломора, и я охотно допускаю это, какъ, вѣроятно, г. Бѣломоръ охотно допуститъ, что въ вопросѣ о *здѣшнихъ* бухтахъ незамерзаемость стоитъ на первомъ планѣ, и вотъ г. Нюхаловъ въ своихъ *оффиціальныхъ*, доставленныхъ губернатору свѣдѣніяхъ о мурманскихъ бухтахъ, говоря о Кольской губѣ, пишетъ:

„*Больше всего удобствъ представляетъ Екатерининская гавань*. Глубина отъ 10 до 25 саженъ, *замерзаетъ рѣдко*, *при чемъ ледъ бываетъ рыхлый и легко пробивается*“.

Итакъ, значитъ, не замерзаетъ. И кому же знать о степени замерзаемости Екатерининской гавани, какъ не зимующему въ ней капитану „Мурмана“ г. Нюхалову! Послѣ этого понятно, что г. „Бѣломоръ“, по его словамъ, лично разспрашивавшій командира и команду пароходовъ „Мурманъ“ и „Владиміръ“ и *тоже за завтракомъ слушавшій авторитетныя* слова г. Нюхалова, заявляетъ въ „Гражданинѣ“:

„Только въ очень крѣпкіе морозы въ Екатерининской гавани появляется на нѣсколько дней очень тонкій ледъ, *ходить по которому опасно безъ подкладки досокъ*. Такой ледъ стоялъ (здѣсь) именно въ самую суровую зиму 1892—93 г. (sic), когда Зундъ и Бельты были затянуты льдами „(См. Гражданинъ“, № 185).

Итакъ, оба авторитета до сихъ поръ совершенно тождественны какъ тождественны и сейчасъ, при пропагандѣ „Озерка“. Но въ своемъ настоящемъ письмѣ въ „Нов. Вр.“ г. Бѣломоръ

свидѣтельствуетъ, что *за завтракомъ г. Нюхаловъ говорилъ объ Екатерининской гавани твердо и убѣжденно то, что написалъ перомъ въ „Новомъ Времени“*. Посмотрите же, что написалъ г. Нюхаловъ въ „Нов. Вр.“ по поводу Екатерининской гавани:

„Ледъ въ срединѣ гавани (Озерко) бываетъ весьма слабый и рѣдко держитъ человѣка, между тѣмъ Екатерининская гавань въ февралѣ, мартѣ и до половины апрѣля 1893 г. (sic) была покрыта льдомъ; въ мартѣ ледъ былъ настолько крѣпокъ, что могъ держать нѣсколько человѣкъ (безъ досокъ?!), а пароходъ „Владиміръ“ вынужденъ былъ *вырубливаться* изо льда и съ усиліемъ пробился сквозь ледъ: если бы этотъ ледъ не разбивался два раза „Владиміромъ“ и до пяти разъ „Мурманомъ“, то пароходу пришлось бы, вѣроятно, простоять въ гавани до конца апрѣля“ („Нов. Время“, 17-го іюля).

Не правда ли читатель, что этотъ пассажъ смахиваетъ на послѣднюю сцену изъ „Ревизора!“ Такъ вотъ что, оказывается, говорилъ *твердо* и *убѣжденно* за завтракомъ г. Нюхаловъ, а другой авторитетъ, тоже *твердо* и *убѣжденно сейчасъ это* подтверждающій, написалъ, однако, въ отчетѣ объ Екатерининской гавани, *ссылаясь на тотъ же годъ*, совершенно обратное! Но и этого мало, самъ г. Нюхаловъ, здѣсь зимовавшій, писалъ, какъ видѣлъ читатель, двумя мѣсяцами раньше своей статьи и *оффиціально тоже обратное*.

Кстати, еще курьезъ. Авторитетный г. Нюхаловъ, разбивая Екатерининскую гавань, говоритъ, между прочимъ, что она узка и что здѣсь *большимъ военнымъ судамъ стоять на своихъ якоряхъ немного тѣсновато* („Новое Время“, 17-го іюля), а слышавшій это за завтракомъ и объявляющій себя совершенно съ этимъ солидарнымъ „А. К. Бѣломоръ“, quand même, говоритъ въ „Гражданинѣ“... „въ Екатерининской гавани можно бы установить весь великобританскій флотъ“,— и восклицаетъ далѣе: „и я убѣжденъ, что онъ непремѣнно стоялъ бы здѣсь, если бы Мурманъ принадлежалъ Великобританіи!“ (См. „Гражданинъ“, № 185).

Словомъ, по поводу г. Нюхалова я не могу отступить отъ написаннаго уже мною и полагаю, что читатели признаютъ

за мною на это нѣкоторое право, и я очень удивленъ, что „А. К. Бѣломоръ“, подтверждая его слова, помѣщенныя въ „Нов. Вр.“, будто бы, говоренныя имъ и за завтракомъ въ Екатерининской гавани, не видитъ, однако, что сокрушаетъ этимъ не меня, *а все сказанное имъ же самимъ* о Екатерининской гавани въ „Гражданинѣ“.

Далѣе А. К. Бѣломоръ, къ удивленію, говоритъ въ „Гражданинѣ“: „я пропагандировалъ Мурманъ вообще, *а не ту или другую его гавань*“ („Гражданинъ“, № 251).

Вотъ тебѣ и разъ! И я, по неволѣ, въ свою очередь, обращаю на А. К. Бѣломора его же слова, съ коими онъ обращается ко мнѣ: „Если (г. Бѣломоръ) серьезенъ и не бросаетъ своихъ словъ на вѣтеръ“, то онъ долженъ же помнить слѣдующее мѣсто его статьи „Съ Мурмана“: *„я всегда, съ первыхъ дней моего знакомства съ Мурманомъ, настаивалъ на Озеркѣ для военнаго порта“* („Гражданинъ“, № 190). А въ другомъ мѣстѣ онъ (тоже, очевидно, слышавшій, что высшее правительство усматриваетъ за Екатерининской гаванью стратегическія преимущества) говоритъ: *„пусть я ошибаюсь во мнѣніи всѣхъ и не вижу недостатковъ стратегическихъ... Я убѣжденъ, что грандіозность Мотовскаго залива и удивительное расположеніе соприкасающихся бухтъ побѣдятъ соображенія скептиковъ и покажутъ и подскажутъ имъ обратную сторону стратегическихъ недостатковъ Рыбачьяго полуострова“*. (См. „Гражданинъ“, № 193).

Полагаю, что это поэтическое мѣсто ясно доказываетъ, за какую именно бухту и *почему* стоитъ А. К. Бѣломоръ; но, для меня, не спеціалиста, видящаго только крупные стратегическіе недостатки „Озерка“, признаюсь, для такого дорогого и рискованнаго государственнаго шага, еще мало такихъ доводовъ, какъ поэзія, удивительное расположеніе бухтъ и *грандіозность Мотовскаго залива*, коими, по его же словамъ, *„увлекается“* А. К. Бѣломоръ.

Въ концѣ моей статьи объ „Озеркѣ“ я говорю, что если бы Англіи кто посовѣтовалъ захватить Малаккскій полуостровъ и водворить въ одномъ изъ его заливовъ всѣ ея морскія силы, то я, какъ русскій, былъ бы этому очень радъ и т. д., и вотъ

А. К. Бѣломоръ не безъ ехидства воспользовался этой вскользь сказанной фразой для уличенія меня въ невѣжествѣ:

„Русскій Странникъ“ опоздалъ съ своимъ совѣтомъ. Англія давно владѣетъ Малаккскимъ полуостровомъ, утвердившись въ Пенангѣ и Сингапурѣ“, восклицаетъ онъ и великодушно добавляетъ: „но я не желаю обучать географіи „Русскаго Странника“.

Отвѣчу на это *нежеланіе* искреннимъ спасибо, ибо съ географіей по методѣ А. К. Бѣломора далеко не уйдешь. Да и, по правдѣ сказать, не знай я этого политическаго факта, я, не мореплаватель и не выставляющій себя въ этой наукѣ авторитетомъ, еще не считалъ бы себя невѣждой въ географіи. Вотъ, если бы я не зналъ, что Сингапуръ на маленькомъ островкѣ въ Малаккскомъ проливѣ, и вообразилъ бы себѣ, подобно А. К. Бѣломору, что онъ на Малаккѣ, и тоже увѣрялъ бы, что Малакка захвачена англичанами, когда она ея не захватывала, а имѣетъ тамъ только владѣнія на югѣ, а сѣверъ полуострова (зри любую географію) состоитъ изъ *независимыхъ* владѣній малайскихъ племенъ, при чемъ Англія *такъ* владѣетъ полуостровомъ Малаккой, что, напримѣръ, согласно съ популярной географіей А. Пуликовскаго: „На полуостровѣ Малаккѣ многія независимыя племена занимаются морскими разбоями и образованіе сюда еще не проникло“, ну, тогда бы мнѣ слѣдовало поучиться географіи.

Относясь съ должной серьезностью къ столь серьезному дѣлу, считаю себя обязаннымъ отвѣчать и на всѣ остальные противупоставленные мнѣ пункты. Г. Бѣломоръ говоритъ:

„Если нашъ военный флотъ построитъ себѣ портъ на Мурманѣ для того, чтобы тамъ выждать нападеніе врага, или защищать голыя скалы и ихъ копѣечную торговлю трескою и сельдями, то этотъ новый портъ будетъ не лучше Либавскаго“.

Фраза эта интересна, какъ взглядъ ея автора на желаемое имъ свѣтлое будущее Мурмана. А. К. Бѣломоръ находитъ, что эта, по его мнѣнію, „копѣечная торговля трескою и сельдями“ останется таковою же и послѣ возникновенія порта, проведенія желѣзной дороги и телеграфа на Мурманѣ и не стоитъ защиты, такъ же какъ и самъ портъ съ его много-

миллионными сооруженіями (!) [1]). Не думаю, чтобы военное, морское и финансовое вѣдомства отнеслись такъ же небрежно къ этому „копѣечному“ пустячку! Вообще въ этой пренебрежительно брошенной противнику репликѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо бьетъ въ глаза несостоятельность указаній на такую гавань, какъ Озерко, для военнаго порта на Мурманѣ, ибо, понятно, портъ и флотъ (какъ говоритъ и самъ г. Бѣломоръ) должны быть созданы *не* для того, чтобы флоту отсиживаться здѣсь во время войны, но съ другой стороны Екатерининскую гавань могутъ сдѣлать неприступной и защитить одинъ пѣхотный полкъ и полдюжина батарей, особенно при минномъ загражденіи, а на Озерко и Рыбачій полуостровъ надо флотъ или два корпуса и полсотни батарей, которые при продолжительной блокадѣ, какъ ясно видно изъ приложенной карты, все таки при уходѣ флота рискуютъ быть отрѣзанными отъ желѣзной дороги и материка и выморенными холодомъ и голодомъ, а самъ портъ или захваченнымъ въ пользу и пользованіе непріятеля, или же взорваннымъ и превращеннымъ, что называется въ tabula rasa.

„Англія, восклицаетъ мой почтенный соперникъ, *не* водворяетъ своего флота въ портахъ, и оттого ея корабли изъ Фальмута или Мальты или Ванкувера идутъ по телеграммѣ во всѣ концы міра немедленно“.—Ergo, вся сила англійскаго флота въ томъ, что онъ нигдѣ не имѣетъ постоянной стоянки, а такъ сказать, слоняется по морямъ; но если въ *этомъ* его сила, какъ же г. Бѣломоръ, увѣрялъ, когда еще выхвалялъ Екатерининскую гавань, что въ ней помѣстился бы весь англійскій флотъ и что онъ *непремѣнно стоялъ бы* въ Екатерининской гавани, если бы Мурманъ принадлежалъ Великобританіи (?!) (См. „Гражданинъ“ отъ 8 іюля 1894 г.).

Г. Бѣломоръ говоритъ далѣе:

„Русскій Странникъ“ слышалъ, какъ онъ выражается, отъ патріотичной и милой молодежи крейсера „Вѣстникъ“, про-

---

[1]) Не считая многомилліонной стоимости Соловковъ и святыни Соловецкой обители, которой уже и грозило быть разгромленной.

зимовавшей въ Екатерининской гавани, одобреніе ея (т. е. по адресу Екатер. гавани) и находитъ, что бездѣятельное состояніе офицеровъ и 172 человѣкъ команды тяготитъ ихъ. Но крейсеръ „Вѣстникъ" пришелъ изъ Либавы на Мурманъ только въ половинѣ марта настоящаго года, съ офицерами, пріѣхавшими изъ Петербурга и Кронштадта по желѣзной дорогѣ въ Либаву. Очевидно, тутъ ошибка или мистификація (!). Что же касается бездѣятельности на военномъ суднѣ, то объ этомъ не слѣдовало говорить даже и безъ претензіи на авторитетность, ибо подобная рѣчь есть обидное порицаніе цѣлой отдѣльной военной единицы (!). Для того, чтобы держать военный корабль въ порядкѣ и въ полной боевой готовности, надобно много работать, а не бездѣльничать, не утомляя при томъ команды, и не разстраивая ея здоровья. Военный корабль, если онъ дѣйствительно держится въ полномъ боевомъ порядкѣ, если онъ съ достоинствомъ носитъ военный флагъ, не можетъ безъ ущерба службѣ Его Величеству и безнаказанно отряжать часть своихъ людей на какія-то работы (!). Если эти работы необходимы, надобно пожертвовать деньгами, а не утверждать, что военные люди могутъ быть и воинами и чернорабочими одновременно".

И тутъ г. Бѣломоръ ошибается *рѣшительно во всемъ*; смѣю утверждать это, во 1-хъ, уже потому, что я, какъ онъ и самъ указываетъ, написалъ, что крейсеръ „*прозимовалъ*" на Мурманѣ, а не *перезимовалъ*, т. е. *прихватилъ* часть зимы, а не *провелъ* тамъ *всю* зиму. Полагаю *пройти* или *перейти* мостъ, *прорѣзать* себѣ ногу или *перерѣзать* ее—разница, если и не для моего не въ мѣру взыскательнаго оппонента, то хотя бы для того, съ кѣмъ послѣднее случится. Думаю, что и о крейсерѣ „Вѣстникъ", попавшемъ за полярный кругъ въ первой половинѣ марта, когда тамъ (да и въ сѣверной Россіи вообще) мятели, вьюги и морозы въ полномъ ходу, можно сказать *прозимовалъ* и не заслуживая обвиненія въ *мистификаціи* публики (!); и если это не убѣдительно, то сошлюсь на собственныя слова г. Бѣломора („Гражданинъ", № 170), гдѣ, кажется, ясно видно, какъ самъ онъ, инкриминирующій мое невинное замѣчаніе о скукѣ при бездѣятельности на „Вѣст-

никѣ“ въ обидное порицаніе цѣлой отдѣльной военной единицѣ (Господи, можно ли такъ подводить подъ сюркупъ, картель и непріятности неповинныхъ людей!), раздѣлываетъ эту самую „военную единицу“:

„Въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“ (повѣствуетъ г. Бѣломоръ) я читалъ всѣ *послѣдніе* рапорты командира крейсера „Вѣстникъ“. Снасти и палуба обмерзли, клиперъ, снабженный гидрографами и исправленными компасами, при помощи дорогихъ наемныхъ спеціалистовъ попалъ въ неизвѣстную бухту. Однакожъ все окончилось благополучно, и я поздравляю обоихъ вѣстниковъ: и крейсеръ и газету“.

Полагаю, что *рапорты объ обмерзаніи снастей и палубы* относится до *зимняго*, а не весенняго времени, что же касается слѣдующаго за симъ восклицанія по моему адресу: „Бѣдный этотъ русскій, военный флотъ!... Корреспондентъ проѣхалъ по Мурману, мимоходомъ увидѣлъ военный флотъ и нашелъ, что крейсеръ военнаго флота изнываетъ отъ бездѣлья“ (!), то предлагаю читателямъ безпристрастно сравнить, кто же выражаетъ порицаніе и „Вѣстнику“ и флоту вообще, я или г. Бѣломоръ, пріѣхавшій сюда вѣдь не инспекторомъ флота, а *также* корреспондентомъ, только отъ другой газеты. Вообще, не признавая себя авторитетомъ, тѣмъ не менѣе я все же оспариваю свое мнѣніе, что бездѣятельное состояніе въ указанномъ мною случаѣ можетъ тяготить и офицеровъ и команду, вопреки мнѣнію такого спеціалиста, какъ г. Бѣломоръ, говорящій, что „военный корабль, если онъ дѣйствительно держится въ полномъ боевомъ порядкѣ, если онъ съ достоинствомъ носитъ военный флагъ, не можетъ безъ ущерба службѣ Его Величеству отряжать часть своихъ людей на какія-то работы“. Я же полагаю, что это вовсе не такъ, что и показалъ тотъ же „Вѣстникъ“, который, какъ мнѣ теперь *доподлинно извѣстно*, по ходатайству г. Архангельскаго губернатора, вскорѣ послѣ нашего отъѣзда, *въ полномъ составѣ своихъ офицеровъ и команды*, вмѣстѣ съ транспортомъ „Баканъ“, получилъ отъ г. управляющаго морскимъ министерствомъ приказаніе произвести промѣры и другія гидрографическія работы въ устьяхъ рѣки Печоры; и я полагаю, что это, конечно,

не уронить достоинства нашего военнаго флага и флота и не повредить ни службѣ, ни здоровью его экипажа.

Въ заключеніе г. Бѣломоръ говоритъ:

„Г. Нюхаловъ не имѣетъ возможности заступиться за себя, находясь на окраинѣ, и я въ его оправданіе *долженъ* сказать, что онъ имѣлъ возможность и, конечно, воспользовался ею (!), чтобы изучить сѣверъ, и между прочимъ и Озерко, лучше, нежели гг. Таратинъ и Жданко... Понятно, г. Нюхаловъ *и авторитетнѣе ихъ* и къ его словамъ и показаніямъ нельзя относиться такъ небрежно, какъ дѣлаетъ это „Русскій Странникъ".

Высказавъ уже причины, руководившія мною при отрицаніи авторитетности почтеннаго капитана Нюхалова въ вопросѣ опредѣленія годности Озерка и негодности Екатерининской гавани, его разнорѣчіе и прочее, я позволю себѣ привести еще, какъ конечный доводъ въ нашемъ спорѣ, извлеченіе изъ статьи г. Таратина, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ „Русскаго Судоходства": по ней читатель самъ легко оцѣнитъ качество обѣихъ гаваней".

Извлеченіе изъ статьи г. Таратина.

„Судьба послала намъ Мурманскій берегъ, съ его открытыми гаванями, съ свободнымъ выходомъ для флота въ открытый океанъ, во всякое время. Къ сожалѣнію, сознанія объ этомъ дорогомъ русскомъ достояніи не было, и Мурманъ представлялся воображенію многихъ мрачнымъ, неприглядньмъ. И вотъ, этому мраку суждено наконецъ разсѣяться. Ожидается уже, что онъ приметъ въ свои гавани военный и торговый флотъ, что сблизятъ его со всею остальною Россіей телеграфъ и желѣзный путь, и сдѣлается онъ средоточіемъ всего Сѣвернаго края.... Уже второй годъ къ Мурманскому берегу посылаются наши океанскіе крейсера. О плаваніи по Мурманскому морю разскажутъ намъ плавающіе тамъ, въ настоящее время, на крейсерѣ „Вѣстникъ", моряки. Пробывъ тамъ, съ марта по сентябрь, можно уяснить себѣ всѣ условія жизни и плаванія въ нашемъ сѣверномъ морѣ. Плававшіе въ водахъ Ледовитаго океана Мурманскаго берега на крейсерѣ „Наѣзд-

никъ“ весной и лѣтомъ прошлаго года были въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ большую часть лѣта провели у береговъ Новой Земли, которую никоимъ образомъ нельзя ставить въ параллель съ Мурманскимъ берегомъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на свое кратковременное пребываніе на Мурманѣ, извѣстно, что „Наѣздникъ“ принесъ большую услугу Мурманскому берегу. Вообще плаваніе океанскихъ крейсеровъ на Мурманѣ весьма важно.

„Они побывали тамъ во многихъ бухтахъ и заливахъ, воочію видѣли ихъ удобства, удостовѣрились въ ихъ прекрасныхъ качествахъ, и слѣдовательно, ихъ мнѣніе будетъ имѣть немаловажное значеніе въ выборѣ той или другой гавани для порта. По нѣкоторымъ даннымъ извѣстно, что двѣ бухты Озерко и Екатерининская тщательно изслѣдуются—и наиболѣе удобнѣйшей изъ нихъ дано будетъ предпочтеніе. По поводу этихъ удобствъ я и хочу сказать нѣсколько словъ. Имѣя въ виду качества строющихся нынѣ ледоколовъ, разламывающихъ аршинный ледъ и даже толще, разумѣется, всѣ гавани Мурманскаго берега слѣдуетъ признать незамерзающими, т. е. если таковыми считать тѣ гавани, изъ коихъ военное судно во всякое время можетъ выйти въ открытый океанъ. Въ Мурманскихъ гаваняхъ ледъ иногда лишь доходитъ до двухъ четвертей аршина толщины, что главнымъ образомъ зависитъ отъ умѣренности климата, наличности теплаго гольфстрема и океанской солености. Ни одна гавань Мурманскаго берега не поставлена въ такія неблагопріятныя условія, какъ, напр., Кронштадтъ, плотно запертый всю зиму замерзшимъ Финскимъ заливомъ. Вдоль Мурманскаго берега море безусловно всегда свободно отъ льдовъ, начиная отъ Семи острововъ къ сѣверо-западу, и стало быть выбирая мѣсто для порта на Мурманѣ, надо считаться собственно не съ фактомъ замерзанія той или другой губы,—такъ какъ понятіе о замерзаемости ихъ отнюдь не исключаетъ возможности выхода изъ нихъ, но главнымъ образомъ надо обратить вниманіе на тѣ послѣдствія и неудобства для порта, которыя будутъ проистекать и всецѣло зависѣть отъ такого замерзанія. Замерзаніе же въ Мурманскихъ гаваняхъ сопровождается слѣ-

дующими явленіями: обыкновенно начинается съ того, что выпадаетъ снѣгъ, который съ теченіемъ времени охлаждаетъ верхніе слои воды на столько, что перестаетъ таять и ложится ровнымъ слоемъ на поверхности воды во время безвѣтрія, или же сбивается вѣтромъ къ которому нибудь берегу въ толстый густой слой сырой снѣжной массы, которымъ наконецъ покрывается значительное пространство бухты или залива и даже весь заливъ. Такая кашеобразная, густая масса прекращаетъ всякое движеніе на шлюпкахъ, не давая возможности ни работать веслами, ни тащиться крючкомъ. При морозахъ не ниже 10° Ц. она слабо твердѣетъ и подолгу не даетъ возможности ходить по ней человѣку; но въ то же время обладаетъ такимъ значительнымъ сопротивленіемъ, что при толщинѣ, напр. въ два вершка, прекратитъ движеніе паровыхъ шлюпокъ и крѣпко будетъ задерживать движеніе паровыхъ катеровъ и барказовъ. При морозахъ около 10° Ц. и болѣе эта масса сплачивается въ эластичную, вязкую ледяную кору, которая даже при значительномъ волненіи не ломается и не колется, а выгибается какъ резина. Такой ледъ совсѣмъ не имѣетъ свойствъ прѣснаго льда, непроницаемаго и хрупкаго: напротивъ онъ очень пористъ и мягокъ, обладаетъ особаго рода вязкостью, и поверхность его постоянно сырая, такъ что выпавшій на него снѣгъ сейчасъ-же смачивается и превращается въ соляную жидкую слякоть, которая также требуетъ значительнаго мороза для своего затвердѣнія. Онъ еще тѣмъ замѣчателенъ, что сани по немъ совсѣмъ не скользятъ, а напротивъ идутъ какъ по землѣ или по песку. Дойдя до толщины трехъ — четырехъ вершковъ при морозѣ 10° Ц., образовавшійся такимъ образомъ ледъ представляетъ уже большое сопротивленіе и прекратитъ движеніе даже большихъ паровыхъ барказовъ. Примѣромъ этому можетъ служить слѣдующій случай. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1888 г. морской пароходъ „Мурманъ“ длиною 82 фута, имѣя машину въ 30 силъ и обладая ходомъ въ 8 узловъ, съ большимъ трудомъ выбрался изъ порта Владиміра, покрытаго 4-вершковымъ льдомъ такого свойства; попеременно давая передній и задній ходъ,

„Мурманъ“ подавался впередъ, каждый разъ лишь на нѣсколько футовъ. Между тѣмъ портъ Владиміръ расположенъ на самомъ берегу океана, при входѣ въ Мотовскій заливъ, и про него разсказывали, что онъ никогда не замерзаетъ, тогда какъ въ продолженіе семи лѣтъ мнѣ довелось видѣть его *два раза крѣпко замерзшимъ* [1]). На подобныя обстоятельства замерзаемости, по моему мнѣнію, необходимо обратить вниманіе при выборѣ мѣста для порта. Въ тѣхъ гаваняхъ, гдѣ нѣтъ теченія и нѣтъ широкихъ и удобныхъ проливовъ, разъ образовавшійся въ нихъ ледъ останется и съ теченіемъ времени будетъ крѣпнуть и утолщаться. Гавань Озерко—„никогда не замерзающая гавань“, тогда какъ я ее неоднократно видѣлъ всю сплошь покрытую льдомъ, помимо уже суровой зимы съ 92 на 93 г. Нельзя принимать во вниманіе указываемую исключительно теплую зиму 1893/4 года, когда температура наружнаго воздуха въ Екатерининской гавани рѣдко опускалась ниже 10° Ц., и температура воды на поверхности въ той же гавани не доходила до нуля: такая зима выдается рѣдко. Кромѣ того я уже писалъ, что Озерко расположено почти по линіи N-S (на NNW) со входомъ съ южной стороны, а также, что господствующіе вѣтры на Мурманѣ въ зимнее время S—вые и SSW—вые и до такой степени господствующіе, что приходилось наблюдать ихъ дующими безпрерывно, даже въ продолженіе пяти недѣль, съ небольшимъ лишь уклоненіемъ къ SW-ту, сопровождаясь при этомъ всевозможными погодами: пасмурностью, снѣгомъ, ясностью, оттепелью и морозами. При такихъ обстоятельствахъ ледъ въ гавани Озерко всегда будетъ задерживаться и ни прорытіе канала, ни углубленіе входа не помогутъ горю,—это не въ состояніи дать сколько-нибудь значительнаго теченія, которое бы распространялось на всю гавань. По своей узкости, каналъ не можетъ служить выходомъ для

---

[1]) Замѣчательно, что г. Нюхаловъ—капитанъ „Мурмана“ застрявшаго, по словамъ г. Таратина, во льду порта Владиміра, тѣмъ не менѣе въ офиціальномъ донесеніи губернатору о бухтахъ, пишетъ, что этотъ портъ (какъ и вся губа) „не замерзаетъ“. *Авторъ*.

льда, гонимаго вѣтромъ изъ громаднаго по своей площади Озерка. Примѣромъ этому можетъ служить Екатерининская гавань, гдѣ южный проливъ въ полную воду достигаетъ ширины 50 саж., но онъ ни своимъ существованіемъ, ни своимъ теченіемъ ни разу не помѣшалъ образованію въ гавани льда, который всегда выносило широкимъ сѣвернымъ ея проходомъ единственно благодаря южнымъ вѣтрамъ. Екатерининская гавань покрывалась льдомъ, въ южной части ея, только при падающемъ снѣгѣ въ штиль; очевидно, если бъ въ южной части ея было теченіе, то при безвѣтріи свободно лежащій на водѣ снѣгъ этимъ теченіемъ выносило бы. Также и въ гавани Озерко теченіе замѣтно только въ проливѣ и на недальнемъ разстояніи отъ него; въ срединѣ же гавани и въ остальной, противоположной проливу ея части, теченіе, можно сказать, совсѣмъ незамѣтно. А разъ Озерко замерзаетъ и, благодаря своимъ естественнымъ условіямъ, такъ именно замерзаетъ, что ледъ не имѣетъ изъ него выхода, то очевидно, какъ я и говорилъ уже, тутъ не помогутъ никакіе ледоколы. Именно, повторяю, не помогутъ,—но это вовсе не значитъ, что я утверждаю, будто бы никакіе ледоколы не въ состояніи разбить льда въ Озеркѣ, такъ какъ это было бы совершенною нелѣпостью. Ледоколы, разумѣется, легко разломаютъ ледъ, но ледъ этотъ останется тутъ же, на мѣстѣ и черезъ нѣсколько часовъ спаяется опять въ цѣлую плотную льдину, которая съ теченіемъ времени будетъ крѣпнуть и утолщаться. Онъ не толстъ, но отнимаетъ всякую возможность сообщенія, будетъ крайне затруднять и замедлять работы на судахъ, и какъ разъ, быть можетъ, въ то время, когда понадобится спѣшное вооруженіе, вызывая при этомъ массу лишней работы, затратъ и, разумѣется, неудовольствій. Обѣщали открытый, незамерзающій, удобный портъ—и вдругъ оказывается въ гавани какая-то каша, благодаря которой никуда не попадешь ни пѣшкомъ, ни на шлюпкѣ! А можетъ быть, окажется и такой толщины ледъ, что посылай разбивать его хотя бы и ледоколъ! Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго Общества Сод. Мореходству высказывалось мнѣніе, что при образованіи въ Озеркѣ льда

можно его выбуксировать. Едва-ли, однако, требуется много останавливаться на этомъ, чтобъ оцѣнить всѣ неудобства такого способа. Наблюденія, произведенныя въ половинѣ прошлаго іюня съ парохода „Мурманъ“ надъ соленостью и температурами воды въ Озеркѣ и Екатерининской гавани и пристегнутыя къ числу преимуществъ перваго надъ послѣдней, не имѣютъ никакого значенія относительно замерзаемости той или другой губы, такъ какъ не выяснены условія, при коихъ эти наблюденія производились. Екатерининская гавань расположена при устьѣ Кольской губы, въ которую впадаютъ двѣ рѣки, Кола и Тулома, и множество ручьевъ. Въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ во время таянія снѣговъ и вскрытія рѣкъ, озеръ и ручьевъ, въ Кольскую губу вливается масса прѣсной воды, которая разливается по всѣмъ бухтамъ и заливамъ, расположеннымъ въ губѣ, и уносится даже за нѣсколько миль въ море. Присутствіе прѣсной воды сильно замѣтно въ іюнѣ и іюлѣ какъ по всей губѣ, такъ и далеко въ морѣ, по особому ея цвѣту. Поэтому, конечно, соленость въ Екатерининской гавани въ іюнѣ была слабѣе солености въ Озеркѣ, куда попадаетъ мало прѣсной воды. Въ зимніе же и весенніе мѣсяцы, до разлива рѣкъ, совсѣмъ незамѣтно присутствія прѣсной воды какъ въ Екатерининской гавани, такъ и въ Кольской губѣ. Не принявъ въ соображеніе мѣстныхъ условій и упустивъ изъ виду такое важное обстоятельство, нельзя дѣлать какихъ-либо соображеній [1]), на основаніи сравненія полученныхъ подобнымъ образомъ данныхъ о солености воды въ той и другой губѣ. Что касается температуры воды, то, во-первыхъ, зимнихъ наблюденій не имѣется, а во вторыхъ, во время весеннихъ плаваній въ мартѣ и апрѣлѣ, мнѣ неоднократно приходилось наблюдать температуру воды на поверхности—6° Ц. по всему Мотовскому заливу, съ незначительнымъ повышеніемъ у дна. Очевидно, въ Озеркѣ она не могла быть выше, а такая температура воды на поверхности не препятствуетъ образованію льда; стало быть и разсужденія о разности температуры, при своей незначительности и при-

---

[1]) Особенно „ученыхъ“. *Авторъ.*

томъ наблюденныя въ іюнѣ, ни къ чему не ведутъ. Всѣ старанія командира парохода „Мурманъ“ г. Нюхалова заморозить Екатерининскую гавань и изобразить трудность выхода изъ нея совершенно напрасны. Относительно этой гавани я говорилъ, что только южная ея часть иногда замерзаетъ; но она все-таки способна, при маленькой посторонней помощи, благодаря своимъ естественнымъ условіямъ, легко сдѣлаться совершенно незамерзающею, такъ какъ господствующіе вѣтры способствуютъ выходу едва лишь образовавшагося льда изъ гавани широкимъ сѣвернымъ ея проходомъ. Въ этомъ отношеніи съ Екатерининскою гаванью *не можетъ быть сравниваема ни одна изъ мурманскихъ гаваней*. Екатерининская гавань сейчасъ готова къ принятію какого угодно флота. Напрасно указывается на скалистость ея береговъ, якобы какъ на препятствіе къ устройству береговыхъ построекъ и дорогъ. Удобнаго мѣста для построекъ достаточно какъ на материкѣ, такъ и на островахъ Екатерининскомъ и Оленьемъ, которые легко могутъ быть соединены дорогою съ материкомъ при помощи плавучаго или постояннаго моста. Легко также устроить дорогу вокругъ всей южной половины гавани по приглубому береговому рифу, который при малой водѣ обсыхаетъ въ ширину отъ 2-хъ до 3-хъ саж. и болѣе; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ берегъ опускается въ воду отвѣсно, не образуя береговаго рифа, могутъ быть устроены плавучіе мосты или примѣнены болѣе удобные способы. На широкомъ осыхающемъ береговомъ рифѣ Екатерининскаго острова, находящемся въ проливѣ между островомъ и материкомъ—удобное мѣсто для угольныхъ складовъ, гдѣ при незначительномъ приспособленіи легко можетъ помѣститься болѣе 10 милліоновъ пудовъ угля или, съ замѣной угля нефтянымъ топливомъ, мѣсто это можетъ служить для помѣщенія нефтяныхъ цистернъ. Этотъ рифъ, длиною болѣе 300 саж., плоскій, ровный и приглубый, немного приподнятый; онъ будетъ служить въ то же время пристанью для судовъ. Повсемѣстная приглубость береговъ гавани особенно благопріятствуетъ устройству порта, значительно удешевляя постройку набережныхъ, которыя, въ то же время, будутъ слу-

жить и пристанями, а также представляетъ большое удобство для стоянки судовъ и для маневрированія ихъ въ гавани. Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе на близость къ Екатерининской гавани Палы-губы, удобная бухта которой, Корабельная, лежитъ всего въ одной верстѣ отъ берега гавани; хотя Пала-губа и замерзаетъ, но горло или входный проливъ въ нее всегда чистъ отъ льда. Не буду, затѣмъ, повторять указанныя уже мною въ апрѣльскомъ № журнала „Рус. Судох.“ всѣ другія удобства и преимущества Екатерининской гавани. Что касается проведенія желѣзной дороги на Мурманъ, то, конечно, направленіе ея на Екатерининскую гавань представитъ менѣе неудобствъ, нежели направленіе на Рыбачій полуостровъ. По мѣстнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что съ каждымъ шагомъ отъ Колы къ западу мѣстность вдоль мурманскихъ береговъ имѣетъ все болѣе холмистый, обрывистый и пересѣченный характеръ. Кромѣ того, нѣтъ надобности вести дорогу прямо на г. Колу. Вверхъ по рѣкѣ Туломѣ найдется не мало хорошихъ переправъ для постановки моста черезъ эту рѣку, напр., у порога Мурмашн, верстахъ въ 6-ти отъ Колы и, конечно, найдется удобный, довольно ровный и прямой путь до гавани. Продолженіе же дороги на Рыбачій полуостровъ до гавани Озерко представитъ несравненно больше затрудненій и обойдется много дороже. Указывая на Екатерининскую гавань какъ удобнѣйшее мѣсто для устройства порта, тѣмъ не менѣе въ виду всей важности вопроса вполнѣ сознаю, что выборъ долженъ быть произведенъ крайне осмотрительно: намѣченныя гавани должны быть обслѣдованы въ мельчайшихъ подробностяхъ и всѣ полученныя данныя тщательно провѣрены и взвѣшены“.

И такъ sic transit gloria... ибо все то, что приведено выше, заставляетъ меня высказать искреннее убѣжденіе, что въ данномъ случаѣ правы не гг. Бѣломоръ и Нюхаловъ, а гг. Таратинъ, Жданко и наконецъ и я, и что со стороны г. Бѣломора это стояніе за Рыбачій полуостровъ и его гавань Новая Земля или Озерко просто фантастическое увлеченіе, а со стороны

г. Нюхалова, такъ много пребывающаго въ этихъ мѣстахъ, и самъ не знаю что.

Но это деталь, и я стою за нее только потому, что въ такихъ грандіозныхъ вопросахъ, касающихся быть можетъ всего будущаго Россіи, по моему очень важно для крѣпости, кредита и силы самаго дѣла, чтобы все разсуждающее и благомыслящее общество стояло *именно* за то, что правдиво и вѣрно. Правительство конечно не ошибется, такъ какъ вопросъ будетъ, разумѣется, рѣшенъ со всякими справками и провѣрками и не помимо лучшихъ умовъ государственныхъ, но публика: видя что печать стоитъ напримѣръ за Озерко, а за ней и общественное мнѣніе, не удивится ли она, не будетъ ли въ недоумѣніи, если вопросъ рѣшится не въ пользу Озерка, а въ пользу Екатерининской или какой другой гавани, на что я по крайней мѣрѣ уповаю твердо.

Я сталъ политическимъ журналистомъ всего съ 1880 г., т. е. 15 лѣтъ назадъ, но и на моихъ даже глазахъ, сколько благихъ мѣръ и начинаній правительства отцвѣли, такъ сказать, не успѣвши расцвѣсть, не дали благихъ результатовъ или даже остались мертворожденными и не вошли въ жизнь или пошли колесомъ и въ сторону безъ пользы и даже во вредъ, и только потому, что не были поняты или приняты съ предубѣжденіемъ, по недоразумѣнію или потому что были заранѣе дискредитированы. Вотъ причина, побудившая меня привести всю полемику и pro и contra по этому вопросу и вообще написать двѣ предыдущія главы. Но возвращаясь къ А. К. Бѣломору, я позволю себѣ по совѣсти высказать мое мнѣніе о дѣлѣ съ этой стороны. Я не поклонникъ его авторитетно-властной манеры спорить и *рѣшать*, переходя при этомъ на личную почву, съ почти нескрываемымъ пренебреженіемъ къ оппонентамъ, особенно не морякамъ или морякамъ не его морей,—это правда, да это и довольно понятно съ моей-то стороны, но и только, и *только* потому, что я не рѣшусь по совѣсти не признать его общественныхъ заслугъ, заключающихся въ его горячихъ указаніяхъ обществу на Мурманъ, его шестилѣтнюю проповѣдь въ этомъ направленіи, не смотря на то, что вопросъ этотъ не только былъ забытъ.

но и многіе замалчивали и отмахивались отъ него по всякимъ причинамъ. Что за дѣло, что Колумбъ вернувшись не могъ начертить вѣрную карту Америки, а все таки пятая часть свѣта открыта имъ, а не Америго Веспуччи и ни кѣмъ другимъ. Вѣрная по географическому положенію карта одно, а вѣрная по деталямъ другое, но одно другого стоитъ. Я скажу даже больше. Будучи увѣреннымъ, что А. К. Бѣломоръ ошибается въ выборѣ гавани, я все таки убѣжденъ, что именно онъ разбудилъ на долго общественную мысль въ этомъ направленіи. Мало того, ему это удалось, а мнѣ и всякому другому въ родѣ меня, видѣвшему дѣло на мѣстѣ и основательно его изучившему, все таки это бы не удалось, и не по отсутствію разумѣнія и компетентности, а по отсутствію казовыхъ правъ на эту компетентность; много кандидатовъ правъ знаютъ завѣдомо не меньше многихъ магистровъ, но каѳедры не получаютъ; многіе простые смертные лечатъ не хуже докторовъ, да не признаются за таковыхъ и на консиліумы не приглашаются. Это разъ. Второе увѣренность въ правотѣ дѣла и его упорное проведеніе,—тоже заслуга не малая. Словомъ, если осуществится гавань на Мурманѣ, то гдѣ бы она ни была устроена, горячая пропаганда этого дѣла почтеннымъ А. Бѣломоромъ не можетъ быть выкинута за бортъ или забыта русскимъ обществомъ.

XXII.

У ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

Было около полуночи, когда „Ломоносовъ“ остановился у головы „Большой Мотки“, соединяющей Мотовской заливъ съ Озеркомъ или „гаванью Новой земли“. Было совершенно тихо и тепло, а солнце свѣтило такъ ярко, что нашъ художникъ Борисовъ, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ сопутствовавшіе министру вышли на палубу, ровно въ полночь снялъ насъ въ общей группѣ. Раздалась команда: „шлюпки на воду“, и черезъ 5 минутъ мы уже неслись по Озерку. Въ началѣ самой гавани, *пока* препятствующей входу большихъ судовъ, рифъ съ западной стороны образуетъ природный молъ, о который теперь тихо плещется приливъ. Министръ очень торопился и вмѣстѣ съ П. М. Романовымъ и однимъ изъ помощниковъ капитана отправился раньше и значительно опередилъ нашу шлюпку, безшумно скользившую по совершенно гладкой водѣ.

Чудная картина разстилалась передъ нашими глазами. Начиная со входа въ гавань, скалы, до сихъ поръ какъ бы ее оберегающія, словно успокоенныя за ея безопасность, раздаются, чинно отступая и уходя все дальше и дальше на материкъ, продолжаютъ, однако, толпиться въ отдаленіи и слѣдить за нею, окружая ее сплошнымъ высокимъ кольцомъ. Однако, гавань оттого не расширяется: ея пологіе берега образуютъ какъ бы обширный зеркальный элипсисъ, вправленный въ широкую изумрудную рамку. Вонъ справа и слѣва виднѣ-

ются два одинокіе домика колонистовъ, а дальше группируются копны зеленаго сѣна; по этому лугу быстро идетъ человѣкъ, а рядомъ съ нимъ торопится что-то, издали непонятное, не то собака, не то его собственная тѣнь. Здѣшнее солнце, имѣя въ распоряженіи 24 часа въ сутки, такъ сказать, искусственно удваиваетъ продолжительность и тепло короткаго полярнаго лѣта, вслѣдствіе чего здѣсь все живущее и прозябающее зрѣетъ, оперяется и растетъ безъ отдыха и перерыва; такъ и сѣнокосъ, начинающійся въ средней Россіи не ранѣе Петрова дня, происходитъ здѣсь недѣлей, двумя ранѣе. Вообще ночному солнцу при всей его электрической блѣдности нельзя отказать въ яркости и даже въ нѣкоторой теплотѣ его лучей, хотя, конечно, можно (при нѣкоторомъ усиліи) глядѣть на него безъ боли и слезъ. Теперь первый часъ ночи: до полуночи солнце спускалось къ горизонту, а сейчасъ, не доходя до небосклона, какъ бы остановилось и виситъ надъ скалами такъ же недвижимо, какъ на декораціяхъ. Словомъ, вамъ невольно кажется, что вы въ сказочномъ царствѣ, такъ все грандіозно и въ то же время неподвижно, беззвучно и мертво: и солнце, и воды, и скалы, и воздухъ, по которому скользятъ какъ тѣни гагары, чистики, чайки; впрочемъ, послѣднія все-таки немного оживляютъ и пробуждаютъ картину. Вотъ тысячи ихъ носятся вокругъ насъ или, трепеща крыльями, балансируютъ надъ водой и, клюнувъ, быстро взвиваются вверхъ, дабы спокойно проглотить добычу, что удается имъ далеко не всегда: на воздушной аренѣ совершенно неожиданно появляются новые фигуранты. На чайку быстро несется очень на нее похожая, но болѣе сѣрая, крупная и грубая птица. Догнавъ ее, она грубо вырываетъ изъ ея клюва и тутъ же проглатываетъ отнятую у чайки добычу. Птицу эту называютъ *солдатомъ*, занимается она спеціально отбоемъ у чаекъ ихъ промысловой добычи, коей и кормится исключительно. Но вотъ раздаются одинъ за другимъ два громкихъ выстрѣла, и обѣ птицы летятъ торчмя головой въ воду: это А. П. Энгельгардъ подшибъ чайку, а С. И. Мамонтовъ убилъ *солдата*. Эхо сразу оживило и воды, и долъ, и горы; по скаламъ раз-

неслись его перекаты, съ горы, покоющейся у самой западной стѣны перешейка и называемой почему-то Клубской, сорвалась какая-то стая пернатыхъ, задѣвъ съ испугу за камешки, съ пылью и съ шумомъ посыпавшіеся въ море. Какъ бы по командѣ, кружащіеся по заливу и преслѣдующіе чаекъ въ пространствѣ *солдаты* мѣняютъ фронтъ, а пересѣкающія надъ нами бухту гагары учащаютъ полетъ, такъ что взмахи ихъ сильныхъ черныхъ крыльевъ звенятъ въ воздухѣ. Но бѣднымъ чайкамъ не до бѣгства: съ крикомъ негодованія, угрозы, недоумѣнія и печали носятся онѣ надъ нашими головами, спускаясь къ убитой подругѣ и трепеща крыльями надъ этимъ бѣлоснѣжнымъ комочкомъ пуха, безжизненно распростертымъ и слегка покачивающимся на встревоженной веслами спящей водѣ залива. Но вотъ мы, не переставая держаться середины Озерка, подходимъ къ его концу, т.-е. къ перерѣзывающему намъ путь поперечному берегу. До берега еще саженъ десять, но здѣсь мелко, и шлюпкѣ приходится остановиться, а намъ перепрыгивать съ камня на камень, кое-гдѣ порядкомъ промачивая ноги; тутъ же стоитъ и шлюпка министра, матросы коей успѣли уже разбрестись по берегу.

Опять таки совершенно новая прелестная картина. Предъ нами широкій, около мили корридоръ или проходъ между скалъ, съ обѣихъ сторонъ окаймленный горами; полъ этого корридора, у берега песчаный и мѣстами покрытый валунами отъ текущаго въ море обильнаго и широкаго ручья, сразу превращается далѣе въ зеленый, испещренный цвѣтами, кустами можжевельника, ивняка и березами и все повышаясь, заканчивается довольно высокими, перехватывающими его горами, видными на недалекомъ горизонтѣ, какъ на ладони. Въ воздухѣ около 8 град. и въ сущности довольно тепло, а для нашихъ обтерпѣвшихся организмовъ въ особенности, но въ атмосферѣ все-таки чувствовалась предразсвѣтная сырость. Принятая нѣкоторыми изъ насъ неожиданно ножная ванна и масса тамъ и здѣсь торчащихъ можжевеловыхъ полувысохшихъ кустовъ и вѣтвей ивняка подали мысль разложить костеръ, вслѣдствіе чего большинство разсыпалось по лугу для сбора горючаго матеріала, а я съ однимъ изъ

товарищей, не будучи въ силахъ отказать себѣ въ желаніи видѣть съ чернѣющихъ вдали высотъ норвежскій берегъ, отправились догонять министра и его спутниковъ, силуэты коихъ виднѣлись въ полуверстномъ отъ насъ разстояніи. Идти пришлось въ разбродъ и, конечно, цѣликомъ, мѣстами путаясь въ кустарникахъ и довольно густой и высокой травѣ, мѣстами перепрыгивая ручьи, хрустальной ниткой бѣгущіе по лугу. Тамъ и здѣсь попадались мнѣ, благодаря впадинамъ въ грунтѣ, самородные пруды ключевой воды съ плещущейся въ нихъ рыбой и окаймленные ивнякомъ и березками; тутъ же валяются куски слоистаго бѣлаго (здѣсь нигдѣ болѣе мною не виданнаго) известковаго сланца и обломковъ также известковаго, но твердаго зеленоватаго камня, указывающаго здѣсь на близость нахожденія какой-либо минеральной породы. Куски шифера и ракушки, явно какъ и котловинная форма перешейка и, очевидно, моремъ подмытыя подошвы ближайшихъ къ корридору утесовъ, доказываютъ, что С. Ю. Витте совершенно правъ, полагая, что этотъ перешеекъ есть не что иное, какъ впослѣдствіи выступившее и обсохшее морское дно. Тутъ же слѣды стада, кости и не мало пней отъ порубленныхъ деревьевъ свидѣтельствуютъ о присутствіи человѣка въ этой пустынѣ, не смотря на градусы широты не только зеленой, но сейчасъ и цвѣтущей яркимъ узорчатымъ ковромъ. Среди морошки и разнокалиберной зелени пестрѣютъ здѣсь самые разнообразные цвѣты срединной Россіи: вотъ такъ-называемые ноготки, нѣчто въ родѣ нашей гвоздики съ легкимъ запахомъ, вотъ дикій лукъ, папоротникъ, щавель, вотъ цѣлый коверъ блѣдныхъ незабудокъ, чего-то въ родѣ ландышей съ пріятнымъ запахомъ, тутъ фіалки и дикая арника, а тамъ трава бѣлѣетъ отъ головокъ ромашки.— Господи, чѣмъ это не Бѣжинъ лугъ, воскликнулъ я, въ полномъ восторгѣ, и кто повѣритъ и какъ дико мнѣ самому, что это висящее надо мной солнце показываетъ ночь, а не часъ дня, въ половинѣ прохладнаго мая и что я сейчасъ иду не по лугу въ Тульской губ., гдѣ-нибудь по гористымъ берегамъ „Красиваго Меча", а не за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, откуда втрое ближе къ сѣверному полюсу,

чѣмъ въ наши срединныя губерніи, и что стоитъ мнѣ заблудиться, а пароходу уйти, меня не дождавшись, я могу пробродить здѣсь, питаясь морошкой и ракушками цѣлый длинный день, въ тысячу часовъ и не встрѣтить ничего и никого: ни человѣка, ни парохода, ничего, кромѣ вонъ этого вдали торчащаго домика, брошеннаго своимъ хозяиномъ, который, какъ говорятъ, недавно изъ этой глуши перебрался въ Америку.

А на вершинѣ горы, въ концѣ луга, какой чудный захватывающій видъ! Сквозь легкую дымку тумана разстилается, начиная изъ-подъ ногъ, у самой подошвы скалы, темносиняя гладь моря, а слѣва на западѣ чернѣютъ прибрежныя скалы нашихъ послѣднихъ, самыхъ западныхъ становищъ—Базарная губа и Норвежскій берегъ; отсюда до всего этого рукой подать и, спускаясь отсюда въ лодкѣ при хорошемъ вѣтрѣ, будешь тамъ черезъ какой-нибудь часъ, а между тѣмъ, несмотря на быстрый ходъ Ломоносова, это, благодаря огибанію сѣверо-восточнаго берега Рыбачьяго полуострова, отнимаетъ у насъ минимумъ 8 часовъ времени.

Наши спутники такъ разнѣжились своимъ фантастическимъ „ночнымъ“, что съ трудомъ оторвались отъ широко раскинутаго костра, въ самомъ дѣлѣ пріятно оживлявшаго своей теплотой, наглядно доказывая, что здѣсь холоднѣе и сырѣе, чѣмъ кажется.

Сѣвъ въ лодку, министръ разспрашивалъ у помощника капитана о подробностяхъ видѣннаго имъ съ высоты скалы Норвежскаго берега, а мы невольно примолкли какъ очарованные. Солнце, переставъ висѣть бозжизненно надъ горизонтомъ, стало вдругъ видимо подниматься и оживилось, какъ наглядно оживаетъ и свѣтлѣетъ вдругъ, на время, отъ долгаго горѣнія покраснѣвшій электрическій шаръ, послѣ невидимой рукой перемѣненнаго въ немъ угля. Какъ по мановенію десницы Господней, все сразу ожило, подулъ свѣжій вѣтерокъ, пошла, ласкаясь о берегъ, поплескивать морская волна, незамѣтныя и до того безцвѣтныя полоски, хлопочки и комочки облачковъ теперь загорѣлись и заклубились ало-янтарно яхонтовымъ отливомъ. А скалы, что сдѣлалось съ ними!! Заглянувъ

впередъ, даже бывалые матросы замирали отъ восторга: впереди нашъ „Ломоносовъ“ весь въ розовой дымкѣ, съ краснымъ днищемъ, плавающій въ голубой какъ небо лазури, а рядомъ стоящія и вдаль уходящія скалы, при отъѣздѣ сочтенныя нами за мрачные темно-зернистые граниты, теперь оказались изъ драгоцѣннаго порфира и блещутъ золотомъ, горятъ ярко-краснымъ и изжелта-фіолетовымъ свѣтомъ, сіяютъ и отражаются въ посвѣтлѣвшей водѣ всѣми цвѣтами, переливами и тонами; даже чайки, порхающія надъ ними, вдругъ порозовѣли, купаясь въ этомъ яркомъ, расцвѣченномъ и согрѣтомъ солнцемъ эѳирѣ.

— Кто хочетъ спорить со мною, что мы не гдѣ нибудь близь Неаполитанскаго залива и что эти сказочныя скалы не Искія и не Капри, не выдержавъ, воскликнулъ я!

И всѣ согласились съ этимъ, такъ сильно было очарованіе.

Да, чудное, чудное, на материкѣ невозможное утро! Озолотѣвшее солнце уже грѣло, лаская своими лучами „Ломоносовъ“ и его палубу, и врывалось въ нашу каютъ-компанію, когда мы, въ 3 часа утра снявшись съ якоря, сѣли пить кофе и ужинать, завтракать или обѣдать—сами навѣрное не знаемъ, ибо давно не ѣли и никому не хотѣлось спать; напротивъ, несмотря на страдный день мы были страшно бодры и оживленны. Главное—солнышко своимъ мѣстнымъ норовомъ такъ все перепутывало, что невольно терялось представленіе объ утрѣ, днѣ, ночи и вечерѣ, и невольно напрашивалась на память лицейская шутка нашего великаго поэта:

Вотъ съ запада восходитъ царь природы,
И удивленные народы
Не знаютъ какъ имъ поступать:
Ложиться спать, или вставать.

XXIII.

СВѢТЛЫЯ И ЧЕРНЫЯ ПЯТНА НА ТУМАННОЙ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛАПЛАНДІИ И МУРМАНА.

Нигдѣ нѣтъ такихъ усѣянныхъ шхерами и изрѣзанныхъ бухтами береговъ, какъ на Мурманѣ и въ сѣверной Норвегіи. И теперь еще, кромѣ Екатерининской гавани, Озерка, Могильной губы на о. Кильдингѣ, губъ Уры, Ары, порта Владиміръ, прибѣжищъ на Іоканскихъ островахъ и, наконецъ, Териберки, въ коихъ я уже былъ съ читателями, а также бухтъ на восточной и западной сторонахъ Нокуева полуострова, на нашемъ Мурманѣ, по свѣдѣніямъ здѣшней администраціи, существуютъ еще и слѣдующія болѣе или менѣе удобныя для стоянки военнаго флота губы и гавани.

Довольно большая губа Порчниха, глубиною отъ 3-хъ до 10-ти саж., закрытая отъ всѣхъ вѣтровъ, удобная для построекъ и вообще по мѣстнымъ административнымъ свѣдѣніямъ одна изъ удобнѣйшихъ бухтъ на Мурманѣ; Трящино— губа тоже недурная, но открыта для сѣверныхъ вѣтровъ; Монастырская подъ Кильдиномъ; губы Кольскаго залива; губа Западная Лица, очень подходящая, еслибы не глубина отъ 30—80 саж.; Титовская въ Мотовскомъ заливѣ, а съ противоположной стороны губы: Малая и Большая Волоковыя; Губы Базарная, Цыпь-Наволокъ, Зубовская, Корабельная и, наконецъ, губа Печенга, о которой скажу подробнѣе, такъ какъ мы туда направляемся.

Но всѣ эти губы имѣютъ тѣ или другіе недостатки: раз-

мѣра, глубины, входа, замерзаемости, отдаленности и большей или меньшей незащищенности отъ вѣтровъ, и, во всякомъ случаѣ, послѣ Екатерининской гавани и при ней играютъ второстепенную роль. Еще съ небольшимъ полстолѣтія назадъ у насъ были, если и не столь удобныя въ стратегическомъ отношеніи, то очень пригодныя и притомъ гораздо большія по размѣру и объему, а, сейчасъ увы, такихъ не только нѣтъ, но досаднѣе всего, что онѣ, перейдя безо всякихъ государственныхъ причинъ, неудачъ, соображеній и выгодъ намъ къ Норвегіи, при случаѣ могутъ быть утилизованы противъ насъ же.

Считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько сжатыхъ историческихъ данныхъ о западномъ побережьѣ Мурмана, тѣмъ болѣе что при нашемъ посѣщеніи Пазрѣки и Печенгской губы они для читателя далеко не лишнія.

Свѣдѣнія эти разбросаны и у Карамзина, и у Сидорова, у покойнаго К. Ф. Ордина и Гулевича, у Подгаецкаго и другихъ [1]), тѣмъ не менѣе онѣ весьма туманны, отрывочны и поверхностны. Достовѣрно только то, что еще Рюрикъ стремился подчинить народности дальняго сѣвера, и этой политики держались и его преемники, а въ XI столѣтіи, при Ярославѣ Мудромъ, весь Мурманъ числился пятиной новгородской, такъ какъ новгородскія дружины не встрѣчали отпора отъ кочевавшихъ здѣсь лопарей, платившихъ дань, и, сверхъ того, отношенія между Норвегіей и Русью были самыя дружественныя, такъ какъ Ярославъ былъ женатъ на дочери Норвежскаго короля Олафа, а (по книгѣ Эрика Берньера, изданной въ Стокгольмѣ въ 1740 году) наши границы съ Норвегіей доходили тогда до Люгенъ-фіорда. Но послѣ смерти Ярослава пошелъ безпрерывный рядъ кровопролитныхъ войнъ съ Швеціей и Норвегіей какъ изъ-за пограничныхъ, такъ и изъ-за религіозныхъ вопросовъ. Въ 1223 году въ Орѣховѣ былъ заключенъ миръ, и съ этихъ поръ нашъ морской рубежъ сталъ считаться уже не по Люгенъ-фіордъ, а съ Варангерскаго залива включительно. Въ 1478 году, вмѣстѣ съ паденіемъ Новгорода,

[1]) Большинство основывается на данныхъ, взятыхъ у князя Курбскаго, писавшаго, между прочимъ, и о св. Трифонѣ.

права на его владѣнія перешли къ Московскому государству, которое, конечно, при воинственности жителей Скандинавіи не удержало бы за собою эти отдаленныя и тогда почти ничего ему не доставлявшія и мало охраняемыя владѣнія, еслибы на этой нашей окраинѣ не случился чрезвычайно благопріятный и все рѣшающій поворотъ въ пользу Москвы. Вслѣдъ за подвижнической дѣятельностью преподобнаго Сергія подъ Москвою и св. Стефана въ Перми, преподобныхъ Зосимы и Савватія въ Соловкахъ, и здѣсь, въ этихъ льдахъ и камняхъ Лапландіи, появились два великихъ православныхъ просвѣтителя: инокъ Соловецкой обители Өеодоритъ и выходецъ изъ Новгорода (преподобный) Трифонъ [1]). Въ результатѣ около 1533 г. произошло крещеніе кольскихъ и пермскихъ лопарей Өеодоритомъ, а мотовскихъ и печенгскихъ—Трифономъ преподобнымъ; при этомъ оба святителя (особенно Трифонъ преподобный, дѣйствовавшій на западной сторонѣ Мурмана, гдѣ почти не было осѣдлыхъ новгородскихъ поселеній) подверглись сильнымъ гоненіямъ лопарскихъ кебуновъ, такъ что св. Трифонъ долгое время укрывался въ пещерѣ, на берегу Варангерскаго пролива, и теперь, когда спрашиваютъ молодыхъ лопарей, почему они плѣшивы (а это́ явленіе здѣсь заурядное), они отвѣчаютъ, что это отъ Бога за то, что предки ихъ рвали за волосы Трифона преподобнаго. Такимъ образомъ, съ XVI столѣтія Лапландія, по опредѣленію мѣстныхъ жителей, раздѣлялась на двѣ части: христіанскую или Бѣлую и языческую или Черную Лопь; къ первой относились обла-

---

[1]) Въ одномъ, хотя и бѣгломъ, но, впрочемъ, довольно обстоятельномъ, 10 лѣтъ назадъ появившемся изданіи говорится, что Трифонъ преподобный родомъ еврей. Какъ по смыслу дѣла, такъ и по всѣмъ прочтеннымъ мною источникамъ, нельзя не признать, что авторъ этого, не называемаго мною труда оказался въ данномъ случаѣ жертвой совершеннѣйшей ошибки, такъ какъ святитель, по преданію, сынъ новгородскаго священника. В. О. Ключевскій въ своемъ изслѣдованіи *„Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“* говоритъ, что житіе св. Трифона пропало во время раззоренія монастыря шведами, а о Өеодоритѣ, бывшемъ на Мурманѣ съ Трифономъ единовременно и 20 лѣтъ спустя сдѣлавшемся архимандритомъ въ Евөиміевскомъ Суздальскомъ монастырѣ, повѣствуетъ его духовный сынъ кн. Курбскій.

сти: Терская, Кольская, Мотовская и Печенгская, а ко второй—Остеръ-Ботническая и Варенгская, принадлежащія теперь къ Швеціи и Норвегіи и принявшія христіанство только въ этомъ столѣтіи.

Въ результатѣ, христіанскимъ терпѣніемъ и устойчивостью, составившій для лопарей даже азбуку (нынѣ, впрочемъ, утерянную), Трифонъ преподобный укротилъ своихъ гонителей и закрѣпилъ этотъ край за Россіей, о чемъ подробно скажу въ слѣдующей главѣ.

Въ 1611 г. Карлъ IX *во время междуцарствія* заключилъ договоръ съ Москвою, при чемъ, въ ущербъ намъ, границу между Лапландіею и Норвегіей стали считать по рѣкѣ Массельгѣ. Впрочемъ, наши сосѣди этимъ не довольствовались и безъ всякаго стѣсненія нарушали границу. Въ 1623 г., безъ всякаго основанія, четыре датскихъ корабля разрушили Колу, что и дало поводъ Алексѣю Михайловичу выслать на защиту Кольскаго полуострова и Поморья вообще воеводу со стрѣльцами, пробывшихъ тамъ до 1704 года. Тѣмъ не менѣе, мурманщики, т. е. пираты, ютившіеся на западномъ берегу, да и сами шведы, не признавая никакихъ границъ, дѣлали постоянные набѣги на наше Поморье, вслѣдствіе чего при Петрѣ I Кольскій полуостровъ былъ укрѣпленъ и переименованъ въ Кольскую крѣпость, просуществовавшую до 1780 г. и упраздненную Екатериною II, при чемъ ея арсеналъ и боевые припасы приказано было перевезти въ Екатерининскую гавань, гдѣ предполагалось современемъ создать военный портъ; однако, Екатерина II эту великую мысль осуществить не успѣла.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Финляндіи у насъ появилась масса *двое* и даже *троеданниковъ*, т. е. лопарей, перекочевывавшихъ съ мѣста на мѣсто, и, вслѣдствіе смутнаго понятія о нашихъ границахъ даже въ средѣ администраціи обѣихъ державъ, нѣкоторые пограничные лопари вынуждались къ уплатѣ дани не только со стороны Норвегіи и Россіи, но даже и со стороны Финляндіи.

Въ 1826 году было рѣшено урегулировать границу, и, по обоюдному соглашенію, она была проведена по Чалмѣ озеру и рѣкамъ Варьемѣ и Пазѣ до Улеаборгской губерніи;

съ нашей стороны былъ уполномоченнымъ полковникъ Голяминъ.

У римлянъ, въ виду того, что нѣкій папа изъ рода Барберини дозволилъ своимъ родственникамъ расхитить часть Колизея на постройку дворцовъ, есть пословица, гласящая, что чего не сдѣлали варвары (Barbaros) сдѣлано Барберини. То же (съ позволенія сказать) и полковникъ Голяминъ устроилъ съ Россіей, отрѣзавъ отъ своего отечества норвежцамъ громадную территорію нашего Мурмана, и отдалъ бы и больше, да мѣсто, на которомъ была Печенгская обитель, облитая русскою мученической кровью, и церковь святителя Трифона на Пазрѣкѣ столь явно свидѣтельствовали о своемъ русскомъ происхожденіи, что уступать ихъ было рискованно; но и здѣсь Голяминъ не поцеремонился, отдавъ губу Пазо почти со всѣмъ погостомъ, но только безъ церкви, а также и наши большіе погосты Нявденскій, Ровденскій и весь Варангерскій заливъ. Изъ грамоты Іоанна Грознаго Печенгскому монастырю хорошо видно, что̀ мы потеряли, а въ Варангерскомъ заливѣ, гдѣ и до сихъ поръ существуетъ Валидова губа, было даже русское становище подъ именемъ Валидово Городище. Словомъ, съ проведеніемъ означенной границы Россія, по словамъ Вл. Гулевича, потеряла до 800 кв. верстъ и часть своей лучшей береговой линіи въ Сѣверномъ океанѣ, о которой не скоро забудутъ наши поморы, благодаря чему наша внутренняя граница безбожно изломана, а морская, начиная отъ Кандалакши, тянется всего до рѣки Варьемы, т. е. на разстояніи приблизительно 1,200 верстъ.

XXIV.

НА ПЕЧЕНГѢ.

Какъ выше сказано, 23 іюня около 3 часовъ утра, послѣ осмотра Озерка, мы снялись съ якоря. Чтобы попасть въ Печенгскую губу, отстоящую миляхъ въ двадцати отъ Озерка или „гавани Новой земли" прямымъ путемъ, загороженнымъ перешейкомъ, „Ломоносову" пришлось возвращаться назадъ миль семьдесятъ: сперва пересѣчь Мотовскій заливъ, затѣмъ, обогнувъ Гардѣевъ мысъ, подняться на сѣверъ мимо губъ: Цыпь-Наволокъ и Зубовой, повернуть на сѣверо-западъ у Вайды-губы и, миновавъ мысъ Нѣмецкій, составляющій самую сѣверную конечность Рыбачьяго полуострова, спуститься на юго-западъ въ Печенгскую губу, глубоко врѣзывающуюся въ берегъ.

Въ 1533 г. преподобный Трифонъ, о коемъ уже сказано въ прошлой главѣ, какъ о новгородскомъ выходцѣ, крестителѣ и просвѣтителѣ лопарей, считавшихъ своего наставника, благодаря его безконечной энергичной добротѣ, мудрости, христіанскому смиренію, величавому росту и ограниченнымъ физическимъ потребностямъ, за высшее существо, основалъ здѣсь въ глубинѣ бухты Трифоно-Печенгскій монастырь; кромѣ того, онъ же построилъ далѣе въ 50 миляхъ на сѣверо-западъ на Пазрѣкѣ деревянную церковь во имя свв. Бориса и Глѣба.

Говорятъ, преподобный Трифонъ былъ большимъ знатокомъ и любителемъ сѣверной природы: дѣйствительно эти два мѣста лучшія и красивѣйшія на всемъ Мурманскомъ побе-

режьѣ, но и кромѣ того, онъ былъ глубокимъ мудрецомъ и патріотомъ, какъ и всѣ наши православные подвижники, добавлю я въ свою очередь. Мѣста освященныя имъ и устроенныя какъ точки опоры въ вѣрѣ для принявшихъ православіе лопарей, равно и вся его миссіонерская дѣятельность, ясно показываютъ, что онъ, распространяя здѣсь православіе, въ то же время уповалъ укрѣпить за Россіей и расширить наши мурманскія владѣнія, духовно спаявъ лопарей съ православной Россіей. И онъ достигъ цѣли, закрѣпивъ эти мѣста за своимъ отечествомъ, несмотря на разгромъ монастырей врагами, нерадиваго къ пользамъ родины полковника Голямина и ошибки нашего иностраннаго министерства. Ему, этому великому, намъ лишь по наслышкѣ и лопарскимъ преданіямъ извѣстному святителю, обязаны мы, быть можетъ, и тѣмъ, что у насъ, несмотря на ничтожную горсть русскихъ обитателей въ Лапландіи, остались еще бухты и промысловыя мѣста вдоль Мурманскаго побережья, а слѣдовательно, и тѣмъ, что мы и вообще владѣемъ здѣсь открытымъ моремъ — безбрежнымъ Ледовитымъ океаномъ, сквозь тьму и льды коего Россія рано или поздно увидитъ солнечный восходъ. *„Здѣсь дверь въ Европу“*, сказалъ министръ въ своей рѣчи, обращенной къ архангельцамъ, а я, не связанный саномъ и оффиціальнымъ значеніемъ моихъ словъ, смѣю думать, что здѣсь, съ одной стороны, дверь въ Россію, недоступная вторженію снаружи безъ воли хозяина и *всегда* свободно отворяющаяся на весь міръ изнутри. Пройдутъ вѣка, и на прибрежныхъ екатерининскихъ скалахъ или на одной изъ площадей будущаго города Екатерининска потомки наши воздвигнутъ памятникъ святителю Трифону, подобный монументу другаго святителя—собирателя земли русской, отражающему свой крестъ въ „сѣдыхъ“ водахъ Днѣпра и съ высоты Кіевской горы благославляющаго всю девятьсотъ лѣтъ назадъ освященную имъ и отъ него православную Россію.

Вновь основанный Трифоно-Печенгскій монастырь уже послѣ кончины святителя былъ оцѣненъ великимъ государственнымъ умомъ Іоанна Грознаго, и геніальный деспотъ, чтобы укрѣпить значеніе и силы обители, въ 1556 году,

при игуменѣ Гуріѣ, выдалъ ей царскую грамоту со столь обширными правами, что приведеніе здѣсь этой любопытной грамоты считаю не лишнимъ.

„По умоленію дѣтей нашихъ Царевича Князя Іоанна Іоанновича и Царевича князя Θеодора Іоанновича пожаловалъ есьма Его Царскаго богомолія отъ студенаго моря Океана съ Мурманскаго рубежа Пресвятыя Живоначальныя Троицы Печенгскаго монастыря игумена Гурія съ братіею, или кто въ томъ монастырѣ иный игуменъ и братія будутъ, вмѣсто руги и вмѣсто молебныхъ и панихидныхъ денегъ для ихъ скудности на пропитаніе въ вотчину морскими губами Мототскою и Лицкою и Урскою и Пазрѣцкою и Нявдемскою губами, въ морѣ всякими рыбныхи ловлями и морскимъ выметомъ, коли изъ моря выкинетъ кита, или моржа или какого иного звѣря, и морскимъ берегомъ, землею, островами, рѣками, и малыми ручейками и съ верхотинами и тонями и лѣсами и лѣсными озерки и звѣриными логовища, и Лопарями которые Лопари наши данные въ той Мототской и Печенгской губѣ нынѣ есть и впредь будутъ, и совсѣми луговыми угодья и своими Царя и Великаго Князя оброки, и со всѣми доходы и съ волосными кормы и тѣмъ имъ питаться и монастырь строить и Нашимъ де Болярамъ Новгородскимъ и Двинскимъ и Усть-кольскія и волости приказныя и всякимъ приморскимъ людямъ и Корельскимъ дѣтямъ и Лопарямъ и иному никому въ ту ихъ вотчину въ рѣки и тони и во всякія рыбныя ловли не вступаться“.

Къ сожалѣнію грамота эта принесла вмѣстѣ съ пользой и нѣкоторую долю вреда: лопари, послѣ принятія христіанства сгруппировавшіеся и осѣвшіе на Печенгѣ и у Пазрѣки, по возобновленіи обители въ силу грамоты подпали подъ крѣпостную зависимость монастыря, вслѣдствіе чего поморы и теперь называютъ себя свободными промышленниками, а лопарей—бывшими крѣпостными крестьянами; послѣдніе же хотя теперь и безъ малѣйшаго повода, но во имя старинныхъ традицій продолжаютъ пользоваться всякимъ случаемъ, дабы жаловаться на попраніе ихъ (несуществующихъ) правъ монастыремъ.

Однако Господь, несмотря на крѣпкую грамоту Грознаго, не положилъ долгаго *непрерывнаго* вѣка основанной святителемъ обители и, дабы еще болѣе укрѣпить и прославить ея значеніе, возложилъ по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ тяжкій крестъ на ея братію. Уже въ 1590 г. [1]) шведское войско,

---

[1]) По изслѣдованію В. О. Ключевскаго разрушеніе монастыря имѣло мѣсто годомъ ранѣе—въ 1589 г. См. *Древнерусскія житія святыхъ, позднѣйшая біографія Трифона.*

напавши на Мурманское побережье, разрушило, между прочимъ, какъ Печенгскую обитель, такъ и монастыри: Кандалашскій и Порьегубскій. Шведскіе историки, признавая фактъ, утверждаютъ, однако, что злодѣи были просто финляндскіе разбойники или морскіе пираты, съ чѣмъ, по характеру ихъ дѣяній, и приходится согласиться. Болѣе всего пострадала Печенгская обитель: разбойники финляндцы или финляндскіе разбойники въ самый день Рождества разгромили обитель до тла, умертвивъ всѣхъ иноковъ, легшихъ здѣсь костьми за вѣру, церковь и отечество [1]). Вновь основавшійся было затѣмъ монастырь отклонился отъ аскетическихъ завѣтовъ святителя и, какъ выше сказано, притѣснялъ подвѣдомственныхъ ему лопарей, не принося пользы православію и дѣлу государства, за что и былъ закрытъ въ 1701 году Петромъ Великимъ и возродился здѣсь лишь теперь около двѣнадцати лѣтъ назадъ при крупномъ участіи и подъ наблюденіемъ Соловецкаго монастыря, выдѣлившаго на это благое и святое дѣло кромѣ средствъ и часть (до тридцати) своихъ иноковъ [2]). Со строителемъ монастыря о. настоятелемъ Іоананомъ во главѣ, здѣшняя братія, несмотря на ея малочисленность, благодаря собственному трудолюбію и богобоязненности, а также энергіи и распорядительности и замѣчательнымъ, громко извѣстнымъ организаторскимъ способностямъ настоятеля, за это малое время сдѣлала здѣсь чудеса. Монастырь, отъ коего послѣ разграбленія и опустѣнія осталась всего ветхая, полуразрушенная деревянная церковь, да могила убіенныхъ иноковъ, не только быстро возобновляется, но и теперь уже идетъ по пути къ процвѣтанію.

---

[1]) Преданіе говоритъ о страшномъ атаманѣ разбойниковъ - пиратовъ Оникѣ, оставившемъ по себѣ слѣды у мыса Цыпь-Наволокскаго на островѣ Оникіевскомъ, гдѣ и теперь находится плита съ надписями XV столѣтія о томъ: на русскомъ, датскомъ, шведскомъ, норвежскомъ и даже голландскомъ языкахъ.

[2]) Вторичное возникновеніе Печенгскаго монастыря — результатъ ходатайства бывшаго Архангельскаго губернатора князя Н. Д. Голицына, создавшаго и красный крестъ на Мурманѣ и вообще много сдѣлавшаго для здѣшняго края.

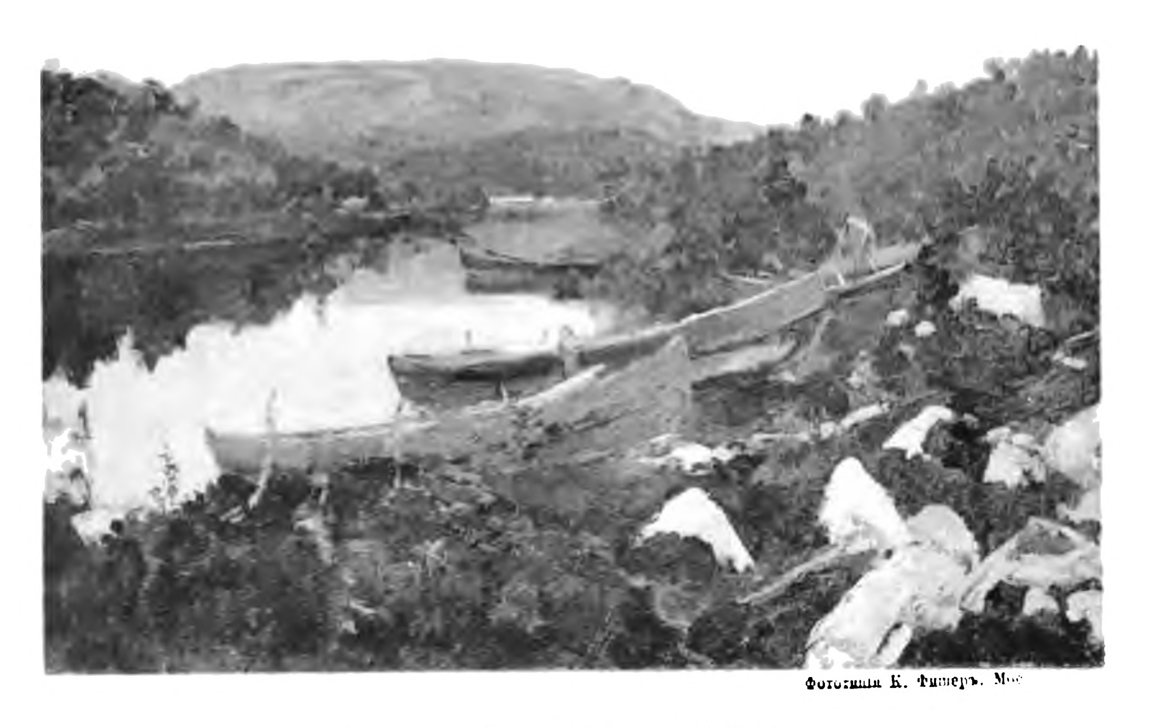
Въ настоящее время настоятель хочетъ перенести обитель, находящуюся въ восемнадцати верстахъ отъ могилы убіенныхъ и морскаго берега, къ самой могилѣ, и туда же надѣются перенести мощи святаго Трифона. Монахи строятся сами: плотничаютъ, провели прекрасныя дороги къ монастырю по пересѣченной горами мѣстности и привели сюда впервые лошадей той малорослой, но крѣпкой и рѣзвой породы, которая разведена по всему южному берегу Бѣлаго моря и пре-

Трифоно-Печенгскій монастырь.
Рис. ~~К. А. Коровина~~.
[illegible]

красные экземпляры которой наполняютъ конюшни Соловецкой обители. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ появленіемъ пастырей умножилась и паства: здѣсь теперь ютятся и русскіе поселяне и лопари, пріѣзжаютъ (изрѣдка) и богомольцы и не мало прихожанъ сосѣдей русскихъ и лопарей въ праздничные дни посѣщаютъ храмъ Божій, а по буднямъ школу.

Но возвращаюсь къ нашей поѣздкѣ. Вчерашній трудовой день такъ взбудоражилъ мнѣ нервы, что я не могъ спать и въ шесть часовъ утра уже поднялся на капитанскій мостикъ. Солнце ярко свѣтило, Реомюръ показывалъ 14° тепла, спокойный океанъ походилъ на растопленный горный хрусталь

Фототипія К. Фишеръ. Мо

„Ручей“ св. Трифона. Рисунокъ К. А. Коровина.

со свойственнымъ ему свинцовымъ отливомъ. Въ 9 часовъ мы вошли въ губу, пройдя съ одной стороны мимо губы Амбарной, изобилующей, какъ и многія здѣшнія мѣстности, минеральными породами, съ другой—мимо „Нѣмецкаго“ становища. Въ $10^{1}/_{2}$ часовъ „Ломоносовъ“, пройдя въ 8 часовъ около 96 миль, уже бросилъ якорь въ глубинѣ Печенгской губы, невдалекѣ отъ впаденія въ нее рѣки того же имени. Пароходъ не успѣлъ остановиться, какъ показалась шлюпка, на флагѣ коей виднѣлись буквы П. М. (Печенгскій монастырь). На палубу взошелъ настоятель о. Іонаѳанъ, плечистый, средняго роста іеромонахъ, лѣтъ 45, съ весьма умными, выразительными глазами и пріятнымъ, энергичнымъ и добрымъ, но немного сконфуженнымъ лицомъ. Вначалѣ онъ какъ-то пожимался, стѣснялся, подбиралъ полы своей простой шерстяной ряски, но министръ принялъ его такъ просто, сочувственно и сердечно, что о. Іонаѳанъ словно свалилъ за бортъ камень, успокоился, сталъ самимъ собою и оказался удивительно симпатичнымъ. Надо было спѣшить. „Ломоносовъ“ осторожно остановился верстахъ въ пяти отъ бара рѣки, наступало время отлива, а до часовни обители отсюда было верстъ десять. Министръ съ настоятелемъ, М. И. Кази, П. М. Романовымъ и А. П. Энгельгардомъ сѣли въ ломоносовскую шлюпку, а остальные спутники, кто въ другую, кто въ лодку настоятеля. Въ послѣдней гребли два здоровенныхъ молодца.—Откуда вы, братцы? спрашиваю я.—Мы-то?—Да, вы.—Я-то съ Вологодской, а онъ съ Новгородской.—Какъ же сюда попали?—Да мы плотники. Оказалось, что монастырь нанимаетъ въ работники преимущественно плотниковъ изъ богомольцевъ, попадающихъ и сюда или посылаемыхъ изъ Соловецкой обители. Такихъ плотниковъ, рыбаковъ и работниковъ вообще въ монастырѣ бываетъ лѣтомъ болѣе 50 человѣкъ, а зимой десять, пятнадцать, при чемъ они получаютъ на всемъ готовомъ 120 р. въ годъ; иные же здѣсь совсѣмъ остаться думаютъ.

Между тѣмъ какъ ни надсаживались гребцы, отливъ значительно опередилъ насъ, и море уходило изъ-подъ нашихъ лодокъ съ замѣчательной быстротою; вообще наши шлюпки

осѣдали ко дну, какъ опускается деревянный кругъ, прикрывающій воду въ кадкѣ, изъ низа коей вытащенъ гвоздь. Сходившая вода все болѣе и болѣе удлинняла и поднимала песчаный здѣсь берегъ. У бара рѣки встрѣтили насъ еще двѣ лодки съ гребцами. „Сюда!“ „Къ намъ!“ кричали намъ со шлюпки министра. Мы добрались до нихъ съ трудомъ, и С. Ю. Витте и ему сопутствовавшіе перебрались въ нашу шлюпку, а мы въ ихнюю, при чемъ они отправились далѣе, а къ намъ приплыла другая легкая монастырская лодка, на которую мы и сѣли не безъ приключеній, но съ потерей всего какихъ-нибудь 20 минутъ и то чуть не стоившихъ намъ удовольствія просидѣть часовъ пять, т. е. до прилива, на припекѣ, среди невылазной тины. „Скорѣе, скорѣе!“ торопили насъ и другъ друга гребцы. „Правѣй!“ „Лѣвѣй!“ „Стой!“ „Тутъ мель!“ „Эхъ-ма, опоздали—правь прямо въ берегъ!“ и, наконецъ, мы, усиленно мѣшая веслами какую-то грязную, густую размазню, съ невѣроятной натугой добрались и выбрались версты за полторы до поселка и пошли низомъ берега, все время уходя въ песокъ и имѣя надъ собою очень высокій крутой карнизъ берега. Наконецъ, пройдя съ версту въ такой способъ, мы съ великимъ трудомъ, обрываясь и скатываясь, полѣзли по осыпавшемуся откосу въ верхъ и добравшись остановились, какъ очарованные.

Если вы, посѣтивъ этнографическій музей и уходя изъ отдѣленія эскимосовъ съ ихъ шкурами, лодками, собаками и санками, этажемъ выше очутитесь вдругъ среди египтянъ, ихъ обихода, природы и домашней жизни, то, конечно, не удивитесь и найдете это естественнымъ; но если вы, идя вдоль скалистаго, унылаго, мрачнаго, окруженнаго голыми арктическими скалами берега моря, взберетесь на карнизъ обрыва и сразу *вдругъ* очутитесь среди ярославской зажиточной деревеньки со всѣми ея аттрибутами, то, конечно, глазамъ не повѣрите, подумаете, что это миражъ, и затѣмъ, подобно намъ, долго-долго будете смотрѣть съ удивленіемъ и душевнымъ удовлетвореніемъ въ то же время на эти бревенчатыя избы, на собакъ, тявкающихъ на васъ самымъ серьезнымъ тономъ, на эти скирды сѣна, дымящіяся трубы, скрипящія ворота, вы-

Норвежскій домикъ на Печенгѣ. Рисунокъ К. А. Коровина.

пускающія плечистыхъ мужиковъ въ бѣлыхъ рубахахъ, на этихъ прекрасныхъ коровъ, разгуливающихъ по огороженнымъ жердями загонамъ, покрытымъ изумрудною сочной муравой. Вотъ вамъ во-очію, еще разъ послѣ Соловковъ, да и всего сѣвера, начиная съ Ярославля и Вологды (если сюда не считать и сердца Россіи самой Москвы), наглядное, блестящее, непреоборимое доказательство геніальной правдивости, несокрушимости и цѣльности русскаго девиза: „самодержавіе, православіе и народность“.

Да! это ужъ вовсе не чета „liberté, égalité, fraternité“, *никогда* еще и *нигдѣ* на практикѣ не достигнутыхъ и одно изъ другаго не вытекающихъ, смѣясь надъ коимъ сами французы каламбурятъ, прибавляя къ каждому слову point. Идеалы нашего русскаго девиза суть въ одно и то же время и части одного великаго цѣлаго, немыслимы одна безъ другой и одновременно какъ бы синонимы, ибо проявленіе дѣйствія одного изъ нихъ гдѣ бы то ни было призываетъ къ дѣятельности остальныя части девиза или проявляется за нихъ, въ ихъ смыслѣ и въ ихъ пользу. Я хочу сказать: гдѣ бы ни осѣлъ русскій человѣкъ, тамъ распространяется и православіе, въ свою очередь вызывая къ жизни и самодержавіе, и это рано или поздно и при томъ вездѣ, будь это въ Запорожьѣ, въ Сибири, на Амурѣ или на Мурманѣ—все равно; тамъ, гдѣ никакой власти нѣтъ или она ничего подѣлать не въ силахъ, тамъ въ духѣ народнаго девиза и его идеаловъ дѣйствуетъ русскій монастырь или самъ православный русскій человѣкъ и именно *тогда*, когда всякія естественныя и неестественныя препятствія напрягаютъ и заставляютъ расти во всю ширь его русскую силу и не позволяютъ ему облежаться и облѣниться!...

Мнѣ скажутъ, о чемъ я толкую, чѣмъ хвалюсь: у сосѣдей норвежцевъ развѣ то, что у насъ даже на Печенгѣ! Тамъ города, газъ, телеграфъ, газеты; куда же де вы со своей Печенгой противъ нихъ годитесь!

Да, это съ казовой стороны пожалуй и такъ, но со стороны здравой оцѣнки окружающаго и его смысла—немного иначе, и я замѣчу, что для того, чтобы сплести руками грубую ткань, надо больше искусства и изобрѣтательности, чѣмъ

ткать бархатъ на фабрикѣ и станкѣ при паровой машинѣ. Норвежцы у себя дома при своихъ природныхъ и ими изъ рода въ родъ усвоенныхъ условіяхъ, идущіе вдобавокъ постепеннымъ путемъ общей цивилизаціи запада, а не попавшіе на крайній сѣверъ случайно, чуть не вчера, какъ многіе изъ русскихъ здѣшнихъ переселенцевъ и монаховъ; что же удивительнаго, что въ городахъ Финляндіи или Норвегіи, въ этихъ сѣверныхъ цивилизованныхъ центрахъ, движимыхъ впередъ и ихъ правительствами, и общественнымъ капиталомъ, и интеллигентной *массой* жителей этихъ городовъ съ ихъ думами и торговыми сношеніями и общими выгодами, и вооруженныхъ всѣми новѣйшими пособниками труда и удобствами жизни, а главное сильныхъ въ качествѣ крупныхъ *коллективныхъ* центровъ, окруженныхъ *непрерывнымъ* сосѣдствомъ, путями сообщенія и обмѣна мысли, даже слова, и притомъ сравнительно болѣе мягкими и благодарными условіями климата и почвы и огромными средствами ко всеобщей защитѣ отъ всѣхъ и всего: и на землѣ и на морѣ, и зимой и лѣтомъ,—что же послѣ всего этого удивительнаго, что тамъ благоденствіе, комфортъ и свѣтъ (электрическій, конечно), а у насъ на Мурманѣ пустота, тьма и суровая нужда. А вотъ если кучка поморовъ или русскихъ крестьянъ лишь съ топоромъ въ голыхъ рукахъ поселится здѣсь, на этой самой отдаленной окраинѣ Россіи и на краю свѣта, среди безлюдной, бездорожной и 9 мѣсяцевъ въ году отрѣзанной отъ міра льдяно-каменной пустыни, имѣя опорой, (кромѣ живущаго за 300 верстъ безъ пути исправника), въ качествѣ защиты, охраны, руководителя, цѣлителя, наставника, начальства и орудія просвѣщенія, одинъ Божій храмъ и горсть монаховъ, какъ здѣсь на Печенгѣ, и при всемъ этомъ рискнетъ осѣсть и сумѣетъ обзавестись по своему, по всероссійски, по костромски или вологодски; или когда горсть монаховъ притянетъ, свяжетъ и скуетъ въ одно цѣлое во имя православной церкви *„эту сталь земли русской“*, этихъ русскихъ людей ото всѣхъ концовъ государства, а съ ними и мѣстныхъ просвѣщенныхъ православіемъ лопарей: вотъ это во истину удивительно, ибо это серьезная сила, съ коей надо считаться, сила съ будущностью, сила не одной условной циви-

лизаціи, подгоняющей всѣхъ и все подъ одну шапку и общій уровень во имя прирожденныхъ обычныхъ этимъ людямъ условій и интересовъ, толкающихъ всю *массу*, какъ таковую, въ одномъ направленіи, а сила собственнаго индивидуальнаго духа и собственной мощи, *отдѣльно* присущей каждому монаху, помору и колонисту, словомъ сила, буквально двигающая льдами и горами.

Конечно, ничто не вѣчно; пройдутъ годы, и здѣсь непремѣнно будетъ русскій флотъ въ той или этой гавани, а за нимъ придетъ и масса торговыхъ, военныхъ и всякихъ людей; съ ними появятся и законная власть, и порядокъ, и сама цивилизація со всѣми ея аттрибутами, плодами и благами... Въ Колѣ, имѣющей сейчасъ одно фортепьяно и то благодаря снисхожденію министерства финансовъ [1]), двухъ лошадей, полдюжины ссыльныхъ политиковъ и шесть инвалидовъ, блюстителей закона и порядка или оффенбаховскихъ карабинеровъ, если хотите, съ престарѣлымъ исправникомъ во главѣ, завѣдующимъ *кстати* и уѣздомъ въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль и обязаннымъ при помощи двухъ становыхъ и нѣсколькихъ урядниковъ разыскивать въ этомъ бездорожномъ пространствѣ его населеніе, состоящее въ общемъ изъ 9000 человѣкъ, и посѣщать десятки становищъ и погостовъ лѣтомъ, въ этой-то Колѣ и будущемъ Екатерининскѣ выстроются театры, весь Мурманъ покроется сѣтью желѣзныхъ, шоссейныхъ, правительственныхъ и земскихъ дорогъ, перевязанныхъ телеграфной проволокой; лопари пройдутъ университетъ, заговорятъ о сепараціи Мурмана и протянутъ руку братьямъ финнамъ. Здѣсь, на Печорѣ и на Новой Землѣ будутъ издаваться газеты и зажжется электричество; самоѣды, переставъ лакать водку и стрѣлять медвѣдей одинъ на одинъ, засядутъ за винтъ и примутся за политику и шампанское; все это можетъ быть и будетъ, ибо *должно быть* рано или поздно, будучи въ порядкѣ и истекая изъ міроваго хода вещей, но врядъ ли и тогда народятся и

---

[1]) В. И. Смирновъ, кольскій исправникъ, разсказывалъ мнѣ, что пять лѣтъ назадъ владѣльцы кольскаго фортепьяно долго хлопотали и добивались разрѣшенія привезти его изъ Швеціи безпошлинно.

появятся такія грандіозныя, патріотическія и богобоязненныя цѣльныя личности, умы и характеры, какъ Трифонъ Печенгскій, Өеодоритъ, Зосима и Савватій, Германъ, Стефанъ Пермскій и имъ подобные: въ вѣрѣ наставители и блюстители, инородцевъ просвѣтители, государства собиратели и радѣтели, главы церкви и отцы отечества, дѣйствовавшіе и творившіе во имя той же вѣры и святаго девиза святой Руси: „православіе, самодержавіе и народность".

Да, такихъ здѣсь, да и на самой Руси, конечно, болѣе не будетъ уже потому, что свое они уже совершили, слѣды ихъ дѣятельности и ихъ глубокой мудрости и организаторскихъ талантовъ видны не только на Печенгѣ, Пазрѣкѣ и въ другихъ мѣстахъ и во всемъ обиходѣ Соловецкой обители, наглядно доказавшей превосходство и прочность тамошней культуры *и формы правленія* противъ таковыхъ же на западѣ, но и въ томъ главнымъ образомъ, что они достигли, къ чему стремились, передавъ отечеству съ рукъ на руки этотъ суровый, но богатый и необходимый ему край, давъ возможность его гаванямъ принять русскій флотъ, а русскому флоту исполнить то, чего отъ него требуютъ историческія судьбы и задачи Россіи.

XXV.

ВЪ ОБИТЕЛИ СВ. ТРИФОНА.

На лужайкѣ у дворовъ насъ ожидали: вытянувшійся въ струнку мѣстный сотскій съ бляхой, самодѣльный парный шарабанъ и двѣ линейки: парой и тройкой. Мы размѣстились, и сильные коньки понеслись по отлично устроенной дорогѣ вдоль огороженныхъ жердями луговъ, мимо опушки мѣшанаго лѣска, черезъ высокій деревянный мостъ, фундаментально устроенный на сваяхъ черезъ рѣчку Княжуху. Отсюда дорога пошла уже въ гору, что не помѣшало лошадкамъ бѣжать крупною рысью. Этотъ цвѣтущій оазисъ среди окружающей его пустыни былъ дѣйствительно поразителенъ.

Сѣна тутъ у колонистовъ и монастыря такъ много, что не только нѣтъ необходимости въ кормленіи коровъ рыбой зубаткой, какъ это дѣлаютъ въ другихъ становищахъ и поселкахъ Мурмана, стирая сушеную зубатку въ порошокъ и получая отъ коровъ молоко, имѣющее непріятный рыбій запахъ и вкусъ, но и сверхъ того большое количество этого сѣна уходитъ на продажу въ сосѣднія мѣстности Норвегіи. Что же касается лѣсовъ, то несмотря на обиліе ихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и попадающихся въ нихъ въ достаточномъ количествѣ строевыхъ деревьевъ, монахи на свои монастырскія постройки ими почти не пользуются, а покупаютъ лѣсъ главнымъ образомъ въ Норвегіи, откуда привозитъ его имъ на своихъ пароходахъ по большей части Архангельско - Мурманское товарищество даромъ или почти даромъ, какъ я

слышалъ. Свой же лѣсъ почти не доступенъ, во-первыхъ, по полному бездорожью, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что грамота Грознаго съ закрытіемъ монастыря въ 1708 г. потеряла силу, и монастырь здѣсь владѣетъ сравнительно очень немногимъ, перепутаннымъ съ участками поселенцевъ и казной; словомъ, приходится предпочитать куплю на сторонѣ этому даровому лѣсу.

Черезъ полчаса скорой ѣзды вдали показался еще поселокъ, а близь него—новая деревянная часовня. Около часовни расположены: красивый и свѣтлый помѣстительный бревенчатый домикъ, сарайчики, клуни и масса сложенныхъ бревенъ; все это ютится, образуя дворикъ, по самому берегу рѣки. На площадкѣ близь часовни насъ встрѣтили кучки народа. Поселянки, старухи и молодицы, вмѣстѣ съ дѣтьми стояли отдѣльной группой, выдѣлявшейся красивой пестротой нарядовъ, и русскихъ головныхъ уборовъ, противъ группы мужчинъ и стариковъ, ставшихъ съ другой стороны дороги.

Что за сильные молодцы, что за выразительныя, энергичныя лица какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. И колонисты, и поморы, промышляющіе и здѣсь главнымъ образомъ рыбной ловлей и охотой, радушно привѣтствовали насъ, протягивая и подавая намъ руки. Отвѣчали охотно, толково и весело, всѣ до единаго имѣли довольный видъ и вели себя съ замѣчательнымъ добродушнымъ и непринужденнымъ достоинствомъ.

Поговоривъ съ ними, С. Ю. Витте пошелъ въ бревенчатую часовню или вѣрнѣе небольшую церковь, не щеголяющую особымъ убранствомъ и внутри. Впрочемъ, въ ней имѣется крупная достопримѣчательность. Ея алтарь построенъ надъ могилою братій, убіенныхъ пиратами 25 дек. 1590 года, въ количествѣ 50 иноковъ и 65 послушниковъ. Подъ алтаремъ снаружи храма имѣется ходъ въ небольшое помѣщеніе вродѣ склепа, съ общимъ памятникомъ. О. настоятель, взявъ съ алтаря приготовленныя иконы и просфоры, поднесъ ихъ министру и нѣкоторымъ изъ его спутниковъ. Изъ церкви мы отправились въ свѣтлый двухъ - этажный домикъ, о коемъ я упомянулъ выше. Домъ выстроенъ подъ школу

и больницу и при уютности блеститъ чистотою. Въ большой комнатѣ нижняго этажа кипѣлъ и горѣлъ ярко вычищенный самоваръ почтенныхъ (московскихъ) размѣровъ. Тутъ, послѣ жары и пыли, ароматичный чай показался намъ особенно вкуснымъ. Изъ открытыхъ оконъ виднѣлась и среди камней бурлила рѣчка Печенга, здѣсь усѣянная порогами и отличающаяся обильными уловами замѣчательно крупной и вкусной семги, особенно искусно коптимой и слегка просаливаемой въ монастырѣ. Двѣ такихъ огромныхъ рыбины были поднесены С. Ю. Витте въ знакъ благодарности о. настоятелемъ, и въ слѣдующіе затѣмъ дни, появляясь предъ нашимъ обѣдомъ въ числѣ закусокъ, наглядно доказывали, что у насъ въ столицахъ о здѣшней настоящей семгѣ вовсе не имѣютъ понятія.

Старый монастырь во имя Живоначальной Троицы, основанный Св. Трифономъ, какъ выше сказано, лежитъ въ 18 верстахъ отъ новой церкви и отъ берега Печенги; тамъ покоятся мощи святителя, но еще болѣе старый — первый монастырь основанъ былъ именно здѣсь, гдѣ братская могила убіенныхъ. О. Іонаѳанъ съ благословенія Соловецкой обители и съ согласія предержащихъ властей задумалъ перенести обитель сюда на старое мѣсто, въ самомъ дѣлѣ гораздо болѣе удобное, находящееся на берегу моря и освященное этой братской могилой. Сюда же имѣютъ быть перенесенными и мощи Святителя [1]). О злодѣйскомъ убіеніи братіи мнѣ пришлось слышать чрезвычайно интересную лопарско-поморскую легенду, которую и привожу, такъ какъ ея нѣтъ въ печати.

И такъ, дѣло было подъ Рождество; солнце ушло въ этомъ (1590) году какъ-то особенно рано и тьмѣ неба помогалъ и воздухъ. Мгла все время висѣла надъ землей и туманъ былъ такъ густъ, что въ пяти шагахъ не видно было огня, горящаго въ лопарской тупѣ. Злой духъ гулялъ по покинутому Божьимъ свѣтомъ краю и наталкивалъ людей на всякія искушенія и помогалъ имъ совершать злыя дѣла. У самаго моря, въ одномъ днѣ пути отъ Печенги поставилъ свою вѣжу филь-

---

[1]) Могила еще не разыскана, но въ томъ чтб она именно здѣсь никто не сомнѣвается.

манъ (кочевой лопарь-владѣлецъ оленьяго стада), звали его Иваномъ и окрестилъ его самъ покойный святитель Трифонъ; только онъ крестился изъ жадности, ожидая даровъ, и не получивъ, питалъ большую злобу и на святителя и на самого Бога и продолжалъ жить какъ язычникъ. И Богъ видимо отъ него отступился. Въ этомъ году его оленямъ приходилось плохо, стужа сковала снѣга, олени каждый день издыхали отъ безкормицы и стадо его таяло, какъ таетъ лѣтомъ льдина на солнцѣ. Обозлился въ конецъ лопарь Иванъ и началъ думать, какъ ему наверстать убытокъ. Думалъ, думалъ, запрегъ кережу (сани) и отправился въ Норвегію, въ такое мѣсто, гдѣ зналъ, что живутъ зимой морскіе пираты. Онъ предложилъ пиратамъ довезти ихъ до Печенгскаго монастыря, чтобы его ограбить. Разбойники обрадовались: давно точили они зубы на монастырь, да боялись и не знали дороги. Ивану атаманъ обѣщалъ 50 серебряныхъ шведскихъ монетъ, да еще далъ 20 впередъ; разбойники надѣли печеки (нѣчто въ родѣ дахи), вооружились, запрягли цѣлую райду (цѣлый цугъ) кережъ, поѣхали и пріѣхали на Печенгу въ самый день Рождества. Въ монастырѣ часа за два до ихъ прибытія 50 человѣкъ братіи и 65 послушниковъ послѣ долгой обѣдни сѣли за столы въ трапезной, а о. настоятель, прежде чѣмъ благословить трапезу, взялъ святую книгу и только что раскрылъ, чтобы прочесть поученіе тамъ гдѣ у него была закладка, какъ поблѣднѣлъ, зашатался и палъ на землю. Братія подумала, что онъ ослабъ отъ воздержанія; одинъ подбѣжалъ поднять настоятеля и хотѣлъ читать, какъ вскричавъ, закрылъ лицо отъ страха. Всѣ поднялись и увидѣли съ ужасомъ, что тамъ, гдѣ лежала закладка настоятеля, кровавыми буквами появилось поминанье по вновь преставившимся убіеннымъ и слѣдовалъ списокъ *ихъ* именъ, начиная съ имени о. настоятеля. Поднялися плачъ и смятеніе, но настоятель твердо приказалъ идти всѣмъ въ церковь и тамъ вмѣстѣ съ братіей палъ предъ иконами. Въ это время подъѣхали разбойники, стали ломиться въ двери освященнаго храма и, окруживъ деревянный монастырь, подожгли его со всѣхъ сторонъ. Между иноками былъ одинъ страшно сильный великанъ и бывшій воинъ. Взглянувъ въ окно и увидавъ,

что разбойниковъ небольше пятидесяти, онъ сталъ просить отца настоятеля благословить его и другихъ самыхъ молодыхъ и сильныхъ иноковъ защищать обитель, такъ какъ у нихъ де есть и топоры и ломы. Но настоятель сказалъ „нѣтъ— это воля Божія, о ней предъ своей кончиной, не упоминая часа, предсказалъ святитель Трифонъ, а потому нельзя ей противиться и необходимо безпрекословно приготовиться принять вѣнецъ мученическій". Услыхавъ эти слова, братія смирилась и смолкла. Съ горячей молитвой пали иноки ницъ предъ алтаремъ. Въ это мгновеніе ворвались разбойники, но ни одинъ изъ монаховъ не пошевелился, не отвѣтилъ на вопросъ о монастырскихъ деньгахъ и рухляди. Разбойники озвѣрѣли, и иноки всѣ до единаго приняли мученическую смерть, не поднимая головы и съ молитвой на устахъ. Перебивъ всѣхъ, разбойники бросились искать добычу, грабить утварь и монастырь, но нашли очень мало, такъ какъ монахи, будучи скромной богобоязненной жизни, о накопленіи благъ земныхъ не заботились. Между тѣмъ пожаръ обхватилъ всю обитель, и разбойники боясь сгорѣть поспѣшили выйти изъ церкви, взошли на сосѣднюю скалу и стали дѣлиться, причемъ Ивану досталась серебряная св. чаша, которую онъ трясясь отъ жадности спряталъ за пазуху.

Стоя на скалѣ, разбойники ожидали, чтобы загорѣлась церковь, но огонь пылалъ кругомъ, не трогая деревянной церкви. Вдругъ въ воздухѣ надъ пылающимъ монастыремъ показались три бѣлоснѣжные лебедя. Разбойники стали спрашивать другъ друга въ смятеніи: „откуда эти лебеди? Теперь зима, а ихъ зимой никогда еще у насъ не бывало". А лебеди, не отлетая отъ пожара, поднимались все выше и выше и вдругъ разлились на небѣ въ золотой кругъ, загорѣвшійся ярче пожара. Затѣмъ изъ пламени стали вылетать одинъ за однимъ 116 бѣлыхъ какъ снѣгъ птицъ, ростомъ съ чайку, только красивѣе и бѣлѣе, подниматься вверхъ и сливаться съ золотымъ кругомъ, который разгорался и расширялся такъ, что стало глазамъ больно. „Видно, большой грѣхъ сдѣлали мы, проливъ праведную кровь!" вскричалъ испуганный атаманъ, и всѣ вмѣстѣ съ проводникомъ въ смятеніи бросились съ горы къ своей

рейдѣ и погнали оленей. Долго неслись они, совсѣмъ замучивъ оленей, а на утро стали по горамъ перебираться въ Норвегію. Иванъ, не довѣряясь пиратамъ и боясь быть ограбленнымъ, ѣхалъ шаговъ пятьсотъ впереди на сильномъ оленѣ-быкѣ, а за нимъ тянулась рейда съ разбойниками и добычей. Вдругъ на самомъ крутомъ мѣстѣ задній олень споткнулся и вмѣстѣ съ санями и сѣдокомъ полетѣлъ въ пропасть, потащивъ за собою всѣ остальныя привязанныя ремнями другъ за друга кережи съ ихъ сѣдоками; полные ужаса и отчаянія крики вдругъ огласили воздухъ; адскимъ хохотомъ отвѣчалъ злой духъ изъ пропасти, а ему громко и безконечно стало вторить насмѣшливое эхо горъ. Вздрогнулъ и оглянулся ѣхавшій впереди Иванъ; видитъ, всѣ разбойники вдругъ пропали изъ вида; повернулъ онъ оленя и бросился назадъ, но у обезумѣвшаго отъ страха животнаго шерсть стала дыбомъ; закинувъ рога на шею и не слушаясь болѣе хозяина, бросилось оно въ сторону и какъ разъ на томъ же мѣстѣ сорвалось и полетѣло въ пропасть. Долго летѣлъ внизъ Иванъ и упалъ на что-то мягкое. На небѣ горѣли всполохи (сѣверное сіяніе); при ихъ свѣтѣ увидалъ онъ, что лежитъ на кучѣ своихъ разбитыхъ и окровавленныхъ спутниковъ, а подъ нимъ шевелятся ихъ руки и ноги, поднимаются головы и молятъ о помощи; кругомъ цѣлая стая волковъ съ жадностью рветъ еще живыхъ и пьетъ ихъ кровь. Съ алчностью накинулись ближайшіе волки и на его еще живаго оленя. Иванъ съ силой отчаянія выхватилъ ножъ, и поражая бросавшихся на него волковъ, въ ужасѣ кинулся стремглавъ по ущелью. Долго бѣжалъ онъ и очутился наконецъ въ тундрѣ; кругомъ лѣсъ, посрединѣ прогалина, а на ней большой высоко и широко бьющій глубоко изъ земли ключъ. Обрадовался ему Иванъ: изнывая отъ жажды, онъ вытащилъ изъ-за пазухи серебряную монастырскую чашу, зачерпнулъ ею воды и жадно поднесъ къ губамъ, но вода оказалась теплой, красной, попробовалъ—кровь!.. Съ ужасомъ бросилъ онъ чашу въ бассейнъ ручья, а она не тонетъ, стала на водѣ стоймя и сіяетъ, какъ огненная, а внутри кровь горитъ, какъ рубинъ. Волосы поднялись у христопродавца, глаза полѣзли изо лба; хочетъ перекреститься—рука не двигается.

виситъ какъ плеть. Но вотъ поднялся изъ ручья водяной столбъ и осторожно понесъ чашу къ небу; какъ солнце, горѣла въ воздухѣ святая чаша; кругомъ сразу сдѣлался свѣтлый лѣтній день, пока самъ Господь ни протянулъ десницу и ни взялъ чашу на свое святое лоно. Тогда опять все померкло, сразу наступила темная ночь; съ ревомъ обрушился внизъ поднявшійся до неба водяной столбъ, охватилъ полумертваго Ивана, завертѣлъ и втянулъ въ подземную пучину...

И теперь въ Норвегіи (гдѣ-то) за Варангеръ-фіордомъ есть, говорятъ, бездонное озеро, воды коего до сихъ поръ имѣютъ красноватый цвѣтъ. Никто—ни человѣкъ, ни дикій олень не пьютъ этой красноватой воды, а изъ средины озера поднимается большой желтоватый камень, имѣющій форму чаши. Нѣтъ въ этомъ озерѣ рыбы, и не живутъ на немъ птицы; оно не замерзаетъ и зимой, только разъ въ годъ—на самое Рождество—прилетаютъ къ нему три бѣлоснѣжныхъ лебедя, плаваютъ въ его водѣ, садятся на камень, затѣмъ поднимаются и исчезаютъ изъ глазъ....

Такова приблизительно эта высоконравственная легенда, и остается только пожалѣть, что она не обратила на себя благосклоннаго вниманія нашихъ ученыхъ путешественниковъ и не попала въ печать среди уже появившихся сказокъ и мѣстныхъ лопарскихъ легендъ, почти ничего поучительнаго изъ себя не представляющихъ [1]), а между тѣмъ она циркулируетъ на Мурманѣ и слышана мною отъ Печенгскаго русскаго рыболова, при чемъ оказывается, что и художникъ К. А. Коровинъ тоже слышалъ ее на Мурманѣ, хотя и не въ такой подробной редакціи.

Во всякомъ случаѣ легенда эта очевидно русскаго происхожденія, и на мой взглядъ представляетъ глубочайшее значеніе для уясненія одной изъ стихій, одной изъ творческихъ силъ, поднимавшихъ ростъ духовнаго русскаго народнаго организма и создавшихъ величіе русскаго царства. Ле-

---

[1]) Вродѣ напечатанной съ другими въ 1890 г. легенды о томъ, какъ Петръ Великій перерядился и ходилъ пособлять Московскому вору и т. под. и грубымъ передѣлкамъ скандинавскихъ сагъ.

генда эта раскрываетъ предъ нами въ полнѣйшей ясности и осязаемости понятіе о томъ, что такое русская народность.

Наши славянофилы, наперекоръ западникамъ, придавали подобающее значеніе русской народности въ исторіи человѣчества, но подъ этимъ понятіемъ они мыслили лишь внѣшній и временный признакъ, не выражающій сущности содержанія. За существенныя качества народности признавали какое-то общинное начало, склонность къ соборности въ общественномъ строѣ, естественное тяготѣніе къ общинному быту; не говоря уже о томъ, что самое это начало можетъ подлежать оспариванію, во всякомъ случаѣ оно не выражаетъ и *не можетъ* выражать національной природы русскаго духа.

На мой взглядъ ничто такъ не раскрываетъ во всей ясности и осязаемости тайниковъ національнаго стремленія, ни въ чемъ такъ ярко не высказывается національная основа русскаго духа, какъ въ эпическомъ изображеніи событій, передаваемыхъ изложенной легендой и ей подобными.

Поразительно широко міросозерцаніе простого неграмотнаго необразованнаго русскаго человѣка! Для него существуетъ не только земля съ злыми людьми и злыми дѣлами, но и небо съ его правдой и съ его возмездіемъ. Зло всегда имѣетъ свою исторію, растетъ, развивается, достигаетъ своего торжества. Но рядомъ съ этой міровой стихіей живетъ и дѣйствуетъ стихія свѣта и добра, которая не только побѣждаетъ зло, но и даетъ понимать и чувствовать человѣчеству, что она побѣдоноснѣе зла, что смыслъ вселенной держится *не борьбою*, а *господствомъ* разума и правды. Этими коренными воззрѣніями, проникающими сквозь безсознательное народное сознаніе, опредѣляется для него смыслъ человѣческой жизни, задача бытія какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для государствъ и народовъ.

Это эпическое воззрѣніе настолько глубоко, настолько всеобще, что оно-то и есть главная сила, побѣждавшая всѣ историческія страды, вынесенныя плечомъ и хребтомъ русскаго народа. Оно-то и подсказываетъ безсознательному народному сознанію цѣль и смыслъ самой грамоты. Простой человѣкъ хорошо понимаетъ и чувствуетъ, что грамота сама

по себѣ есть орудіе обоюдо-острое. Она можетъ и поднимать человѣческій духъ, но она же можетъ подавлять и разслаблять его. Она можетъ научить человѣка читать идеально духовныя книги и искать правды при помощи чужаго болѣе просвѣщеннаго ума и опыта, но она же можетъ научить поддѣлывать *пачпорты*. Только тогда по безсознательному народному инстинкту, болѣе вѣрному чѣмъ кривотолки многихъ нашихъ *интеллигентовъ*, грамота имѣетъ свой подлинный историческій смыслъ, если надъ нею будетъ поставленъ руководящій принципъ, начало уясняющее міросозерцаніе, возводящее человѣка отъ земли къ небу, отъ матеріи къ духу, отъ зла къ добру.

Однако намъ надо было спѣшить на пароходъ, и мы, пробывъ съ часъ въ домикѣ при гостепріимной обители, снова размѣстились по экипажамъ; нерасходившаяся толпа провожала насъ самыми искренними пожеланіями. Но при выходѣ кучка лопарей встрѣтила министра жалобами на монастырь; насколько я могъ понять, стоя въ сторонѣ, монастырь, получивъ разрѣшеніе перенестись сюда, получилъ и необходимое позволеніе обмѣняться съ колонистами прилегающими къ нему угодьями, безъ коихъ онъ, понятно, существовать не можетъ; при этомъ обмѣнъ дѣлается со строгой справедливостью: замѣняемые участки, не уступая качествомъ колонистскимъ, больше ихнихъ, расчищенные луга при обмѣнѣ на нерасчищенные расчищаются за счетъ обители, а пока ими пользуются старые владѣльцы. Министръ, выслушавъ внимательно жалобщиковъ и услыхавъ, что они всѣмъ довольны, кромѣ того, что имъ даютъ участки справа, а св. Трифонъ завѣщалъ имъ селиться влѣво — къ Норвегіи, разъяснилъ имъ, что иначе нельзя, что они не правы, и совѣтовалъ жить въ ладу съ монастыремъ, имъ ничего кромѣ добра и пользы не приносящимъ, и, странное дѣло, жалобщики вдругъ повеселѣли и, повидьмому, остались очень довольны, точно сбывъ съ шеи непріятную повинность...

Было часа два, когда мы прибыли на берегъ. Довольно широкая Печенга превратилась сейчасъ въ рѣченку, обсохшую по берегамъ и съ мутнымъ мелкимъ ручьемъ по серединѣ.

Стоящая на водѣ пристань преобразилась въ какой-то странный остовъ, одиноко висящій въ воздухѣ; къ ней не было доступа, приходилось забирать въ сторону и искать болѣе твердаго грунта, но и тамъ переправа на другой берегъ представляла массу затрудненій и неудобствъ. Съ помощью досокъ, съ большимъ трудомъ переходили мы до русла и садились въ лодки съ огромными затрудненіями. М. И. Кази и А. Е. Конкевичъ, добравшись до лодки, стали переправлять ее на другую сторону, а я сѣлъ на дно, стараясь соблюдать равновѣсіе. Однако здѣсь не помогало никакое искусство кормчихъ, и мы нѣсколько разъ рисковали переопрокинуться и добрались до другого берега съ величайшимъ трудомъ. Но тутъ было только начало непріятнаго путешествія до парохода. Другой берегъ оказался ничто иное какъ морское дно, сейчасъ *обсохшее* на разстояніи полуторыхъ, двухъ верстъ. Вдали, верстахъ въ пяти виднѣлся „Ломоносовъ". Легкій на ходу С. И. Мамонтовъ быстро двинулся впередъ, но не сдѣлавъ къ счастію и ста шаговъ, увязъ въ жидкомъ глинистомъ грунтѣ буквально по поясъ. Приходилось помогать выбраться товарищу и затѣмъ идти одинъ за другимъ гусемъ и зигзагами вслѣдъ другъ другу, пока не добрались до прибрежныхъ кустовъ, а оттуда на болѣе твердое песчаное дно, разстилавшееся вплоть до неушедшаго съ отливомъ моря. Министра ждала тамъ шлюпка; а мы, въ ожиданіи ея возврата, расположились на сухомъ морскомъ пескѣ и кочкахъ, изнывая отъ жары, усталости и жажды и пропуская мимо ушей нотаціи кольскаго исправника, почтеннаго В. И. Смирнова, прошедшаго несмотря на свои 65 лѣтъ пѣшкомъ отъ поселка Печенги до монастыря и обратно и теперь какъ ни въ чемъ не бывало сидѣвшаго орломъ на кочкѣ и докторально предостерегавшаго насъ отъ возможной при лежаніи на сыромъ пескѣ простуды. Но мы не слушались, лежали и мечтали...

Вдали виднѣлся русскій крестьянскій поселокъ, зеленѣли: мурава, березовый лѣсокъ и прибрежные ивовые кусты, дальше синѣли горы, въ сильно нагрѣтомъ и ярко освѣщенномъ воздухѣ трепыхали чайки, свистали кулики и проносились утки.

Теплый, но сырой и сплошь покрытый лентообразными

завитками отъ ушедшаго въ дно морского червя песокъ выдѣлялъ ѣдкія, но пріятныя соляныя испаренія, бодрившія и томившія въ то же время.

Кругомъ все какъ-бы замерло... Молча дожидались мы шлюпокъ и поднялись молча при ихъ приближеніи съ сожалѣніемъ покидая эти мѣста полныя прелести и такъ много, много подсказывающія русскому чувству.

XXVI.

ЦЕРКОВЬ СВВ. БОРИСА И ГЛѢБА НА ПАЗРѢКѢ.

Мы снова въ открытомъ морѣ, въ обширномъ многоводномъ Варангеръ-фіордѣ. Изъ Печенгской губы „Ломоносовъ" повернулъ на сѣверо-западъ, держась линіи берега. Такъ прошли мы около 70 миль.

„Вонъ Столбовое становище, сказалъ капитанъ; этимъ мысомъ заканчиваются русскія владѣнія, и теперь мы идемъ вдоль береговъ Норвегіи, а часа черезъ три будемъ въ (когда-то) Пазо-губѣ, (сейчасъ) Пазо-*фіордъ*".

Дѣйствительно тутъ на мѣстѣ можно наглядно судить, что потеряла здѣсь Россія, благодаря полковнику Голямину и честной К°. Начиная со Столбового становища, пограничная черта идетъ отъ берега внутрь страны круто на югъ по рѣкѣ Варьемѣ, затѣмъ злостно вырѣзавъ у насъ площадь въ болѣе чѣмъ 800 квадратныхъ верстъ, поворачиваетъ на западъ по прямому направленію, затѣмъ снова отклоняется на сѣверъ, доходитъ до Пазрѣки и верстахъ въ семи до ея впаденія близь самой церкви Бориса и Глѣба, ломается здѣсь, не доходя бухты, и подъ тупымъ угломъ захвативъ квадратную версту на лѣвомъ норвежскомъ берегу, гдѣ церковь Бориса и Глѣба, бѣжитъ назадъ по правому берегу Пазрѣки, спускается снова и на этотъ разъ уже въ глубь страны, затѣмъ снова поднимается къ сѣверо-западу и спускается еще разъ по границѣ Улеаборгской губ. Такимъ образомъ, говоря въ общемъ, у насъ вырѣзана огромная территорія, выражающаяся по бе-

Церковь на Пазрѣкѣ.
Рис. К. А. Коровина.

реговой линіи потерей всего Варангеръ-фіорда съ губами, съ лучшей, богатѣйшей частью нашихъ береговъ, съ обширными нашими погостами: Нявденскимъ, Ровденскимъ и большей частью Пазрѣцкаго, съ лѣсами, минералами, покосами, огромными богатствами обильныхъ здѣсь звѣриныхъ, рыбныхъ и птичьихъ промысловъ. А съ другой стороны, благодаря этому построенному св. Трифономъ православному храму, мы не поплатились *еще большимъ*, удержали за собою большую территорію внутри страны, которая, не будь здѣсь этого храма, тоже могла отойти къ сосѣдямъ, ибо тогда не было бы никакихъ основаній границѣ нашей ломаться и крутиться въ разныя стороны, и не будь Печенгскаго монастыря и церкви на Пазрѣкѣ, Голяминъ конечно бы уступилъ и эти мѣста и погналъ бы пограничную линію отъ Рыбачьяго полуострова прямо на югъ, а иностранное наше министерство тѣхъ временъ *конечно* нашло бы это и возможнымъ, и удобнымъ, и естественнымъ.

Говоря же специально о Пазо-губѣ, оказывается, что вся губа принадлежитъ теперь къ Норвегіи, такъ же какъ и устье Пазрѣки, а затѣмъ, верстъ 7, 8 ниже намъ начинаетъ принадлежать *правый* берегъ вплоть до ея истока. Такимъ обра-

зомъ не поладь мы, напримѣръ, сейчасъ съ Норвегіею (я не беру въ соображеніе военнаго времени, а просто такое пограничное отношеніе, какое существуетъ между Франціей и Германіей, вызывая инциденты Шнебелэ и тому подобные), норвежцы имѣютъ право вводить въ рѣку, начиная съ пункта ея впаденія и соображаясь *только* съ ея глубиной, что и кого угодно, а мы *не смѣемъ* въѣхать изъ рѣки въ Пазо-фіордъ даже на простой лодочкѣ, ибо, еще за семь верстъ выше, мы и теперь ѣдемъ чужими водами, благодаря снисходительности ихъ владѣльцевъ (!)..

Чудный видъ представляетъ Пазо-фіордъ! Его воды сейчасъ гладки какъ зеркало и могли бы помѣстить огромный флотъ, спокойную стоянку коего гарантируютъ высокія, окружающія бухту горы. Горы эти не потопленныя на половину черныя голыя громады, какъ у насъ почти вездѣ на Мурманѣ, а полны жизни, покрыты довольно высокимъ, зеленымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ сосенъ и березняка: тамъ и здѣсь разбросаны норвежскіе домики, а у самаго входа въ бухту на мысѣ высится каменная кирка, дабы парализовать впечатлѣніе, производимое нашей церковью, какъ говорятъ.

Посреди залива небольшой, каменистый островъ, покрытый рѣдкой травой; здѣсь что-то въ родѣ мельницы диковиннаго вида, впрочемъ, что именно — неизвѣстно. Насколько узнать здѣсь что либо трудно, можно судить по слѣдующему характерному примѣру. „Ломоносовъ“ остановился почти въ самомъ началѣ бухты и сталъ давать сигналы ранѣе насъ сюда пришедшему и теперь отстоявшему отъ насъ въ двухъ, трехъ верстахъ въ глубинѣ фіорда „Мурману“. „Мурманъ“ упорно не замѣчалъ сигналовъ, и пришлось довольно долго давать свистки, пока онъ не снялся и не поплылъ по направленію къ намъ. Оказалось, что такъ какъ мы сдали Норвежцамъ бухту не промѣренной и вообще безъ всякихъ слѣдовъ и послѣдствій отъ нашего владычества, то и не знаемъ теперь ничего даже приблизительнаго о глубинѣ залива: можетъ быть тамъ дальше и дна нѣтъ, а можетъ быть такое судно какъ „Ломоносовъ“ и на мель сядетъ. Вотъ почему и былъ посланъ впередъ „Мурманъ“, все равно намъ сопут-

ствовавшій, имѣяотве эти обратно въ Россію Архангельскаго губернатора.

Мы приблизились къ пароходу. Взявъ гостей на бортъ, „Мурманъ“ доставилъ насъ до устья Пазрѣки, а отсюда мы спустились и вошли въ мелѣющую при отливѣ рѣку въ большой шлюпкѣ „Ломоносова“.

У самаго устья рѣки выдается красивый, гористый мысъ. На немъ, какъ говорятъ какой-то англичанинъ выстроилъ дачу и разбилъ тутъ великолѣпный паркъ съ дорожками, кіосками и всякими причудами, ежегодно пріѣзжая проводить здѣсь лѣто. Съ другой стороны, не вдалекѣ отъ впаденія рѣки, на норвежскомъ лѣвомъ берегу помѣщается пещера св. Трифона, гдѣ во время гоненій жилъ, скрываясь отъ преслѣдованій, святитель. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, будучи здѣсь раньше, посѣтилъ эту пещеру лѣтъ 5 назадъ и разсказывалъ, что въ ней стоитъ кіотъ съ иконою и надписью, гласящей, что кіотъ и икона сооружены экипажемъ военной шхуны „Полярная Звѣзда“ въ 1872 г.—во время ея пребыванія въ устьѣ Пазрѣки. Въ настоящую минуту вода шла на убыль, и пещера прошла высоко надъ нашими головами, такъ что добраться до нея не было-бы возможности.

Было около восьми часовъ вечера, небо подернулось облаками, отчего казалось, что наступаютъ сумерки. Благодаря отливу, наши молодцы съ большими усиліями гребли противъ сильнаго теченія. Въ воздухѣ стояло не меньше 15° Реомюра. Я опустилъ руку въ воду, и вода была почти теплая. Оба берега рѣки покрыты лѣсомъ; чуть не у самаго берега стоитъ домикъ лѣсного сторожа, украшенный на фронтонѣ рогами оленя. Въ воздухѣ рѣяли комары такими тучами, что приходилось не только дышать ими, но и вѣрить, что лѣтомъ въ Норвегіи они, подъ-часъ, застятъ солнце. Сейчасъ эта проклятая мошкора сплошь покрывала наши лица, лѣзла въ глаза, уши и ноздри, не боясь ни табачнаго дыма, ни нашихъ напрасныхъ усилій отогнать ихъ, смазываясь при проведеніи рукой по лицу въ общую массу и производя боль и зудъ и вообще впечатлѣніе приставленныхъ къ щекамъ горчичниковъ. Впрочемъ, мы относились къ этому довольно стоически: намъ

было не до того. Этотъ бывшій русскій край впивался въ душу каждому изъ насъ, все окружающее ужасно намъ нравилось, особенно послѣ нашихъ голыхъ скалъ, и поневолѣ вызывало на горькія сравненія; вдали слышался шумъ отъ водопада или падуна, по мѣстному характерному выраженію, расположеннаго за самой церковью; шумъ этотъ, какъ здѣсь говорятъ, бываетъ только при южномъ вѣтрѣ, а при нордѣ и нордъ-остѣ падунъ безгласенъ. Намъ приходилось постоянно лавировать, чтобы не наскочить на камни торчащіе изъ воды и бревна, спускаемыя выше водопада лопарями дровосѣками и здѣсь стремительно несшіяся по теченію.

Но вотъ издали доносится какъ-бы благовѣстъ и становится все явственнѣе и громче. Вотъ на лѣвомъ берегу показался мысъ съ неправильными кусками гранита въ видѣ ступеней къ водѣ и съ тощими кустами по бокамъ этой импровизированной лѣстницы. У самаго берега министра привѣтствовали: священникъ лѣтъ 60 — отецъ Константинъ Щеколдинъ, его жена и группа лопарей и лопарокъ. Мы пошли по дорожкѣ и тотчасъ же при поворотѣ очутились предъ небольшой, но красивой деревянной церковью, очевидно сооруженной недавно. Внутри церковь очень проста, но и очень благолѣпна въ то-же время, образа хорошаго письма, хорошій иконостасъ, клиросы, хоругви и никакихъ пробѣловъ и недостачъ въ алтарѣ; въ церкви большія, свѣтлыя окна и деревянный крашеный полъ. Тотчасъ же по входѣ министра начался молебенъ, а затѣмъ о. Константинъ сказалъ простое, но очень осмысленное и прочувствованное слово, пожелавъ въ заключеніе добраго пути министру и его спутникамъ.

При богослуженіи присутствовали лопари, и лопарь же стоялъ у свѣчнаго ящика; они же были и церковно-служителями и читали по-славянски; лопари же и лопарки очень недурно пѣли на клиросѣ.

Но читатель, конечно, захочетъ знать, откуда же выросла здѣсь *такая* церковь и какъ это лопари дошли до такого развитія. Отвѣтъ на это мы находимъ въ февральскихъ (1889 г.) листкахъ „Церковныхъ Вѣдомостей“. Обратившая на себя

тогда вниманіе корреспонденція изъ Лапландіи и написанная, очевидно, лицомъ, близко стоящимъ къ дѣлу, сжато, но обстоятельно знакомитъ съ современнымъ положеніемъ вещей, главнымъ образомъ, на Пазрѣкѣ, почему и приводится мною здѣсь въ извлеченіи.

„8 февраля 1888 г., настоятелемъ русской пограничной церкви свв. Бориса и Глѣба, священникомъ о. Константиномъ Щеколдинымъ, совмѣстно съ строителемъ Печенгскаго монастыря, іеромонахомъ Никандромъ, была освящена построенная по распоряженію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода первая церковно-приходская школа для дѣтей Пазрѣцкаго лопарскаго погоста, при церкви, постройка которой относится ко временамъ преподобнаго Трифона, находящейся на Пазрѣкѣ, служащей нашей границей съ Норвегіей; церковь эта бѣдная, но несмотря на древность, сохранилась до настоящаго времени. Въ 1870 году посѣтилъ полярныя страны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Пазрѣку Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Онъ былъ пораженъ убогимъ видомъ, стоящаго на самой границѣ иностраннаго государства, ветхаго храма, построеннаго 300 лѣтъ назадъ руками лопарскаго апостола, преподобнаго Трифона. По настоянію великаго князя, рядомъ съ этимъ ветхимъ храмомъ была сооружена прекрасная церковь, при которой тогда же былъ учреждень постоянный причтъ. Потомъ возникла мысль объ основаніи для пограничныхъ лопарей церковно-приходской школы. Въ 1887 году, по сношенію министерства иностранныхъ дѣлъ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, мысль о постройкѣ школы получила осуществленіе. Школу рѣшено построить въ зимнемъ лопарскомъ погостѣ, верстахъ въ 40 отъ пограничной церкви свв. Бориса и Глѣба, на берегу рѣки Колосъ - Іоки, впадающей въ Кучъ - озеро, которое въ свою очередь широкою струей соединяется съ Пазрѣкой. Лопари, кочующіе въ продолженіе весны, лѣта и осени съ одной рыболовной тони на другую, живутъ зимой осѣдло въ такъ называемыхъ зимнихъ погостахъ, слѣдовательно, имѣютъ своихъ дѣтей, обучающихся въ школѣ, всегда на глазахъ у себя. Это выгодное положеніе школы тотчасъ же сказалось на ко-

личествѣ учениковъ. Одинъ мальчикъ взятъ на счетъ священника изъ Норвегіи, гдѣ въ погостѣ Нявдемѣ, принадлежавшемъ ранѣе Россіи и имѣющемъ не мало православныхъ лопарей, около ветхой часовни (по преданію также построенной преподобнымъ Трифономъ) живетъ нѣсколько православныхъ лопарскихъ семействъ. При врожденной впечатлительности и воспріимчивости лопарей ученіе идетъ успѣшно и бойко. При устройствѣ школы важнымъ является и ея постройка; повидимому, и съ этой стороны школа удовлетворяетъ требованіямъ: она помѣщается въ высокомъ сосновомъ домѣ въ 14 вѣнцовъ".

Послѣ молебна священникъ пригласилъ гостей пить чай въ его помѣстительный и весьма уютный домъ съ высокими комнатами. О. К. Щеколдинъ извѣстенъ всѣмъ интересующимся Мурманомъ какъ просвѣтитель лопарей, 25 лѣтъ жизни уже посвятившій на эту дѣятельность. Онъ прекрасно знаетъ бытъ лопарей, ихъ нравы, обычаи и лопарскій языкъ. Всѣ ученые и туристы, за послѣднія 25 лѣтъ посѣщавшіе Мурманъ, обращались къ нему и получали всевозможныя указанія, у него же черпали большую часть изъ собранныхъ ими лопарскихъ легендъ и сказокъ. Благодаря особенно его стараніямъ и при помощи бывшаго россійскаго консула въ Вардѣ Д. М. Островскаго выстроена для лопарей школа, хорошо обставленная учебными пособіями; въ ней съ большимъ успѣхомъ обучаются десятки лопарскихъ дѣтей, отчего мѣстные лопари владѣютъ русскимъ языкомъ совершенно свободно. О. К. Щеколдинъ не ограничивается духовными и наставническими отношеніями къ лопарямъ: онъ входитъ въ ихъ жизнь, старается поднять ихъ бытъ и, какъ говорятъ, очень искусно препятствуетъ стремленію норвежскихъ властей тѣмъ или инымъ способомъ подчинить себѣ и перетянуть здѣшнихъ и другихъ нашихъ пограничныхъ лопарей.

Вообще, по словамъ нашей здѣшней администраціи и знающихъ Мурманъ лицъ, труды о. Щеколдина (и Печенгскаго монастыря) въ дѣлѣ обрусѣнія, укрѣпленія въ вѣрѣ и привязанности лопарей къ Россіи современемъ будутъ имѣть историческое значеніе. Что же касается самихъ лопарей, то

они считають его отцомъ, совѣтуются во всемъ и слушаются безпрекословно.

На всемъ Кольскомъ полуостровѣ лопарей отъ 2500 до 3000 человѣкъ. Въ прочитанныхъ мною трудахъ по нашему сѣверу существуетъ въ огромной ихъ части, противъ лопарей, какое-то странное предубѣжденіе. Ученые и господа, отправлявшіеся на малоизвѣстный Мурманъ дабы прослыть учеными по возвращеніи, туристы, капитаны пароходовъ и иные прочіе свидѣтельствуютъ о необычайной лопарской нечистоплотности, лѣности, тупости, невѣжествѣ, неподдающимся никакой культурѣ и упорядоченію, наконецъ, о томъ, что лопари вымираютъ, уступая честь и мѣсто болѣе живучимъ и культурнымъ европейцамъ. Считаю долгомъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Я сейчасъ, говоря объ ученыхъ трудахъ по поводу лопарей, между прочимъ выразился— „и лица отправляющіяся на малоизвѣстный Мурманъ дабы прослыть учеными", и такъ какъ я считаю, что nomina sunt odiosa, то это по нашей русской обидчивости можетъ задѣть и тѣхъ, которыхъ я имѣть въ виду не могъ, а потому заявляю, что дѣлая это замѣчаніе, я имѣлъ въ виду только лицъ, а вовсе не почтенную корпорацію ученыхъ вообще, хотя и долженъ сознаться, что не воображая никакъ, что издаю ученый трудъ и дѣлаю какой бы то ни было вкладъ въ науку, тѣмъ не менѣе, желая дать читателямъ возможно точное понятіе о Мурманѣ, я познакомился со многими болѣе или менѣе извѣстными учеными работами о Мурманѣ и его обитателяхъ и пришелъ къ очень странному выводу, дробящемуся на три пункта.

1) Большинство ученыхъ русскихъ и иностранцевъ въ ихъ трудахъ о Лапландіи противорѣчатъ другъ другу самымъ удивительнымъ образомъ. Одни говорятъ: лапландцы народъ высокій, другіе—низкорослый; одни заявляютъ, что всѣ они брюнеты съ карими глазами и самое короткоголовое племя, другіе— что они блондины съ сѣрыми глазами, и вовсе не самое короткоголовое племя и т. д. и т. д. Тѣ же противорѣчія о бытѣ, происхожденіи, характерѣ, культѣ, культурѣ и всемъ прочемъ, такъ что становится жутко, напримѣръ, хотя бы за наши научныя свѣдѣнія о внутренности Африки и Австраліи, когда

о странѣ, находящейся у насъ подъ бокомъ и въ рукахъ, изъ ученыхъ трудовъ нѣтъ возможности вывести какое-бы то ни было заключеніе.

2) Что же касается до исторіи края и тѣхъ или другихъ историческихъ подробностей, той или другой эпохи и промысловъ, то тѣ же скудные факты непрерывно повторяются съ ссылками на тѣхъ же: Курбскаго, Ордина, или Данилевскаго, Сидорова, Дергачева, Вл. Гулевича, Семенова, Максимова и еще на два-три почтенныхъ имени, въ числѣ коихъ я къ удивленію не читалъ имени В. О. Ключевскаго, указавшаго намъ настоящіе источники для пріобрѣтенія данныхъ о св. Трифонѣ и другихъ здѣшнихъ церковныхъ дѣятеляхъ.

3) Неточности и противорѣчія у иностранныхъ ученыхъ, особенно шведовъ или датчанъ, отчасти объясняются умышленнымъ отклоненіемъ отъ истины въ патріотическую сторону; у насъ же совершенно обратно, либо просто небрежность, либо... Кому на Руси неизвѣстно, что у насъ космополитизмъ есть почти исключительная принадлежность (хотя, конечно, далеко не безъ блестящихъ отклоненій отъ этого печальнаго правила), говорю, принадлежность купеческаго сословія и крупной части нашей ученой корпораціи; если же ученый вдобавокъ изъ купцовъ, или ему почему-либо неудобно или безцѣльно издать свой научный трудъ на иностранномъ діалектѣ, ну, тогда берегись и Россія и все русское, ибо онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не докажетъ своего космополитическаго *безпристрастія* пренебреженіемъ или индифферентностью ко всему русскому, отъ религіи и русскихъ людей до русскихъ интересовъ включительно.

Въ числѣ книгъ, просмотрѣнныхъ мною въ качествѣ источниковъ для изученія Лапландіи и Мурмана вообще, я пріобрѣлъ и книгу молодого русскаго (надо думать) ученаго. Отъ этой книги я чаялъ многаго какъ по ея объему (болѣе 50 листовъ), такъ и недавности изданія книги (всего около 4 лѣтъ) и русскому имени автора, а главное потому, что эти научные труды изданы ученымъ обществомъ, состоящимъ при университетѣ, но къ удивленію оказалось, что это почти сплошь научная компиляція и претендательное описаніе всего

того, что можно встрѣтить и у другихъ, только въ менѣе растянутомъ видѣ; къ этому, какъ новость, прибавлены тутъ же опровергаемыя таблицы и цифры, основанныя въ большей части на полицейскихъ свѣдѣніяхъ, нѣкоторыя сказки лопарей, которыя о. Щеколдинъ, ихъ собравшій цѣлую массу, охотно сообщаетъ всѣмъ желающимъ, и всякія грамоты давнымъ давно напечатанныя. Что же касается до своего личнаго вклада, то въ этомъ научномъ трудѣ авторскаго научнаго видно очень мало, если не считать того, что приводимыя здѣсь мнѣнія ученыхъ собратовъ тутъ же отвергаются, но ничѣмъ своимъ *положительнымъ* не замѣняются, что ссылки на тѣ или другія данныя (при повѣркѣ) оказываются вовсе не въ указываемыхъ авторомъ изданіяхъ, а взяты хотя и изъ показанныхъ имъ мѣстъ, но сочтенныхъ первоисточниками только по недоразумѣнію. Наконецъ, замѣчательна и окраска, которую даетъ русскій авторъ своему труду: такъ говоря о чтеніи лопарями молитвъ, онъ выражается такъ: „одинъ лопарь прочелъ *извѣстную* (!) (курсивъ мой) молитву „Богородице, Дѣво“...

Что же касается до политико-патріотическихъ воззрѣній автора, то для примѣра привожу его взглядъ на фактъ *урегулированія* Голяминымъ нашей русско-норвежской границы. Авторъ отзывается объ этой отрѣзкѣ у насъ чуть не тысячи квадратныхъ верстъ, какъ о чемъ-то весьма основательномъ, даже желательномъ, находя, что „оффиціальное раздѣленіе лишь санкціонировало то, что было выработано въ предъидущіе вѣка“ и что ранѣе отрѣзанные у насъ лопари отдѣлялись отъ оставшихся у насъ теперь и культурой, и образомъ жизни и т. д. Все это говорится послѣ того, какъ именно въ бывшихъ нашихъ погостахъ Нявденскомъ, Ровденскомъ и Пазрѣцкомъ св. Трифономъ свито гнѣздо лопарскаго православія, а церковь свв. Бориса и Глѣба теперь вырѣзана изъ *лѣваго норвежскаго* берега; вмѣстѣ съ тѣмъ осталось за-границей и до сихъ поръ не мало русскихъ православныхъ лопарей и даже русская часовня, выстроенная чуть ли не опять таки самимъ св. Трифономъ; о 800 же кв. верстъ земли, лѣсовъ, озеръ, губъ и всего Варангеръ-фіорда, стоящихъ для Россіи безъ сравненія дороже этой горсти (по наукѣ) вымирающихъ ло-

парей, да еще *различныхъ по культурѣ* съ нашими, я уже и не говорю.

Но возвращаюсь къ разсказу. Въ двухъ стахъ шагахъ отъ церкви расположенъ лопарскій погостъ; теперь онъ почти пустъ: кто на лугахъ съ оленями, кто на озерахъ и на Ледовитомъ океанѣ на промыслахъ, или въ лѣсу, почему многіе тупы пусты, вѣжъ же совсѣмъ не видать. Вѣжа, какъ извѣстно, конусообразные шалаши изъ жердей, покрываемые оленьими кожами; что же касается до тупъ, то это совершеннѣйшее жилище бабы-Яги или *избушка на курьихъ ножкахъ*. Представьте себѣ четыре деревянныхъ обрубка (у насъ въ деревняхъ употребляемыхъ вмѣсто фундамента для амбарчиковъ и нежилыхъ строеній вообще и называемыхъ стульями), на нихъ низенькій мелко-бревенчатый ящикъ съ узкой и низкой дверью, крошечнымъ окномъ, съ плохимъ очагомъ, опирающимся на груду камней внизу подъ поломъ и съ волоковымъ окномъ для дыма. Таково большинство тупъ; правда, есть и болѣе похожія на избы, но такихъ очень мало. Лѣтомъ, кромѣ того, многіе лопари откочевываютъ въ тундры или къ морю, а здѣсь мы ихъ видѣли человѣкъ много 30, считая женщинъ и дѣтей. Всѣ они малорослы, но соразмѣрны, бѣлобрысы, съ явными признаками финскаго племени; по русски говорятъ многіе, хотя и не бѣгло, но безъ акцента. Насъ встрѣтили безъ назойливаго любопытства, напротивъ, хмурились при признакахъ слишкомъ большаго любопытства у насъ, но въ то же время показывали свои длинныя, низкія и узкія сани, упряжь и утварь съ большой услужливостью. С. И. Мамонтовъ собралъ многихъ изъ лопарей и лопарокъ въ живописную группу и навелъ на нихъ фотографическій аппаратъ. Съ какою готовностью и непринужденностью стали они подъ жерло никогда не виданнаго ими аппарата, свидѣтельствуетъ чрезвычайно удачная фотографія, розданная затѣмъ С. И. Мамонтовымъ многимъ изъ участниковъ путешествія. Правда, и тутъ тупы не особенно чистоплотны и не безъ специфическаго запаха, но вѣдь это еще не доказательство неспособности племени воспринять цивилизацію; напротивъ, о ихъ талантливости я слышалъ совершенно другое мнѣніе, и

вообще результаты усилій Печенгскаго монастыря и о. Щеколдина свидѣтельствуютъ совершенно обратное. Вѣдь нечистоплотность не всегда и не вездѣ порокъ органическій. Наши крестьяне, особенно черноземныхъ губерній, гдѣ избы малы и плохи, тоже не щеголяютъ чистоплотностью; въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ я видѣлъ сотни еврейскихъ мѣстечекъ, жилища коихъ гораздо болѣе зловонны и нечистоплотны, а между тѣмъ тѣхъ же евреевъ въ слѣдующихъ стадіяхъ цивилизаціи и достатка можно видѣть во дворцахъ, чужихъ и своихъ, не уступающихъ въ чистоплотности и культурѣ самимъ европейцамъ; при всемъ этомъ южныя нечистоплотныя расы имѣютъ гораздо менѣе извиненія въ нечистоплотности, чѣмъ сѣверяне. Наконецъ мы сами, находясь на Мурманѣ лѣтомъ и въ куда какъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, все-таки не можемъ похвастать, что были столь же опрятны и аккуратны, какъ и въ Россіи, какъ мы привыкли и какъ бы этого намъ хотѣлось. Представьте же бѣдняковъ, девять мѣсяцевъ въ году живущихъ въ снѣгахъ, умывающихся ледяной водой, имѣющихъ въ распоряженіи болѣе ѣдкаго дыма и сажи, чѣмъ топлива и огня, не имѣющихъ понятія о гигіенѣ и вентиляціи, считающихъ мыло въ числѣ предметовъ роскоши, не знающихъ бани,—и послѣ этого удивляйтесь, что такіе бѣдняки нечистоплотны! Вотъ, когда предъ ними будутъ примѣры, будутъ легко добываться дрова или каменный уголь, будутъ бани (какъ здѣсь на Пазрѣкѣ, ими съ наслажденіемъ посѣщаемая), тогда появится и чистота—это первое условіе культурности, по словамъ одного нѣмецкаго ученаго, доказывавшаго какъ-то мнѣ, что главныя примѣты бòльшей или меньшей цивилизованности жителей того или другаго города—число его театровъ и количество потребленія воды и мыла.

Увѣрять, что лопари глупы, не хотятъ и неспособны къ работѣ и просвѣщенію, значитъ игнорировать, не читать чужихъ наблюденій и не дѣлать своихъ. О. Щеколдинъ и монахи Печенгскаго монастыря совершенно иного о нихъ мнѣнія, а горный инженеръ Подгаецкій, на мой взглядъ, добросовѣстно, безъ всякой предвзятости изучавшій и изучившій Мурманъ, говоритъ, что „лопари зимою живутъ по большей

части въ своихъ тупахъ внутри Кольскаго полуострова и занимаются почти исключительно оленеводствомъ. Къ лѣту большая часть ихъ переселяется къ берегу океана и выѣзжаетъ на рыбные промыслы. Въ океанѣ лопари ловятъ треску, а въ устьяхъ рѣкъ занимаются спеціально уловомъ семги. Нѣкоторые изъ лопарей добываютъ въ Кольской губѣ жемчугъ, при чемъ попадаются иногда очень хорошія и цѣнныя жемчужины. Постоянная вѣковая борьба лопарей съ суровою природою, океаномъ и тѣснящими ихъ болѣе культурными народностями, преимущественно финляндцами, выработала въ ихъ характерѣ находчивость, сообразительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ хитрость, скрытность и способность притворяться незнайкой-дурачкомъ, тамъ гдѣ это имъ выгодно. Но лопари не такъ просты, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, и если мурманскіе промышленники не берутъ лопарей къ себѣ въ работу, утверждая, что они ни къ чему непригодны, тупы и лѣнтяи, то едва ли не кроется здѣсь скорѣе безсильное озлобленіе, чѣмъ истина. Мнѣ кажется, напротивъ, что не промышленникъ не желаетъ пользоваться работой лопаря, а лопарь, понимая отлично положеніе дѣла, предпочитаетъ работу по устройству своего домашняго обихода всѣмъ прелестямъ покрутной кабалы. Послушайте только, съ какимъ врожденнымъ юморомъ и какъ иногда зло подсмѣивается лопарь надъ своими лже-просвѣтителями, русскими хозяевами промышленниками. Лопари не только прекрасно справляются съ уловомъ необходимыхъ имъ на зиму рыбныхъ запасовъ, но, продавая излишки, даже достигаютъ нѣкоторой степени зажиточности. Къ должностнымъ лицамъ и къ священникамъ, въ особенности къ послѣднимъ, лопари относятся съ большимъ довѣріемъ. Они, между прочимъ, очень религіозны, тверды въ христіанской вѣрѣ и весьма любознательны, и я не ошибусь, утверждая, что изъ всѣхъ русскихъ инородцевъ они больше всего подготовлены къ принятію высокой культуры“... и доказываютъ это усердными, осмысленными занятіями и успѣхами въ школѣ, добавлю я.

Что же касается до вымиранія лопарей, то оно не только не доказано, но и сомнительно. Нѣкоторые ученые, въ раз-

ное время пріѣзжавшіе въ Лапландію изъ Россіи, Швеціи и Норвегіи *считать* лопарей, даютъ о ихъ числѣ самыя разнорѣчивыя показанія. Одни, напримѣръ Шубертъ, доказываютъ, что въ первой половинѣ этого столѣтія въ Норвегіи, Швеціи, Финляндіи и Россіи состояло всего до 9000 лопарей, изъ коихъ 2000 на всю Россію и Финляндію. Съ другой стороны, по свѣдѣніямъ почерпнутымъ изъ географ. статист. слов. Семенова, ихъ теперь всего до 20000, при чемъ въ Финляндіи болѣе тысячи и около 2500 въ Лапландіи; по свѣдѣніямъ же Кольскаго исправника В. И. Смирнова, ихъ всего на всемъ Кольскомъ полуостровѣ менѣе 1500 челов., а въ то же время другіе документально увѣряютъ, что въ одной Кольской волости ихъ теперь до 2000 челов.; по даннымъ о смертности и рожденіяхъ по нѣкоторымъ изъ погостовъ оказываются еще болѣе противорѣчащія другъ другу и взаимно другъ друга уничтожающія показанія. Въ одномъ погостѣ населеніе увеличивается въ годъ на 10%, въ другомъ уменьшается на 6%, то опять колебанія идутъ періодически: нѣсколько лѣтъ подъ рядъ вымираетъ по 6%, затѣмъ (по Семенову) въ одинъ 1877 г. населеніе возрастаетъ сразу на 36%, въ слѣдующіе годы тоже: сперва маленькое пониженіе, потомъ приростъ. Затѣмъ по (возможно) общимъ о всѣхъ нашихъ Мурманскихъ лопаряхъ свѣдѣніямъ напр. въ 1885 г. населеніе увеличиваетсяна 18%, а въ 1884 уменьшается на 4%, словомъ то же самое, при чемъ почти всѣ, какъ стоящіе за живучесть лопарей, такъ и наоборотъ доказывающіе ихъ вымираніе, подтверждаютъ массу мертворожденій отъ перекочевокъ, натуги, невзгодъ и невыразимо тяжкихъ климатическихъ условій и то, что въ числѣ умирающихъ всегда дѣти до пяти, шести-лѣтняго возраста берутъ огромную долю въ общемъ количествѣ, доходящую въ иные годы чуть не до 40%. О. Щеколдинъ, говоря объ извѣстной ему смертности въ трехъ погостахъ, доказываетъ своими данными, что за періодъ около 20 лѣтъ въ этихъ погостахъ населеніе не увеличилось, но при этомъ указываетъ на тифозную горячку, унесшую много жертвъ въ 1871 — 1872 гг., кромѣ того на всякія эпидеміи и отсутствіе не только помощи, но и свѣдѣній о нихъ. Съ

другой стороны, Дюбенъ доказываетъ, что лопарское население какъ кочевое дѣйствительно уменьшается, а за то въ Норвегіи и Швеціи увеличивается на 4000, особенно въ Норвегіи, гдѣ осѣдлые лопари увеличились въ 20 лѣтъ на 2000 человѣкъ. Словомъ, путаница въ цифрахъ очевидна, и для русской Лапландіи и Финляндіи имѣетъ свои причины, объясненія и извиненія. Вообще мѣстные безпристрастные авторитеты полагаютъ, что всѣхъ лопарей въ нашей Лапландіи теперь до 3000 человѣкъ и что за послѣдніе 10—15 лѣтъ ихъ вообще много больше чѣмъ было, когда ни на Пазрѣкѣ, ни въ Печенгской губѣ, ни въ Колѣ, не говоря уже о другихъ мѣстахъ, они не имѣли ни такой точки опоры, какъ теперь, ни церкви, ни школы, ни защиты и, удирая отъ *двое* и *троеданничества*, перекочевывали со своими оленями въ Норвегію и тамъ осѣдали, образуя *тамъ* огромный приростъ, въ ущербъ числу здѣшняго населенія; а кромѣ того дѣйствительно счесть ихъ по трущобамъ Кольскаго полуострова и массѣ кочевыхъ фильмановъ — дѣло мудреное. Кромѣ того вымираніе дѣтей самаго нѣжнаго возраста еще не свидѣтельствуетъ о вымираніи самой расы; на вопросъ мой у лопаря на Пазрѣкѣ, почему вымираютъ дѣти въ такомъ количествѣ, послѣдній отвѣчалъ, потому что „*боль ходитъ*", а какая это *боль*, знаютъ только Господь, да глухая тундра, своихъ секретовъ не выдающая. Да и помимо *ходящей боли*, если лопарскія дѣти и вообще трудно переносятъ необычайно суровыя условія Мурмана и Лапландіи, будучи отъ нихъ совершенно беззащитны, а самоѣдскихъ грудныхъ дѣтей ихъ матери зимою на дворъ вытаскиваютъ прямо изъ-за пазухи и кладутъ голыхъ на снѣгъ, вытираютъ имъ, и перепеленавъ тутъ же, опять кладутъ за пазуху и—*ничего*, а русскія и лопарскія дѣти такихъ экзекуцій не выносятъ, то можетъ ли еще это служить (вопреки истинѣ) доказательствомъ, что русское племя и лопари на сѣверѣ вымираютъ, а самоѣды плодятся, множатся и преуспѣваютъ!

Около церкви среди довольно толстыхъ и развѣсистыхъ березъ расположено лопарское кладбище. Двѣ, три могилы обсыпались и размыты вешней водой, а потому видно, что

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Лапландскій фильманъ—владѣлецъ оленьихъ стадъ.

Рисунокъ К. А. Коровина.

подъ землею онѣ заложены досками. Невдалекѣ отъ новой церкви помѣщается старая церковка, построенная святителемъ Трифономъ въ первой половинѣ XVI столѣтія; это святыня и помимо того, что она церковь, уже по своей древности, считая за собой почти $3^1/_2$ столѣтія, а также и потому что это первая православная церковь на Мурманѣ, выстроенная самимъ св. Трифономъ по его указанію и при помощи лопарей, рубившихъ и сплавлявшихъ сюда бревна по рѣкѣ. Церковь внутри и снаружи недавно выстругана, имѣя оттого совершенно новый, вводящій въ заблужденіе видъ, но что она простояла такъ долго и притомъ не слишкомъ предалась порчѣ особенно снаружи, нѣтъ ничего удивительнаго. Здѣшній климатъ при двухъ мѣсяцахъ тепла имѣетъ свойство щадить отъ гніенія особенно нежилыя и неотапливаемыя постройки. Несмотря на бѣдность миніатюрной церкви, это цѣлый драгоцѣнный музейный отдѣлъ по иконографіи: тутъ при простотѣ, доходящей до скудности, при деревянныхъ паникадилахъ, крошечнаго размѣра, досчатаго алтаря, съ окнами изъ слюды вмѣсто стекла, въ алтарѣ этого перваго православнаго храма находятся священническія одежды св. Трифона, его евангеліе и крестъ, церковныя книги и много (такъ же какъ и въ самой церкви) иконъ весьма добропорядочнаго греческаго письма, изъ коихъ нѣкоторыя, надо думать, были уже древними въ XVI столѣтіи и шли сюда, какъ изъ Соловковъ, а слѣдовательно и изъ Москвы, такъ привезены и изъ Новгорода самимъ святителемъ. Вообще я полагаю, что этимъ драгоцѣннымъ древностямъ слѣдовало быть либо въ московскихъ музеяхъ въ отдѣлѣ россійскихъ древностей или вообще въ храмахъ и ризницахъ, тамъ гдѣ оказалось бы болѣе цѣнителей этой святыни. Не говоря уже о случайномъ пожарѣ, могущемъ уничтожить все это, съ увеличеніемъ населенія на Мурманѣ все можетъ быть незамѣтно и невозбранно расхищено, тѣмъ болѣе, что подобныя древнія церковныя принадлежности и иконы весьма цѣнятся и очень охотно пріобрѣтаются старообрядцами.

Сопровождаемые благословеніями, благодарностями и вся-

кими пожеланіями, С. Ю. Витте и мы его спутники сѣли въ шлюпку около 11 часовъ *вечера.*

Падунъ ревѣлъ, на небѣ низко надъ нами висѣли тучи, было очень свѣжо и сыро, надъ рѣкой дымился молочный туманъ и вообще все предсказывало перемѣну погоды. Начался приливъ, мы шли ходко, но съ подобающею осторожностью, чтобы въ сумрачной мглѣ не наскочить на торчащій камень и во время оттолкнуть тамъ и здѣсь крутившіяся бревна. На нашемъ берегу подъ силуэтами деревьевъ закраснѣлся костеръ. Съ боковъ изъ тумана то и дѣло справа и слѣва вырѣзывались лодочки лопарей, направлявшихъ ли бревна, вылавливавшихъ ли семгу, коей здѣсь изобилуетъ рѣка, или насъ провожавшихъ—не знаю, но рѣка была оживлена, шумѣла сама, несла сквозь туманъ голоса и явственно доносила все покрывающіе звуки родного колокола,—послѣдній привѣтъ гостямъ отъ конечнаго на сѣверо-западѣ пункта православной Россіи.

А знаете ли господа, что сегодня ночь на Ивана Купала, спросилъ кто-то среди всеобщаго молчанія?

———

XXVII.

ВЪ НОРВЕГІИ и ШВЕЦІИ.

ГОРОДЪ ВАРДӬ.

Погода, до сихъ поръ благопріятствовавшая намъ почти во все время нашего долгаго морского пути, начала портиться. Изъ Пазо-губы мы выѣхали около полуночи и попали вначалѣ подъ особенный спеціально свойственный сѣверному океану молочный туманъ, а затѣмъ подъ довольно рѣзкій сѣверо - восточный вѣтеръ его разогнавшій; тѣмъ не менѣе вѣчный день продолжалъ быть пасмурнымъ, сѣренькимъ и прохладнымъ. Министръ проработалъ у себя въ верхней каютѣ всю ночь, не спалъ и П. М. Романовъ, да и изъ насъ мало кто смыкалъ глаза по той основательной причинѣ, что черезъ нѣсколько часовъ мы, послѣ недѣльнаго пребыванія въ оторванной отъ міра пустынѣ, приближались къ европейскому городу съ телеграфомъ, почтой, газетами.... а затѣмъ снова на три дня въ пустынный Ледовитый океанъ.

Часа въ три, стоя на капитанскомъ мостикѣ, я увидѣлъ первый китобойный пароходъ. Въ слѣдующіе дни мы встрѣчали ихъ десятки и успѣли къ нимъ приглядѣться, но здѣсь онъ показался мнѣ особенно оригинальнымъ.

Представьте себѣ небольшой сильный морской пароходъ, низко сидящій въ водѣ, вмѣстительностью около 40 тоннъ. На пароходѣ толстая мачта, на вершинѣ которой корзинка, а въ корзинкѣ матросъ, напряженно съ помощью подзорной

трубки то и дѣло осматривающій со всѣхъ сторонъ разстилающуюся передъ нимъ поверхность воды, высматривая, не покажется ли гдѣ китъ. При данномъ матросомъ сигналѣ пароходъ поворачиваетъ и несется къ киту на всѣхъ парахъ. Послѣдній часто ныряетъ, мѣняя направленіе, однако въ большинствѣ бѣжать отъ парохода и не думаетъ, считая его, по мнѣнію нѣкоторыхъ моряковъ, тоже за кита.

30 лѣтъ назадъ китовый промыселъ сдѣлался особенно тяжкимъ. Киты наши хотя и меньше гренландскихъ, считаемыхъ наилучшими, тѣмъ не менѣе очень проворны, сильны, живучи и переносятъ большія потери крови. Если такой китъ и подпускалъ къ себѣ лодку и бывалъ раненъ гарпуномъ, то часто спускался такъ стремительно ко дну, что приходилось рубить канатъ или гарпунъ самъ вырывался изъ раны, и тогда китъ или уходилъ или же умирая подъ водой далеко уносился теченіемъ моря, погибая для китоловов.

Въ 1860 г. норвежцу Свенду Фойену удалось изобрѣсти спеціально для того приспособленную пушку. Пушка эта длиною въ одинъ метръ, а калибромъ до десяти сантиметровъ, помѣщается на носу парохода и поворачивается на лафетѣ на манеръ пушекъ Гочкинса. Заряжая пушку порохомъ, китобои вмѣсто ядра вставляютъ въ жерло желѣзный гарпунъ, на концѣ коего прикрѣпленъ къ ушку толстый канатъ въ нѣсколько сотъ метровъ длиною, а со стороны, обращенной къ выходу изъ жерла, привинчена коническая разрывная граната. Въ моментъ появленія кита на поверхность, наведя пушку, спускаютъ курокъ, разбивающій пистонъ. При попаданіи (впрочемъ весьма трудномъ и требующемъ особаго навыка) гарпунъ впивается въ кита вмѣстѣ съ гранатой. Тогда раненый китъ стремительно бросается впередъ и натягиваетъ канатъ, быстро развертывая его со шпульки. Отъ натяжки каната лапы гарпуна выпрямляются, расширяя рану и раздавливая пристроенную стеклянную трубку, наполненную сѣрной кислотой, смѣшанной съ бертолетовою солью, и производящую взрывъ начиненной гранаты. Если китъ не умираетъ на мѣстѣ, то получивъ страшную, разрывную рану, ныряетъ въ глубь, канатъ идетъ за нимъ и будучи при-

вязанъ къ крѣпкому шпилю парохода, не даетъ ему уйти до тѣхъ поръ, пока онъ не истощится или не умретъ. Тогда при помощи лебедки кита притягиваютъ къ пароходу и буксируютъ на заводъ, гдѣ посредствомъ пара добывается китовый жиръ, распредѣляясь на сорта, при чемъ первымъ сортомъ считается жиръ подкожный и изъ-подъ языка, продаваясь подъ-часъ по 60 фунтовъ стерлинговъ за тонну.

Это изобрѣтеніе обогатило не только изобрѣтателя, но и многихъ въ Норвегіи, хотя норвежцы, за 11 лѣтъ убивъ (по словамъ В. Гулевича) на 12 милліоновъ у себя и у насъ и разогнавъ китовъ, ушедшихъ во множествѣ къ полюсу, теперь поневолѣ довольствуются значительно меньшимъ заработкомъ.

Китобойный пароходъ „Эмма", проходившій мимо насъ, двигался съ трудомъ, таща за собой что-то длинное и большое, чего мы никакъ не могли разсмотрѣть даже въ зрительную трубу, но вскорѣ насъ поразилъ острый гнилой запахъ, какъ бы распространившійся по всему морю, и когда „Эмма" поровнялась съ „Ломоносовымъ", то мы должны были заткнуть носы отъ невозможной вони. На буксирѣ парохода тянулись три убитыхъ кита сѣровато-бѣлаго и синяго цвѣта. Пароходъ еле тащилъ эту непосильную тяжесть, и не мудрено: одинъ изъ этихъ китовъ, весь синій, не будь на пароходѣ мачты, не уступалъ бы ему размѣрами. Раздутое брюхо этого чудовища походило на перевернутую баржу, а у другого кишки и иныя внутренности далеко волочились за нимъ по морю.

Отъ Пазрѣки (или Паза-рѣки) до Вардӭ всего 48 миль, которыя „Ломоносовъ", несмотря на туманъ, сдѣлалъ въ четыре часа, такъ что въ 4 утра мы уже подходили къ гавани. Вардӭ небольшой городокъ въ 3,000 жителей, расположенный на островѣ, отдѣляемомъ отъ континента Бюссерзундомъ. Отсюда проведенъ уже телеграфный кабель на материкъ; здѣсь старинная крѣпость Вардегусъ, теперь потерявшая значеніе и только оберегаемая гарнизономъ въ 20 солдатъ; гавань города защищена легкой бетонной стѣнкой, весьма искусно сдѣланной и шутя выдерживающей напоръ океанскихъ волнъ.

На краю города, въ видѣ высокой водокачки, расположенъ холодильникъ, гдѣ замораживаютъ треску и другую рыбу, о чемъ на Мурманѣ мы вовсе и не думаемъ сплошь и рядомъ за недостаткомъ соли и сбыта, выкидывая массы загнившей рыбы обратно въ море. Вдали красуется китоловный заводъ, а по сторонамъ всюду, чуть не передъ всякимъ домомъ, висятъ ряды провяливаемыхъ тресковыхъ тушъ. Весь этотъ антуражъ и его аксессуары наполняютъ воздухъ такою вонью, что вначалѣ тошнитъ и зеленѣетъ въ глазахъ.

Гавань расположена подковой, а вокругъ въ два ряда идутъ улицы. Къ нимъ съ лѣвой стороны ведетъ деревянная узкая и грязная пристань. Едва „Ломоносовъ" бросилъ якорь, какъ мы на шлюпкѣ отправились на пристань. С. Ю. Витте и П. М. Романовъ были сегодня въ статскомъ, такъ же какъ и ротмистръ Гранъ, каваллерійская непривычка коего къ гражданскому костюму бросалась въ глаза. У пристани насъ встрѣтили какія-то мѣстныя власти, доложившія министру, что для его встрѣчи прибылъ сюда вечеромъ финмаркенскій губернаторъ [1]), находящійся сейчасъ на пароходѣ въ гавани и что они его сейчасъ пошлютъ увѣдомить. С. Ю. Витте очень просилъ не безпокоить губернатора въ такой ранній часъ и тѣмъ болѣе, что мы тотчасъ же уѣзжаемъ. Власти удалились, а мы пошли по огибающей городъ улицѣ. Домики здѣсь очень оригинальны, всѣ они небольшіе, деревянные, но по большей части въ два этажа, выстроены изъ покупаемыхъ у насъ сосновыхъ бревенъ и обиты тесомъ. Магазины и лавки тоже очень курьезные. Вонъ у булочника кромѣ вывѣски лежатъ на окнѣ булки, тамъ у окна стоятъ кружки и табакъ, а вонъ домикъ съ зеркальными стеклами; сквозь нихъ видна внутренность магазина, очевидно, одного изъ лучшихъ въ городѣ, но несмотря на зеркальныя стекла, въ магазинѣ веревокъ, крючковъ, консервовъ и еще кое-чего врядъ ли наберется на тысячу, двѣ марокъ. Около домиковъ огородки, нѣчто въ родѣ палисадниковъ, гдѣ (кое-гдѣ) растетъ чахлый картофель и кое-какая мелкая травка; за то всѣ крыши по-

---

1) Финъ-Мархія.

крыты зеленымъ дерномъ—единственной зеленью въ городѣ. Здѣсь, какъ увѣряютъ, есть аборигены, во всю жизнь не видавшіе ни деревьевъ, ни живыхъ цвѣтовъ, ни массы въ Европѣ всюду встрѣчаемыхъ птицъ и животныхъ. Да, въ такихъ городахъ и жить и умирать тяжко.

Нашъ пароходный рестораторъ очень бѣдовалъ о томъ, что у него вышли сливки и что потому кофе приходилось замѣнять чаемъ. Мѣстному пароходному агенту было поручено раздобыть сливокъ; тотъ взялъ съ собой полицейскихъ, лѣзшихъ изъ кожи, хотя бы косвенно угодить русскому министру. Надо сказать, что во всемъ городѣ чуть ли не три коровы; въ двухъ мѣстахъ ничего не оказалось, а въ третьемъ нельзя было достучаться; полиціанты взяли пожарную лѣстницу и влѣзли къ хозяйкѣ въ окно, но увы! ни сливокъ, ни даже молока все-таки не добыли.

Почту тоже отперли при помощи полицейскихъ, стучавшихъ весломъ въ окна находящейся во второмъ этажѣ квартиры почтмейстера, но и тутъ не было удачи: двѣ, три телеграммы министру, но ни писемъ, ни газетъ даже ему, а намъ и подавно. Оказалось, что, въ Петербургѣ не предвидѣли, что С. Ю. Витте будетъ осматривать все необходимое безъ роздыха и остановокъ, и опоздали сутокъ на двое. Такимъ образомъ, пришлось довольствоваться отсылкой телеграммъ.

Когда мы, обойдя городокъ, спускались къ пристани, насъ догналъ нашъ мѣстный консулъ г. Березниковъ и извинясь, что не розыскалъ министра ранѣе, сталъ просить его позволить ему ѣхать на „Ломоносовѣ“ до Трондгейма. С. Ю. Витте согласился, но заявилъ, что болѣе четверти часа ждать не можетъ. Г. Березниковъ бросился домой собираться, а мы сѣли въ шлюпку. На палубѣ „Ломоносова“ ждали А. П. Энгельгардъ и его чиновники; откланявшись министру и простясь съ нами, архангельскій губернаторъ перешелъ на „Мурманъ“, который тотчасъ же снялся съ якоря. Между тѣмъ нашъ капитанъ ждалъ приказанія сняться, но прошло 20 минутъ, а г. Березникова все еще не было; прождали еще 10 минутъ и тогда подняли якорь. Пароходъ тронулся, министръ спустился въ каюту, капитанъ сдалъ вахту помощ-

нику и также ушелъ къ себѣ отдохнуть послѣ безсонной ночи, машина разводила пары, и пароходъ шелъ очень медленно. Въ это время вдали показалась лодка, съ двумя гребцами и кѣмъ-то дававшимъ намъ сигналы. Сквозь бинокль я узналъ г. Березникова, стоявшаго держась за чемоданъ и усиленно махавшаго платкомъ, въ то время какъ лодочники гребли такъ отчаянно, что чуть не нагнали пароходъ и минуть пять ѣхали шагахъ въ 50 за кормой. Обратились къ помощнику, но тотъ не посмѣлъ остановить парохода безъ приказанія капитана. Побѣжали за нимъ. Между тѣмъ пароходъ забралъ силу и взошедшій на мостикъ капитанъ объявилъ, что лодка по крайней мѣрѣ въ полуверстѣ отъ насъ и что безъ приказанія министра или М. И. Кази задержать пароходъ или вернуться въ портъ къ лодкѣ онъ не имѣетъ права.

Мы отъ души пожалѣли запоздавшаго соотечественника, но дѣлать было нечего.

У самой гавани расположено нѣсколько голыхъ, изрытыхъ водою островковъ, до того испещренныхъ рядами чаекъ, что они издали казались покрытыми снѣгомъ, а вблизи унизанными рядами жемчуга по черному фону, что, кстати сказать, чрезвычайно красиво.

———※———

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Сѣверное сіяніе въ городѣ Гамерфестѣ.
Рисунокъ К. А. Коровина.

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Улица въ норвежскомъ городѣ Тромсё.
Рисунокъ А. В. Сѣрова.

XXVIII.

ВЪ ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ.

Брр... какъ жутко и скверно: и кругомъ, и на душѣ, и на этомъ холодномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, и на этомъ безпредѣльномъ, цвѣта растопленнаго олова океанѣ! Мы быстро идемъ на сѣверо-западъ и, выйдя въ 6 часовъ утра изъ Вардӭ, въ три часа уже огибали самую сѣверную часть европейскаго материка—мысъ Нордъ-Кинъ, имѣя съ правой стороны Нордъ-Капъ—эту крайнюю оконечность европейскихъ земель, съ которой я, съ биноклемъ въ рукахъ, не свожу глазъ. Нордъ-Капъ лежитъ подъ 71° 10′ сѣверной широты. Это скала съ совершенно отвѣсными берегами въ 300 метровъ вышины, при чемъ ея плоская вершина равняется ея основанію или, вѣрнѣе, подножію надъ поверхностью моря. Видъ роковой и величественный въ то же время! Эти черныя скалы съ покрытыми предвѣчной ржавчиной и плѣсенью ребрами, вылѣзающія изъ чернаго, какъ чернила, моря, какъ горы послѣ потопа или какъ черныя кочки изъ бездонной трясины, этотъ снѣгъ на вершинахъ, сливающійся не то съ туманомъ, не то съ задержавшимся тамъ облакомъ, и надъ всей этой грозной и грандіозной водной пустыней здѣсь неподвижное и незаходящее солнце, какъ Божье око надъ вселенной, васъ пронизывающее и подсказывающее вамъ: „прочь все и всѣ отсюда—здѣсь конецъ всякой жизни, здѣсь подножье Моего небеснаго трона, здѣсь одинъ безъ свидѣтелей прихожу Я обозрѣвать весь міръ, съ этой высоты вижу все и всѣхъ, и

ничто земное не ускользаетъ отъ Моего всевидящаго, всюду, все и всѣхъ проникающаго ока!“...

Отсюда проведенъ подводный кабель въ Европу, здѣсь туристы пристаютъ на пароходахъ и по высѣченнымъ въ скалѣ зарубкамъ, держась за проволочный канатъ, употребляютъ полтора часа, чтобы взобраться на высшее плато черной скалы и въ іюнѣ въ шубахъ, дрожа отъ холода подъ постояннымъ леденящимъ вѣтромъ, посмотрѣть *поближе* на полуночное солнце и выпить стаканъ продающагося здѣсь шампанскаго. Да, „человѣческій разумъ достигаетъ всего и побѣждаетъ все“! Но не преувеличиваемъ ли мы значеніе и смыслъ этихъ побѣдъ и не слишкомъ ли громко трубимъ о нихъ, и говоря частно о Нордъ-Капѣ: не такъ ли мизерны стоящіе сейчасъ на немъ *побѣдители вселенной*, какъ ничтожны вонъ эти чайки, рѣющія надъ этими ледяными водами, а между тѣмъ чайки легко поднимаются *значительно выше* площадки Нордъ-Капа и такимъ образомъ самостоятельно при помощи однихъ только крыльевъ, дарованныхъ имъ самой природой, во всякое время и безо всякихъ приспособленій, риска и неудачъ ближе къ вѣчному солнцу и Творцу, его зажегшему....

Миновавъ Нордъ-Капъ и обогнувъ Нордъ-Кинъ, мы часа черезъ два прошли въ виду Гаммерфеста, самаго сѣвернаго города въ мірѣ, лежащаго на 70° 40′ 11″ сѣверной широты. Городу болѣе ста лѣтъ. Онъ лежитъ на берегу моря, защищаемый полукругомъ голыхъ и мрачныхъ скалъ и окруженный китоловными заводами, которые вмѣстѣ съ ловомъ трески составляютъ смыслъ и силу его существованія. Три года назадъ Гаммерфестъ почти весь выгорѣлъ, но теперь уже оправился; тѣмъ не менѣе его видъ безотраденъ. Невдалекѣ на островѣ возвышается величественная гора Ядхи въ 1075 метровъ вышиной съ вѣчными ледниками, до коихъ отъ сотворенія міра не достигалъ ни одинъ человѣкъ.

Мы ѣдемъ шхерами, т. е. среди массы выступающихъ изъ-подъ воды камней, скалъ, горъ и острововъ. И тутъ все голо, хотя мы миновавъ Нордъ-Капъ и перемѣнили курсъ съ сѣвера на юго-западъ и въ каждый часъ, дѣлая 12 миль, мѣ-

няемъ время на нѣсколько минутъ назадъ. Здѣсь берега, острова, скалы и горы выше чѣмъ на Мурманѣ. Вообще вся мѣстность имѣетъ такой видъ, какъ будто высокій, раскаленный берегъ въ первые дни созданья, низвергнувшись изъ пространства прямо въ льдяно-холодный океанъ, отъ стужи полопался и разлетѣлся на тысячи кусковъ и осколковъ. Здѣсь плаваніе опасно, несмотря на глубину, особенно на такомъ большомъ суднѣ какъ „Ломоносовъ", и капитанъ не сходитъ съ мостика, постоянно переговариваясь по шведски съ лоцманомъ, взятымъ изъ Вардӧ.

Въ воздухѣ всего 9°, на сосѣднихъ то и дѣло осыпающихся и расположенныхъ по островамъ шиферныхъ горахъ покоится вѣчный снѣгъ, и тутъ же, гдѣ-нибудь въ лощинкѣ или у самаго берега на крошечныхъ площадкахъ, за горами, безо всякаго прохода внутрь острова, лѣпятся норвежскіе домики, два, много три—не больше, и тѣмъ не менѣе въ большинствѣ такихъ жилыхъ пунктиковъ, какъ увѣряютъ, имѣется телеграфъ, проведенъ кабель и заходятъ лѣтомъ почтовый пакеботъ и пассажирскіе пароходы. Вотъ что значитъ, когда люди живутъ дома, когда сѣверъ центръ ихъ родины, а не задворки, въ роли коихъ находится Мурманъ по отношенію къ нашему обширному отечеству.

Впрочемъ, въ большинствѣ эти домики—лѣтняя резиденція рыбопромышленниковъ и гостинницы для многочисленныхъ туристовъ, въ теченіе лѣта обильно пристающихъ на пакеботахъ къ каждому хотя чѣмъ-либо отличающемуся островку и берегу.

Къ ночи сдѣлалось теплѣе и свѣтлѣе, горы и берега стали какъ бы привѣтливѣе, ихъ контуры мягче, и черно-бурый покрытый лишаями гранитъ сталъ одѣваться въ зелено-бурый мохъ, кое-гдѣ чередуясь съ зеленоватыми лужайками; въ полночь море покрылось тепловатой молочной мглой, что, по словамъ нашихъ моряковъ, обѣщало на завтра хорошій день. Благодаря густотѣ и влажности воздуха, мы увидали явленіе чрезвычайно оригинальное. Солнце какъ бы въ зеркалѣ отражалось въ этой свѣтлой дымкѣ, образовавшей другое солнце и окружающую его радугу въ видѣ яркаго кольца.

Въ восьмомъ часу утра 25 іюня насъ увѣдомили, что „Ломоносовъ" подходитъ къ Тромсӭ, и мы поспѣшили наверхъ. На палубѣ насъ такъ и обдало тепломъ и свѣтомъ. „Ломоносовъ" шелъ вдоль холмистыхъ береговъ, покрытыхъ зеленымъ лѣсомъ, съ раскинутыми тамъ и здѣсь домиками, красныя крыши коихъ ярко выступали на солнцѣ. Еще четверть часа, и мы въ прекрасной гавани, посреди которой и по бокамъ масса пароходовъ и кораблей всякихъ размѣровъ, ранговъ и флаговъ.

Въ Тромсӭ нѣтъ и семи тысячъ жителей, но этотъ городокъ, расположенный на покатомъ берегу и окруженный невысокими, но уже вполнѣ зелеными лѣсами, играетъ роль главнаго сѣвернаго торговаго приморскаго центра Норвегіи. Кромѣ обширной торговли съ Россіей, сюда приходятъ въ изрядномъ количествѣ нѣмецкіе, англійскіе и французскіе корабли, особенно послѣдніе, закупающіе здѣсь сотни бочекъ тресковой икры, употребляемой (вѣроятно въ видѣ приманки) для ловли сардинъ. Тутъ же снаряжаются суда на тюленьи и моржовые промыслы.

Мы поднялись вверхъ по узенькой уличкѣ, гдѣ при сходѣ со шлюпки министра ему представился нашъ мѣстный вице-консулъ. Несмотря на ранній часъ, магазины и лавки уже были отворены, всюду продавались всякія принадлежности лова: веревки и бичева для рыбнаго лова среди моря (по русски [1]), оленьи шкуры, обувь, дахи, мѣховыя одежды вообще, шкуры бѣлыхъ медвѣдей и тюленей, китовыя ушныя раковины и прочее. Все это расхватывается туристами, кишащими здѣсь (особенно англичане) и расхаживающими въ

---

[1]) Поморы ловятъ треску и другую рыбу въ морѣ ярусами. Ярусъ—длинная версты на четыре веревка толщиною въ палецъ, а отъ нея на извѣстныхъ разстояніяхъ навязываются толстыя бичевки, спускающіяся какъ вѣтви отъ ствола, параллельно одна другой. На ихъ концахъ крючки, а на крючкахъ наживка: рыбка мойва, песчанка, морскіе черви или ракушки. Все это опускается на дно и затѣмъ часовъ черезъ шесть вытаскивается въ лодки вмѣстѣ съ рыбой. Такая ловля, какъ утверждаютъ нѣкоторые знатоки, практичнѣе норвежской удильной. По словамъ В. Гулевича, для Мурманской рыбной ловли ежегодно требуется до 1,250,000 крупныхъ стальныхъ крючковъ.

желтыхъ ботинкахъ, кисейныхъ каскахъ съ вуалями, съ бедекеромъ въ рукахъ.

Мы пошли по узкимъ улицамъ сначала на почту и телеграфъ, потомъ изъ любопытства куда придется. Дома и здѣсь небольшіе, деревянные, предъ ними палисадники, гдѣ, какъ рѣдкость, красуются и культивируются: низкорослая рябина и кусты широколистой многолѣтней зори, которую у насъ тщательно уничтожаютъ въ садахъ. На улицахъ среди иностранцевъ, норвежцевъ и финновъ не мало лопарей въ національныхъ костюмахъ, впрочемъ, имѣющихъ здѣсь забитый видъ: они всюду особнякомъ и вообще ими остальные какъ бы пренебрегаютъ. Случайно подошли мы къ зданію выставки, гдѣ собраны всѣ принадлежности рыбной ловли, чучела, образцы іолъ, лодокъ, рыболовныхъ и охотничьихъ снарядовъ и проч. С. Ю. Витте заинтересовался выставкой, но она открывалась въ 10 часовъ, а теперь былъ только девятый. Увѣдомленный о желаніи министра нашимъ вице-консуломъ, начальникъ города черезъ полъ-часа прибылъ съ ключами, но мы садились уже въ шлюпку, почему министръ отклонилъ возвращеніе на другой конецъ города съ вѣжливой благодарностью.

Отъ Тромсэ (или Тромсё) до Трондгейма—для насъ послѣдней пристани—около 470 миль морскаго безостановочнаго пути, другими словами двое сутокъ ускореннаго хода при подразумѣваемыхъ вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ. Но само небо взяло насъ подъ свою охрану, и все время океанъ и погода вели себя выше всякой похвалы. По отбытіи нашемъ изъ Тромсэ въ два часа дня Реомюръ поднялся до 19° тепла въ тѣни, такъ что М. И. Кази и я, не обращая вниманія, что мы еще въ Ледовитомъ океанѣ, внутри сѣвернаго полярнаго круга, наперекоръ всему этому, облеклись въ лѣтніе шелковые костюмы и, однако, не имѣли повода жаловаться на это до самаго вечера.

Страшенъ, холоденъ, дикъ и внушительно-серьезенъ Ледовитый океанъ, особенно на Мурманѣ или у Нордъ-Капа осенью, зимою при плавучихъ льдинахъ и даже лѣтомъ, когда сѣверо-восточный вѣтеръ раскачаетъ его громадные, горамъ

подобные валы. Его грозныя и въ то же время словно приниженныя прибрежныя скалы какъ бы лѣзутъ изъ опалившей и закоптившей ихъ преисподней, лѣзутъ, но не могутъ вылѣзть, воютъ и стонутъ, вторя вѣтру, леденя душу и наводя невольный безотчетный трепетъ на самыхъ смѣлыхъ, но бываютъ моменты и на этомъ грозномъ океанѣ, моменты ни съ чѣмъ несравнимые по прелести невыразимой и ни въ какомъ другомъ океанѣ невозможные, моменты ночного солнечнаго освѣщенія до того яркаго, что мы ночью зажигательнымъ стекломъ закуривали папиросы и въ полночь снимали фотографическіе портреты, или моменты полные тепла и поэтично-мягкаго свѣта, возбуждающаго воображеніе и вызывающаго произвольные для каждаго миражи на зеркальную поверхность моря, какъ вызываетъ и отражаетъ желаемые образы зеркало въ рождественскія ночи. И тогда вы на все начинаете смотрѣть иными глазами. Къ вамъ возвращаются справедливость и безпристрастіе, и вы должны сознаться, что ни въ одномъ морѣ, ни въ одномъ океанѣ, ни въ какихъ широтахъ нѣтъ такой массы и такой продолжительности свѣта, какъ здѣсь, гдѣ солнце толкаетъ къ жизни и нудитъ къ росту безъ отдыха и срока все здѣсь прозябающее и существующее, и ни въ одномъ океанѣ нѣтъ такой жизни и такого обилія и разнообразія въ рыбномъ и животномъ царствѣ вообще, какъ въ океанѣ Ледовитомъ, и такой массы изъ царства пернатыхъ, какъ здѣсь на его голыхъ берегахъ и водахъ, и опять нигдѣ нѣтъ такихъ *колоссальныхъ* представителей животнаго царства, какъ здѣшніе киты и моржи, бѣлухи и тюлени и такихъ полчищъ трески и болѣе мелкой рыбы, мѣшающей подъ-часъ грести веслами и колышащей лодки.

У норвежскихъ береговъ мы видѣли, какъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ на полъ квадратныхъ версты вдругъ закипѣло, кромѣ этого пункта вездѣ спокойное, море. Это шли легіоны сельдей. Въ теченіе пути мы встрѣтили нѣсколько десятковъ китовъ, нырявшихъ вокругъ парохода и съ нами какъ бы заигрывавшихъ. Эти чудища чрезвычайно граціозны въ водѣ, выставляя только часть головы или хребетъ совершенно такъ, какъ изобразилъ это нашъ талантливый худож-

никъ К. А. Коровинъ въ помѣщенномъ въ книгѣ снимкѣ съ его картины „Полуночное солнце“, причемъ китъ вовсе не выбрасываетъ фонтановъ, какъ невѣрно привыкли рисовать это по давно принятому обычаю. Это выбрасываніе воды скорѣе походитъ на изверженіе темнаго пара, или на работу огромнаго пульверизатора, испускающаго тьму темъ мелкихъ черноватыхъ брызгъ. А бѣлухи, касатки, дельфины, нерпы, всѣ они все время, когда море спокойно, показываются, гуляютъ и играютъ на его поверхности, чередуясь и смѣняясь одно другимъ, а эти почтенные моржи, принимающіе въ водѣ вертикальное, почти перпендикулярное положеніе, высовывая свои человѣческой формы головы десятками надъ водной поверхностью и походя, чрезвычайно, на усатыхъ померанскихъ гренадеровъ, купающихся повзводно въ жаркій день гдѣнибудь въ прибрежной части Помераніи!...

Впрочемъ, здѣсь, если пока не гренадеры, то нѣмецкіе военные матросы не въ рѣдкость. Вонъ плыветъ вдали нѣмецкій военный крейсеръ, да и самъ Германскій Императоръ любитъ бывать здѣсь въ скандинавскихъ шхерахъ. Увлекаетъ ли его здѣшняя природа, или понялъ онъ, что *именно сюда* скоро перенесутся и получатъ разрѣшеніе многіе вопросы міроваго значенія и что правы тѣ, которые доказываютъ, что рано или поздно сюда перейдетъ міровой центръ тяжести, но если Императоръ Вильгельмъ и помимо этого увлекается здѣшними фіордами и шхерами, приглашеніями охотиться на здѣшнихъ зайцевъ и здѣшней охотой вообще, то онъ, даже не гоняясь за двумя зайцами сразу, все-таки правъ, обнаруживая настоящаго цѣнителя природы и ея прелестей.

Здѣсь мѣстами предъ нами океанъ представлялся сплошнымъ зеленымъ островомъ, слегка изрѣзаннымъ тонкими, синими протоками морской воды. Тутъ есть мѣста и проходы между островов, буквально уже петербургской Морской и мало чѣмъ шире московскаго Газетнаго переулка и, однако, при глубинѣ въ 15 и 20 саженъ. Съ великой осторожностью проходили мы эти мѣста, гдѣ наравнѣ съ нами стоитъ мельница, подъ-часъ тянется и большая деревня, имѣя морской проходъ вмѣсто улицы, при чемъ и слѣва и справа

идетъ за одно жизнь двухъ острововъ. Намъ кланялись съ обѣихъ сторонъ, на нашихъ глазахъ курили трубки, пили пиво, пилили бревна или чинили снасти; тутъ же бѣгали по берегу куры, дѣти шумѣли и полоскались въ морѣ, свѣсившись съ лодки, съ крикомъ отскакивали отъ носа парохода домашнія утки...

Здѣсь, вообще, тянется большая дорога Норвегіи, здѣсь жизненный нервъ, жизненная артерія королевства, здѣсь то и дѣло, день и ночь, циркулируютъ почтовые пароходы, палубы коихъ покрыты нарядными туристами обоего пола. И они правы: здѣшними видами можно залюбоваться, дивиться ихъ разнообразію, необычайности и неожиданности. Особенно съ внѣшней стороны полярнаго круга, который мы перешли 26 іюня, въ 11 ч. утра, при 21° тепла въ тѣни! Вскорѣ затѣмъ мы уже проходили Брэнерзундъ и любовались островомъ Торгенъ съ его по формѣ единственной въ мірѣ горой Torre Hatt или Torghatten, что, надо думать, означаетъ шляпа Торра. Дѣйствительно, гора ужасно походила на шляпу, полями внизъ, къ самому морю, и если это шляпа, то кому же такая шляпа можетъ принадлежать, какъ не герою и любимцу скандинавскихъ сагъ, марсу скандинавскаго пантеона, воинственному богу Торру. Дѣйствительно, шведскій пасторъ разсказывалъ мнѣ потомъ, при осмотрѣ собора въ Трондгеймѣ, что существуетъ сага, въ силу коей, когда однажды почившіе герои собрались на пиршество въ Валгаллѣ, маленькіе злые гномы горъ вздумали имъ на этомъ островѣ устроить кошачью музыку. Взбѣшенный Торръ, давно на нихъ точившій зубы, но не могшій съ ними справиться, такъ какъ они при его появленіи разбѣгались какъ мыши по норкамъ въ глубь земли, бросилъ въ нихъ сверху своей шляпой, которая и накрыла ихъ, окаменѣвъ съ вѣками. Впослѣдствіи Торръ, какъ-то спустившись на островъ, сталъ прислушиваться, при чемъ ему показалось, что кобольды еще возятся подъ шляпой. Въ бѣшенствѣ онъ ударилъ по ней своимъ молотомъ, пробилъ ей бокъ насквозь и тогда все на вѣчно стихло. Въ самомъ дѣлѣ, въ срединѣ этой остроконечной каменной шляпы, на высотѣ около 125 метровъ, на половинѣ горы на-

ходится четырехъ-угольный туннель, проникающій черезъ всю гору съ востока на западъ, дѣлая проходъ въ 163 метра длины и отъ 7 до 10 саженъ вышины и ширины. Когда „Ломоносовъ“ проходилъ мимо восточной стороны острова, было около семи часовъ вечера, и солнце, спрятавшись за гору, вдругъ посмотрѣло на насъ, появившись не то у западнаго входа, но то зайдя ошибкой въ самый корридоръ туннеля; словомъ, мы увидали единственное, чудное, не поддающееся описанію зрѣлище!

Слава Богу, начинаетъ смеркаться, и намъ, темнымъ дѣтямъ земли, послѣ слишкомъ трехсотъ-часоваго дня, это даже пріятно. И, въ самомъ дѣлѣ, нервы, взбудораженные и натянутые отъ вызываемой вѣчнымъ свѣтомъ безсонницы, начинаютъ падать и успокаиваться, невольно чувствуется истома и позывъ ко сну. Однако нашъ, все предусматривающій и, какъ хронометръ, точный капитанъ, милѣйшій Ѳ. М. Поповъ, продолжаетъ стоять на потемнѣвшемъ мостикѣ. — Нельзя, отвѣчаетъ онъ мнѣ на мой совѣтъ лечь отдохнуть,—оно, конечно, здѣсь безопасно, да дѣло въ томъ, что надо нагнать 30 миль, упущенныхъ задержками при проходѣ этихъ бѣдовыхъ шхеръ, а то иначе завтра опоздаемъ на поѣздъ, который уходитъ изъ Трондгейма въ 11 часовъ утра....

Утромъ Атлантическій океанъ встрѣтилъ насъ довольно непривѣтливо. Солнце временами скрывалось за облаками, на палубѣ порывистый вѣтеръ срывалъ фуражки, все обѣщало бурю, но мы объ этомъ вовсе не заботились, ибо въ восьмомъ часу уже вступали въ неважную по удобствамъ гавань Трондгейма, отъ души сознавая справедливость горячей похвалы и благодарности, выраженной при сходѣ съ парохода министромъ: и русской компаніи въ лицѣ Михаила Ильича Кази, и „Ломоносову“—въ лицѣ его прекраснаго капитана и молодецкой команды.

— ※ —

XXIX.

ПО ШВЕЦІИ И ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Трондгеймъ—городъ хоть куда, настоящій европейскій, въ 25,000 жителей, съ конками, телефонами, порядочными магазинами и гостинницами. съ красавцемъ соборомъ св. Олафа, выстроеннымъ изъ мѣстнаго зеленаго камня и внутри украшеннымъ колоннами и кружевомъ изъ того же камня.

Оказалось, что министру внимательно готовятъ экстренный поѣздъ, имѣющій отойти въ два часа, вслѣдствіе чего у насъ оставалось еще много времени для осмотра города.

Трондгеймъ *считается* самымъ сѣвернымъ изъ большихъ городовъ Европы, но гг. европейцы забываютъ, что Архангельскъ врядъ ли много меньше Трондгейма и лежитъ на $\frac{1}{2}^\circ$ сѣвернѣе послѣдняго. Но что значитъ западъ и Гольфстремъ! Кругомъ Архангельска тундра, тамъ короткое лѣто и зимою стужа, а здѣсь чудная растительность, лѣто какъ въ Ирландіи, а зима какъ въ Дрезденѣ, т. е настолько мягкая, что въ здѣшнихъ домахъ не имѣется двойныхъ рамъ и его фіордъ никогда не замерзаетъ.

Осмотрѣвъ соборъ, накупивъ фотографій и жадно читая письма и старыя (мѣсяцъ не видѣнныя) газеты, мы запаслись и новыми норвежскими, благодаря тому, что переводчикъ министра, ротмистръ Гранъ, хорошо владѣетъ этимъ языкомъ. Послѣ завтрака мы съ С. И. Мамонтовымъ отправились въ частный банкъ, чтобы размѣнять наши рубли на кроны и ёры, и я былъ свидѣтелемъ весьма курьезнаго обстоятельства. Ди-

ректоръ банка, онъ же главный кассиръ, оказался весьма плохо понимающимъ европейскіе языки. Я отдѣлался сравнительно скоро, но С. И. Мамонтовъ мѣнялъ довольно значительную сумму. Солидный норвежецъ долго писалъ ему счетъ и важно выдалъ деньги. Гляжу, Мамонтовъ перечелъ деньги, но не беретъ ихъ.—Что, спрашиваю, васъ обочли?—„Какое,—обочлись на 200 кронъ сами". Смотрю, дѣйствительно такъ. „Monsieur, обращается Мамонтовъ къ директору, вы обочлись". Тотъ молчитъ. С. И. Мамонтовъ протягиваетъ ему счетъ; тотъ скользитъ по немъ глазами, говоритъ „вѣрно" и довольно пренебрежительно отсовываетъ счетъ. „Да нѣтъ же, невѣрно", убѣждаетъ С. И., указывая на ошибку въ переводѣ рублей на кроны. Норвежецъ отталкиваетъ счетъ и вскакиваетъ съ мѣста съ какимъ-то норвежскимъ нетерпѣливымъ восклицаніемъ. Все это было такъ курьезно, что я не вытерпѣлъ и разсмѣялся, что еще болѣе обозлило важнаго директора. Наконецъ, и только тогда, когда Мамонтовъ вмѣсто счета протянулъ директору 200 переданныхъ имъ кронъ, послѣдній понялъ, что ошибка не въ недочетѣ, а въ передачѣ, понялъ, перечелъ, и, Господи, какъ только можетъ измѣниться человѣкъ: куда дѣвалась и важность, и дѣловитость, и грубость, и откуда только явилась любезность! Посыпались увѣренія въ уваженіи и до дверей насъ проводили съ поклонами.

— Да, вотъ, подите же, и тутъ ошибаются, замѣтилъ выходя мой спутникъ.

— За то систематично и непогрѣшимо-дѣловито, возразилъ я.

Тостъ, провозглашенный С. Ю. Витте въ отвѣтъ на привѣтствіе шведско-норвежскаго консула за обѣдомъ въ Архангельскѣ, очевидно, обратилъ на себя должное вниманіе: здѣсь, какъ и всюду затѣмъ, русскаго министра встрѣчали съ самою дипломатическою предупредительностью, что, впрочемъ, не мѣшало остальнымъ, соприкасавшейся съ нами въ дорогѣ мелкотѣ, не забывать, что по ихъ странѣ ѣдетъ министръ финансовъ *такого* государства, какъ Россія, и за все то, что касалось переноски, доставки, перевозки и т. д., словомъ, за то, что подлежало оплатѣ не въ шведскую казну, а въ част-

ныя руки, требовать чуть не вдесятеро. Ротмистръ Гранъ, на котораго, какъ на единственнаго знатока языка были возложены счета и оплата расходовъ, пришелъ вначалѣ въ ужасъ и сталъ было протестовать, но С. Ю. Витте приказалъ платить все требуемое безпрекословно.

Поѣздъ тронулся. Несмотря на его экстренность, онъ кромѣ насъ имѣлъ и другихъ пассажировъ. Министру отвели вагонъ въ хвостѣ поѣзда, довольно удобный, хотя и скромный, но съ салономъ и балкономъ. Намъ тоже отдѣльный вагонъ хотя и II класса, но очень чистый, съ купэ и спальными диванами. Вообще на шведско-норвежскихъ дорогахъ нѣтъ I класса, или, вѣрнѣе, ихъ первый равняется нашему второму, второй ихъ—нашему третьему и, такимъ образомъ, перваго класса въ сущности нѣтъ вовсе.

Министра сопровождалъ самъ директоръ дороги, господинъ лѣтъ подъ 60, съ краснымъ лицомъ и орденами на фракѣ, въ чулкахъ и башмакахъ съ мѣдными пряжками и толстыми подошвами. Этотъ господинъ хотя и не зналъ иностранныхъ языковъ, но оказался весьма словоохотливымъ и, такъ какъ министръ ушелъ къ себѣ заниматься, постоянно говорилъ съ нами при помощи ротмистра Грана.

Ѣхать намъ приходилось цѣлыхъ 854 километра, т. е. почти 840 верстъ, такъ что мы могли попасть въ Стокгольмъ только на другой день вечеромъ. Дорога идетъ сначала вдоль фіорда, затѣмъ поднимается въ горы, спускается, поднимается опять и переваливаетъ въ Швецію. Прелести этихъ чудныхъ зеленыхъ высокихъ скандинавскихъ горъ и озеръ, лѣсовъ, водопадовъ и рѣкъ такъ грандіозны, особенно на сторонѣ норвежской, что мѣстами глаза устаютъ отъ безпрерывныхъ красотъ, душа—отъ безконечнаго наслажденія. Сама дорога представляла чрезвычайный интересъ. С. И. Мамонтовъ въ виду будущей постройки Архангельской узкоколейной дороги, взятой на себя Ярославской дорогой, гдѣ онъ предсѣдателемъ правленія, рѣшился продолжать съ нами путь спеціально съ цѣлью ознакомиться съ типомъ узкоколейныхъ шведско-норвежскихъ дорогъ и съ ихъ эксплуатаціей и могъ поздравить себя съ тѣмъ, что его поѣздка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Дѣйствительно, здѣшняя дорога ни съ какими, мною ранѣе видѣнными, въ сравненіе идти не могла. С. Ю. Витте, какъ знатокъ желѣзно-дорожнаго дѣла, тоже заинтересовался ею и поражался ея простотой и смѣлостью движенія. Станціи крошечныя, деревянныя, фундаменты и крыши аспидные, невѣроятно крутые подъемы, полотно безъ щебенки, поѣздъ, дѣлая въ общемъ до 38 километровъ въ часъ, не смущаясь мчится полнымъ ходомъ подъ крутые откосы, да еще съ закругленіями, на станціи даютъ до шести звонковъ маленькими поддужными колокольчиками, стрѣлочникамъ подаютъ сигналы рукой, звонятъ сами начальники станцій. То и дѣло проѣзжали мы корридоры изъ досокъ и деревянныя трубы для ручьевъ и потоковъ; досками же облицованы откосы, гдѣ у насъ требовалась бы солидная облицовка изъ камня. Къ вечеру мы прибыли на большую станцію, гдѣ встрѣтилъ министра генералъ-директоръ шведскихъ жел. дорогъ, имѣвшій проводить С. Ю. Витте до Стокгольма, чему министръ воспротивился. Эта большая станція, какъ многія другія, въ сущности огромный досчатый балаганъ, въ родѣ нашихъ масляничныхъ театровъ; что же касается станціонныхъ буфетовъ, то это, несомнѣнно, лучшіе въ Европѣ, не выключая и русскихъ. За крону [1]) въ часы завтрака и ужина и за полторы въ обѣдъ на вокзалѣ подаютъ цѣлый ассортиментъ всевозможныхъ рыбныхъ и мясныхъ, свѣжихъ и довольно вкусныхъ мѣстныхъ блюдъ, сервированныхъ на огромныхъ столахъ, такъ что всякій можетъ брать что и сколько угодно. При этомъ прекрасное масло, замѣчательно вкусный хлѣбъ (Knöckebröd) въ видѣ тонкихъ сухихъ лепешекъ, лососина, мороженое, сливки, ягоды, кофе, словомъ,—все возможное, исключая запрещенныхъ на вокзалѣ водокъ и вина, подающихся по особому требованію.

Часамъ къ семи на другой день (28 іюня) мы прибыли въ Упсалу и со станціи полюбовались на величественное зданіе здѣшняго университета. Кстати, замѣчательно практична и разумна эта манера германскихъ народовъ основывать свои

[1]) Около 60 копѣекъ по курсу.

научные центры поодаль отъ столицъ и политическихъ и административныхъ центровъ вообще, отчего не только въ какихъ нибудь Боннѣ или Тюбингенѣ и Лундѣ, но даже и здѣсь въ Упсалѣ, какъ разсказываютъ, общественная жизнь не захватываетъ въ свой водоворотъ ни профессоровъ, ни студентовъ, не отражаясь и на нихъ и не отвлекая ихъ отъ прямыхъ занятій и сама не отвлекаясь въ сторону. У насъ же, наоборотъ, (кромѣ города Юрьева), университеты, которые не въ столицахъ, *всѣ* въ главныхъ административныхъ и политическихъ центрахъ.

Въ дорогѣ, сойдя въ другой вагонъ, я познакомился съ нѣкоторыми изъ пассажировъ. Шведы, несмотря на свою флегму, народъ въ высшей степени самобытный и интересный, и, во всякомъ случаѣ, далеко симпатичнѣе норвежцевъ, но мы, благо они сосѣди, знаемъ ихъ очень мало и, забывъ ученые споры о нашемъ собственномъ происхожденіи и нашу древнѣйшую исторію, знали бы и того менѣе (не болѣе своихъ лопарей и Мурмана), кабы не былыя славныя войны съ ними. Но послѣ того (за эти два вѣка) мы о нихъ вовсе не думали, позабыли бы и совсѣмъ о ихъ существованіи, кабы сейчасъ не вошли въ моду ихъ Ибсены, Якобсоны, Гарборги и другіе прочіе двигатели общественной мысли и не приподняли хотя отчасти завѣсу, прикрывающую обособленную жизнь ихъ народа; но все же мы далѣе чтенія ихъ книгъ не идемъ и познать ихъ на практикѣ не желаемъ. А жаль, ибо, повторяю, Скандинавія въ бытовомъ отношеніи крайне своеобычна и интересна, а главное и помимо всего она во имя взаимной выгоды легко могла бы сдѣлаться нашимъ довольно крупнымъ хлѣбнымъ рынкомъ, тогда какъ въ настоящее время нашъ хлѣбный сбытъ въ эту страну сходитъ почти на нѣтъ.

Я вовсе не имѣю намѣренія и претензіи описывать Швецію, но пробывъ нѣсколько дней въ государствѣ и въ его столицѣ, все же хочу сказать нѣсколько словъ о томъ, какими скандинавы должны казаться съ перваго взгляда болѣе или менѣе наблюдательному туристу.

Какъ извѣстно, изъ, безъ малаго, семи милліоновъ, заселяющихъ Скандинавскій полуостровъ, раздѣленный высокими

горами почти на двѣ равныхъ половины, въ Швеціи около пяти милліоновъ жителей, а въ Норвегіи только два, при чемъ лапландцевъ и финновъ въ обоихъ государствахъ далеко менѣе ста тысячъ. Оба государства соединены уніей подъ Шведской короной [1]) при правленіи монархическомъ, теперь ограниченномъ народнымъ представительствомъ при двухъ палатахъ. Народность обѣихъ странъ принадлежитъ не только къ одному корню, но даже къ одной вѣтви; оба народа протестанты и притомъ вѣрующіе и почитающіе своихъ пасторовъ; оба трудолюбивы, чистоплотны и въ общемъ бѣдны; наконецъ, языкъ норвежскій еще ближе къ шведскому, чѣмъ къ намъ польскій, и за всѣмъ тѣмъ оба народа не скрываясь громко и явно ненавидятъ другъ друга, и эта ненависть не слѣдствіе гегемоніи шведовъ, или утѣсненія норвежцевъ, не слѣдствіе какихъ либо ссоръ или преходящихъ недоразумѣній, а повидимому, ненависть вѣчная, ненасытная, прорывающаяся и въ политикѣ, и въ жизненныхъ сношеніяхъ во всѣхъ ея отрасляхъ, и въ симпатіяхъ къ другимъ народамъ, словомъ, во всемъ, кромѣ вышесказаннаго, при чемъ норвежцы гораздо нетерпимѣе шведовъ. У норвежцевъ такъ же какъ и у финновъ (въ томъ числѣ и у нашихъ) почему-то особое поклоненіе Англіи; шведы напротивъ болѣе тяготѣютъ къ Германіи; при одинаковой монетѣ, въ Стокгольмѣ и въ Швеціи вообще охотно берутъ ассигнаціи и норвежскаго банка, а въ Норвегіи непремѣнно требуютъ *своихъ* денегъ и принимаютъ шведскія бумажки вѣжливо только отъ иностранцевъ. Флотъ шведскій не играетъ выдающейся роли въ шеренгахъ европейскихъ флотовъ, и шведы не считаютъ морское дѣло основаніемъ ихъ силы, а норвежцы прежде всего и болѣе всего моряки такіе же, какъ финны и датчане, и это весьма важно въ смыслѣ политическаго ихъ превосходства. Глядя на шведское войско, такъ и кажется, что это люди только отбывающіе службу, что нація пережила свою славу, что ихъ рыцарскіе взгляды измѣнились, а воинственный задоръ угасъ, что они устали,

[1]) Въ апрѣлѣ 1812 года, какъ извѣстно, Швеція заключила союзъ съ Россіей противъ Наполеона съ условіемъ, что она за утрату Финляндіи будетъ вознаграждена по окончаніи войны присоединеніемъ къ ней Норвегіи.

уже не мечтают вернуть стараго и потеряли жажду, по крайней мѣрѣ жажду къ славѣ и подвигамъ, но съ другой стороны живой о живомъ и думаетъ, а потому въ удобную минуту они, конечно, выступятъ въ поле, особенно если къ этому будутъ подбиты извнѣ. Ко всему этому имъ Норвегія необходима, такъ какъ и по географическому положенію, и по весьма ощутительному отсутствію дорогъ и водныхъ сообщеній внутри, Швеція держава скорѣе морская, чѣмъ континентальная, но повторяю, скорѣе съ войскомъ, чѣмъ съ флотомъ (даже торговымъ). Торговля шведовъ внѣшняя и внутренняя опять таки не велика: часть ихъ населенія живетъ (болѣе на югѣ) земледѣліемъ, такъ же какъ и дворянство гордое, но бѣдное; но своего хлѣба странѣ не хватаетъ, большинство же кормится хорошо тамъ поставленнымъ горнымъ дѣломъ и горнозаводской промышленностью (особенно желѣзной) и постройкой коммерческихъ, больше желѣзныхъ и преимущественно иностранныхъ судовъ. Кромѣ того, издавна идетъ внѣшній торгъ досками и бревнами до мачтовыхъ включительно, благодаря обширнымъ лѣсамъ, изобилующимъ дичью и расположеннымъ по горамъ и преимущественно по склонамъ горъ прибрежныхъ [1]).

Съ другой стороны, норвежцы прежде всего жители моря: рыболовы, моряки и морскіе промышленники, при чемъ, кстати сказать, у нихъ никакихъ сословныхъ различій не существуетъ. Все ихъ населеніе сконцентрировано у береговъ моря. Довольно плотно заселяя берега даже Ледовитаго океана до Гаммерфеста и крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ включительно, они въ то же время внутри страны имѣютъ (кромѣ небольшого количества центровъ) населеніе весьма рѣдкое, а въ сѣверной внутренней Норвегіи не болѣе чѣмъ въ нашей Архангельской губерніи, такъ что въ этихъ мѣстахъ населенія у нихъ приходится по 4 человѣка на одну англійскую квадрат-

---

[1]) По свѣдѣніямъ, добытымъ мною въ Германіи, торговля шведовъ лѣсомъ, преимущественно сосной и дубомъ, за послѣднее время сильно вредитъ нашей торговлѣ, въ сѣверной Германіи въ особенности, гдѣ процвѣтаетъ столярное и мебельное дѣло и существуетъ мода на сосновую лакированную мебель и на рѣзныя дубовыя лѣстницы.

ную милю. При всемъ этомъ норвежцы говорятъ, что и помимо ихъ обязанности содержать ни на что ненужнаго имъ шведскаго короля и шведское дипломатическое представительство, дѣйствующее-де вдобавокъ въ разрѣзъ ихъ желаніямъ и интересамъ, они и безъ того отъ уніи обоихъ государствъ только въ проигрышѣ, и тогда какъ Швеція безъ нихъ сейчасъ немыслима, они безъ нея существовать самостоятельно и *могутъ* и *желаютъ*, такъ какъ ихъ берега гораздо недоступнѣе шведскихъ непріятелю, а съ другой стороны склоны горъ съ ихъ бока представляютъ-де гораздо болѣе удобствъ для ихъ прохода въ Швецію, чѣмъ вторженію къ нимъ оттуда.

Судя по Э. Реклю и другимъ источникамъ, да и по словамъ самихъ шведовъ, современную Швецію съѣдаютъ двѣ болѣзни, серьезно и гибельно подтачивающія ея существованіе.

Я подразумѣваю здѣсь пьянство и распущенность нравовъ. По Реклю, свобода шведскихъ нравовъ даже сравнительно съ Франціей обращаетъ на себя вниманіе. Въ странѣ число незаконныхъ рожденій доходитъ до 11% на сто, а въ Стокгольмѣ до 38% (!), что, конечно, отражается, какъ и вездѣ, на чрезмѣрной смертности и на дальнѣйшей судьбѣ дѣтей вообще. Кромѣ того, нигдѣ столько не пьютъ какъ въ Швеціи. Еще недавно наши газеты отзывались весьма симпатично о мѣрахъ, принятыхъ противъ пьянства въ Швеціи, но мѣры эти вовсе не предохранительныя, какъ казалось нѣкоторымъ изъ нашихъ органовъ печати, а исключительно героическія, спасательныя, ибо идти дальше въ такой способъ значило прямо погибнуть и выродиться. До первой половины нашего столѣтія, когда въ Швеціи гнать спиртъ имѣлъ право всякій крестьянинъ, въ ней число винокуренныхъ заводовъ доходило до 170 тысячъ (!), при чемъ (говорятъ) спиртъ и крѣпкую водку пили какъ воду, какъ легкое вино или даже какъ утоляющій жажду напитокъ, пили (какъ здѣсь говорятъ сами) и женщины и дѣти съ теплой водой и даже голъемъ. Правда, послѣ концентраціи винокуренія и мѣръ правительства вообще число винокурень значительно сократилось, но

сократилось ли пьянство, вотъ въ чемъ роковой вопросъ! Во время пути насъ очень интересовало это казусное обстоятельство, и нѣкоторые изъ насъ обращались за свѣдѣніями къ лицу, повидимому весьма въ этомъ смыслѣ компетентному и, надо думать, старавшемуся отозваться скорѣе лучше чѣмъ хуже. „Народъ, отвѣчали намъ, трезвъ и трудолюбивъ, но остальныя сословія — вѣдь ихъ этими мѣрами остановить трудно!“ и говорившій безнадежно повелъ краснымъ носомъ и махнулъ рукою, а пробывъ два дня въ Стокгольмѣ, мы воочію убѣдились, что онъ правъ.

Въ Стокгольмѣ мы остановились въ Грандъ-Отелѣ, дѣйствительно очень хорошей гостинницѣ, изъ верхнихъ этажей коей видѣнъ весь раскинутый на островахъ красивый городъ, а напротивъ, прямо черезъ фіордъ, королевскій дворецъ, не только самое величественное и красивое въ Стокгольмѣ зданіе, но и одинъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ европейскихъ дворцовъ въ стилѣ ренесансъ, расположенный на возвышеніи надъ фіордомъ, строившійся въ теченіе болѣе столѣтія, съ перерывомъ въ царствованіе Карла XII, оконченный въ половинѣ прошлаго вѣка и заключающій въ своихъ трехъ этажахъ нѣсколько сотъ комнатъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ С. Ю. Витте отправился съ ротмистромъ Граномъ ходить по городу. Разбрелись и мы, проведя цѣлыхъ два дня въ осмотрѣ музеевъ, дворца и Ridargolm'а — церкви когда-то францисканскаго ордена, усыпальницы шведскихъ королей и въ ихъ числѣ Густава Адольфа и Карла XII, окруженнаго его барабанами, знаменами и другими трофеями. Въ смыслѣ красоты и величественности эта церковь ничего изъ себя не представляетъ. Мало того, она даже черезъ-чуръ мизерна для усыпальницы королей. Посѣтили мы и Djurgärden, не уступающій берлинскому Тиргартену и вѣнскому Пратеру, съ великолѣпными дубами и массой раскинутыхъ по немъ ресторановъ, театровъ, кофеенъ и пр. Когда намъ приходилось невольно встрѣчаться съ С. Ю. Витте, мы проходили какъ бы не зная министра, желавшаго осмотрѣть Стокгольмъ и познакомиться съ его торговлей и жизнью, не возбуждая ничьего вниманія, но на первый день намъ всѣмъ пришлось

случайно обѣдать въ одной и той же залѣ садоваго ресторана, гдѣ мы помѣстились за столомъ посрединѣ зала, а С. Ю. Витте занялъ столикъ въ углу, въ совершенной тѣни.

На другой день вечеромъ мы съ Мамонтовымъ, товарищи по помѣщенію и въ гостинницѣ, занялись самостоятельнымъ просмотромъ шведскихъ газетъ, при чемъ оказалось, что знающимъ нѣмецкій и понимающимъ англійскій языкъ сообразить напечатанное по шведски вовсе уже не такъ трудно. По крайней мѣрѣ мы разобрали хотя и не безъ труда и не совсѣмъ детально телеграмму о гибели нашего „Владиміра“ и извѣстіе, что въ столицу Швеціи прибылъ изъ арктическаго путешествія русскій министръ финансовъ съ *пятью важными русскими государственными сановниками* (!). Вообще объ этомъ путешествіи газетами трактовалось уже черезъ-чуръ много, явно, несмотря на вѣжливость личную къ гостю, этимъ самымъ доказывая, что здѣсь оно пришлось не по нутру. Что же касается общаго недружелюбія къ Россіи, то оно въ иныхъ шведскихъ газетахъ выступаетъ очень ярко, безо всякихъ стѣсненій и сплошь и рядомъ беззастѣнчиво раздуваясь и опираясь только на вымыслахъ.

Въ Стокгольмѣ, какъ сказано выше, мы пробыли два дня и пришли къ заключенію, что это очень хорошій европейскій городъ, съ массой воды и прекрасныхъ садовъ, съ дубами, липами и пирамидальными тополями въ скверахъ. Тѣмъ не менѣе, имѣя сейчасъ до 225,000 жителей, Стокгольмъ кажется меньше Одессы, а можетъ быть и дѣйствительно меньше ея, и бѣднѣе ея во всякомъ случаѣ. При всей красотѣ и чистотѣ города, въ немъ нѣтъ ничего особенно выдающагося, національнаго; даже его дворецъ какъ снаружи, такъ и внутри свидѣтельствуетъ о красотѣ *только* итальянской архитектуры, безъ примѣси чего либо своего національнаго. Статуи Шведскихъ королей и нѣсколькихъ великихъ людей: полководцевъ, извѣстнаго національнаго поэта Бельмана и другихъ, коими щедро усѣяны площади, скверы и парки, отлиты изъ чугуна и бронзы, и не будучи художественны по замыслу, въ то же время чрезвычайно аляповаты по исполненію. Магазины Стокгольма, уровнемъ не подымающіеся

выше петербургскихъ и европейскихъ магазиновъ средней руки, но щеголяютъ мѣстными произведеніями, кромѣ скромныхъ по выдѣлкѣ фарфоровыхъ издѣлій мѣстныхъ фабрикъ, разныхъ деревянныхъ кружекъ и другихъ бездѣлокъ, а также принадлежностями къ норвежскимъ національнымъ костюмамъ, фартучкамъ, рукавчикамъ и воротникамъ съ вышивками по сукну и оленьей замшѣ — работы мѣстныхъ кустарей. Здѣшніе музеи дѣйствительно обладаютъ цѣнными предметами по отдѣламъ скандинавскихъ древностей и общечеловѣческаго искусства, особенно по античной бронзѣ, итальянской и фламандской живописи и керамикѣ. Такія коллекціи могло собрать и пріобрѣсти только большое и богатое государство, какимъ и была ранѣе Швеція; теперь же эти музеи очень походятъ на остатки отъ великолѣпія временъ до-эмансипаціонныхъ у нѣкоторыхъ нашихъ родовитыхъ помѣщиковъ, въ небольшихъ и небогатыхъ столичныхъ квартирахъ или въ пошатнувшихся старыхъ деревенскихъ домахъ, въ коихъ при полномъ раззореніи ихъ владѣльцевъ еще можно найти старинное оружіе, настоящій буль, мебель жакобъ, дорогіе англійскіе и французскіе часы и саксонскіе dejeuners и сервизы, сейчасъ имъ уже не нужные, но съ коими разстаться мѣшаютъ фамильная гордость и воспоминанія о лучшихъ дняхъ.

Да и вообще шведы похожи на нашихъ помѣщиковъ жанра С. Атавы, *тѣхъ,* конечно, которые пережили, но не вынесли эмансипаціи и теперь безъ цѣлей, намѣреній и желаній равнодушно коротаютъ свой вѣкъ, декоративно маскируя предъ другими и игнорируя сами свое раззореніе, услаждая себя либеральной болтавней, ѣдой и питіями. Такого лимфатическаго спокойствія, такой непробудной, ничѣмъ непобѣждаемой общей флегмы, почти апатіи, но притомъ такой потребности ко внутреннему самовозбужденію мнѣ не приходилось видѣть еще нигдѣ. Въ нашей гостинницѣ, напримѣръ, имѣется залъ съ портретами всѣхъ властителей, скончавшихся не своей смертью; какъ говорятъ, залъ этотъ именно благодаря портретамъ притягиваетъ сюда не мало гостей за табльдотомъ. Въ здѣшнемъ кабинетѣ восковыхъ фигуръ, кромѣ смерти императора

Вильгельма, фигуръ извѣстныхъ убійцъ и извѣстныхъ жертвъ, завѣдывающій кабинетомъ показывая мнѣ сцену убійства Карно, хвалился, что пріобрѣлъ эту коляску и фигуры Карно, Казеріо, ліонскаго мэра и остальныхъ второстепенныхъ лицъ при трагическомъ событіи, раньше всѣхъ, и всего только двѣ недѣли спустя послѣ убійства, и что у него перебывалъ послѣ того весь Стокгольмъ. Судя по массѣ ресторановъ и кофеенъ съ женской, непремѣнно молодой и красивой прислугой, съ утра до вечера переполненныхъ публикой, судя по массѣ закусокъ, вина, пива, коньяку, рому, грогу, портеру, элю и шведскому пуншу, здѣсь потребляемымъ, по краснобагровымъ лицамъ посѣтителей, массѣ съ наивной граціей невинности *пробующихъ* напитки посѣтительницъ,—можно смѣло сказать, что шведская столица начинаетъ пить съ 12 часовъ дня, а къ вечеру Бахусъ и Эротъ всецѣло завладѣваютъ жителями...

Мы провели одинъ вечеръ въ ресторанѣ „Звѣринца", другой въ тѣнистомъ саду у дворца, расположенномъ на островкѣ подъ обширнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ рукавъ, соединяющій здѣсь озеро Мелларъ съ фіордомъ. Тутъ модный центральный ресторанъ и здѣсь до поздняго вечера играетъ музыка. Мы поужинали и ушли, а проходя часа два спустя, могли отчетливо видѣть съ моста, какъ одинокіе шведы съ красными отъ пунша лицами задумчиво сидѣли окруженные пустыми бутылками, принимая ухаживанія буфетчицъ и прикрывъ ноги одѣялами, которыя здѣсь въ садовыхъ ресторанахъ подаютъ желающимъ и боящимся сырости, а подъ музыку по аллеямъ гуляютъ безъ чиновъ парочками: офицеры, матросы, масса лицъ всѣхъ слоевъ общества и все это, и кавалеры и дамы, совершенно серьезно и сдержанно, какъ въ киркѣ или по крайней мѣрѣ какъ въ гросфатерѣ; только нѣмецкій гимнъ вызываетъ у публики нѣкоторое, впрочемъ опять таки сдержанное, одобреніе и при насъ повторялся въ два пріема три раза [1]). Къ намъ рус-

[1]) Извѣстный современный историкъ, нѣмецкій профессоръ и ярый патріотъ Оскаръ Іегеръ, переведенный тоже и на шведскій языкъ, не даромъ говоритъ между прочимъ, что сожалѣніе въ Швеціи и Норвегіи объ

скимъ, роковымъ образомъ повліявшимъ на ихъ ростъ и исторію, по моему милые шведы наружно по крайней мѣрѣ не питаютъ ни особенной злобы, ни ненависти, ни страсти къ мести и реваншу. Они просто стараются не думать о насъ, какъ вѣрно выразился одинъ финляндецъ, не скрывая своей злобы на такое незлопамятство шведовъ. И дѣйствительно, ничто насъ здѣсь не напоминаетъ. Въ королевскомъ дворцѣ, при массѣ дареныхъ русскихъ вещей и при множествѣ портретовъ лицъ изъ царствующихъ европейскихъ домовъ современныхъ и прошлыхъ вѣковъ и временъ, вовсе нѣтъ портретовъ лицъ Русскаго Императорскаго дома. Внѣшнихъ торговыхъ сношеній мы почти не имѣемъ, а наши *русскіе* пароходы и суда, посѣщающіе ихъ порты, принадлежатъ финляндцамъ и ихъ компаніямъ, при чемъ на нихъ даже не говорятъ по-русски.

Наши границы опять таки не непосредственныя, а чрезъ Финляндію; выше же на сѣверѣ — голыя скалы и безлюдныя съ обѣихъ сторонъ тундры; послѣ того совершенно понятно, что Россія и Швеція сейчасъ не существуютъ другъ для друга.

30-го вечеромъ министръ сѣлъ на *русскій* пароходъ Waza, на утро доставившій насъ въ Або, а 2-го іюля утромъ мы уже прибыли въ Петербургъ.

Слава Богу, захватывающее по интересу, но все же нелегкое путешествіе было закончено.

———

утерянномъ Даніей Шлезвигѣ скоро изгладилось, такъ какъ оба народа скоро-де поняли, что пріобрѣвшая силу Германія имъ не опасна, напротивъ всегда защититъ ихъ отъ тщеславныхъ замысловъ ихъ могущественной сосѣдки Россіи (!).

XXX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

БЛИЖАЙШІЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И НАДЕЖДЫ.

Я окончилъ описаніе нашего путешествія; но мнѣ бы не хотѣлось не сказать всего того, что можно еще сказать въ пользу нашего сѣвера, ссылаясь на лицъ, знающихъ этотъ край, желающихъ ему добра, изучившихъ его интересы, прочувствовавшихъ его нужды и понявшихъ, насколько удовлетвореніе этихъ „*копѣечныхъ*" интересовъ важно не только тамъ, *на мѣстѣ*, но и для всей остальной Россіи. Къ счастію, потребность поднять нашъ Мурманъ ощущается уже не одними аборигенами и знатоками; теперь и мы, остальные — душею русскіе люди, имъ и ихъ мыслямъ симпатизирующіе, понимаемъ и цѣнимъ и побужденіе Великаго Князя Алексѣя Александровича возобновить храмъ Бориса и Глѣба, названный святителемъ Трифономъ такъ *именно потому*, что эти жертвы братоубійцы — излюбленные святые всего русскаго народа отъ Петербурга до Владивостока и отъ Териберки до Ленкорани, чтимые по всей землѣ русской не менѣе Николая угодника; понимаемъ, памятуемъ и чтимъ и все то, что руководило нашимъ великимъ въ Бозѣ почившимъ Государемъ, когда онъ еще наслѣдникомъ престола обратилъ вниманіе на этотъ край и закончилъ свое многотрудное тернистое служеніе Богу, пользамъ и будущности своего обширнаго православнаго государства, остановивъ на нашемъ сѣверѣ

свой послѣдній взглядъ почти наканунѣ дня, въ который Всевышнему угодно было призвать его къ Своему престолу; понимаемъ и то, что понимаютъ и взвѣсили „просвѣщенные“, „*мѣняющіе и немѣняющіе курсъ*“ западные „мореплаватели“. Понимаемъ, наконецъ, и то, что давно понялъ русскій народъ, знающій, что если Волга матушка, будучи жизненнымъ нервомъ для всей восточной Россіи и въ то же время кормящая 12 губерній своими дарами, начиная съ воблы и кончая стерлядями и конторской икрой, то наше искони русское Студеное море можетъ кормить всѣ русскія губерніи, и все-таки всей Россіи во вѣки не опустошить, не выловить и не вычерпать этотъ безбрежный и бездонный источникъ нашего богатства. Понятно также и то, что флотъ на Мурманѣ есть не только вооруженіе нашихъ сѣверныхъ береговъ, охрана нашей, пускай, пока копѣечной торговли, а выходъ не только изъ замкнутаго моря, но, можетъ быть, даже (со временемъ) и изъ замкнутаго положенія самой Россіи. Мало того, портъ и флотъ—лучшіе колонизаторы Мурмана, какъ и всякаго другаго побережья любой страны. Я совершенно согласенъ, что удайся Россіи хотя бы путемъ направленія сюда ссылокъ и при огромныхъ жертвахъ быстро и густо заселить Мурманъ и Лапландію, конечно, лѣтъ черезъ 25, флоту все-таки volens nolens пришлось бы осѣсть тамъ для защиты ставшаго людным̀ъ и цѣннымъ побережья, но это, повторяю, и трудно и мѣшкотно, а водворись флотъ тамъ прочно сегодня, завтра тамъ не только безо всякаго понужденія, усилій и особыхъ расходовъ, но и безъ всякаго приглашенія явятся тысячи русскихъ колонистовъ и торговцевъ и другихъ всякихъ людей, и лѣтъ черезъ 25 Екатерининская дума заговоритъ о канализаціи города, а репортеры *Екатерининскаго* или вообще *Мурманскаго Вѣстника* будутъ сообщать мѣстнымъ читателямъ объ оленьихъ бѣгахъ на островѣ Кильдинѣ и о томъ, что тотализаторъ вчера за такого-то оленя побѣдителя выдалъ выигравшимъ такую то сумму. Словомъ, я хочу сказать, что Мурманъ не только быстро заселится, но и войдетъ въ общую жизнь Россіи, какъ съ мѣстными мелкими, такъ и всероссійскими, мало того, міровыми интересами.

Правда, государству вначалѣ все таки придется помочь улучшенію быта поморовъ и первымъ шагамъ первыхъ піонеровъ русской народности, вынесшихъ на своемъ хребтѣ все то, что облегчитъ и упроститъ жизнь ихъ послѣдователямъ въ скоромъ будущемъ, и этимъ положить первый основной камень для быстраго увеличенія населенія края и для не менѣе быстраго упроченія благосостоянія будущихъ колонистовъ этой пока безпріютной окраины. Такая помощь необходима тѣмъ болѣе, что, по отзывамъ знатоковъ тамошнихъ дѣлъ, на это сейчасъ уже не много и требуется, такъ какъ за послѣднія 12 лѣтъ сдѣлано болѣе, чѣмъ за два предшествовавшія столѣтія, а за послѣдніе полгода болѣе, чѣмъ за послѣднія 12 лѣтъ. Къ тому же всѣ читали, что Высочайше разрѣшена къ постройкѣ Архангельско-Вологодская линія и произведено уже для нея изысканіе на всѣ 608 верстъ, отъ Вологды до Архангельска. Проектирована и отчасти тоже изыскана цѣлая сѣть новыхъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ связать русскій европейскій сѣверъ съ русскимъ европейскимъ и азіатскимъ востокомъ; сдѣланы изысканія и на Мурманѣ, гдѣ въ этомъ году будетъ сооруженъ телеграфъ, на который уже ассигнованъ кредитъ въ 500,000 р., но *условный*, такъ какъ по изысканіямъ оказывается, что проведеніе телеграфа обойдется несравненно дешевле; увеличена сумма пособій для лицъ, желающихъ поселиться на Мурманѣ осѣдло. и вообще проектировано еще не мало благихъ мѣръ, способныхъ вдохнуть жизнь въ эти застывшія, но не вымерзшія и не вымершія, издавна русскія окраины.

Но и кромѣ того вниманіе, обращенное на Мурманъ, т. е. на наше сѣверо-западное побережье Ледовитаго океана, само по себѣ заставило обратить вниманіе и на наше сѣверо-восточное побережье.

Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли (разъ мы уже обратили вниманіе на нашъ крайній сѣверъ) связать Мурманскій берегъ, имѣющій пока не болѣе 2,000 человѣкъ осѣдлаго населенія и около 4000 прибывающихъ туда лѣтомъ промышленниковъ, регулярнымъ пароходнымъ сообщеніемъ не только съ губернскимъ центромъ—Архангельскомъ, но даже и съ

Норвегіей, а весь восточный край губерніи, такъ называемый Печорскій край, съ населеніемъ свыше 25,000 человѣкъ и съ площадью въ 47,000,000 десятинъ, съ обиліемъ морской, рѣчной и озерной рыбы, съ огромными лѣсами, изобилующими пушными звѣрьми и дичью, съ жителями занимающимися скотоводствомъ и оленеводствомъ,—оставлять безо всякаго развитія, т. е. въ положеніи, въ коемъ онъ находится сейчасъ благодаря полнѣйшей изолированности, тогда какъ протекающая вдоль всего края судоходна́я Печора впадаетъ въ тотъ же Ледовитый океанъ, слѣдовательно пароходное сообщеніе Печорскаго края съ Архангельскомъ, а черезъ то и со всей Россіей не представляетъ никакихъ затрудненій. Обратить вниманіе на это тѣмъ болѣе возможно и слѣдуетъ, что, такъ сказать, въ водахъ Печорскаго побережья находится вновь колонизуемый чрезъ самоѣдовъ островъ „Новая Земля", связанный теперь пароходными рейсами съ Архангельскомъ, а между ними, непосредственно омывая югъ Новой Земли, находятся Карскія ворота, т. е. великій сѣверный путь недалекаго будущаго.

И дѣйствительно, на все это за послѣднее время обращено энергичное вниманіе и предпринято все необходимое дабы объединить въ одно цѣлое, такъ сказать округлить циклъ и придать смыслъ нашимъ реформамъ на сѣверѣ. Въ то время какъ мы простились съ А. П. Энгельгардомъ, отправляясь изъ Вардэ на западъ, архангельскій губернаторъ отправился на „Мурманѣ" въ Архангельскъ, а оттуда на востокъ своей губерніи и съ Новой Земли имѣлъ совершить проѣздъ къ устьямъ Печоры на военномъ крейсерѣ „Вѣстникъ", *на офицеровъ и команду коего*, вмѣстѣ съ транспортомъ „Баканъ", распоряженіемъ управляющаго морскимъ министерствомъ *возложены были гидрографическія работы и производство промѣровъ* въ устьяхъ рѣки Печоры. И вотъ теперь, насколько я слышалъ, правительствомъ уже подписанъ контрактъ съ пароходнымъ обществомъ, на обязанности коего будетъ лежать срочное пароходство, имѣющее установить связь между Печорой и Архангельскомъ.

Между свѣдѣніями, время отъ времени доставляемыми мнѣ съ дальняго сѣвера лицами, подобно мнѣ глубоко сочув-

ствующими его оживленію, получено мною два сообщенія настолько интересныхъ, что я считаю возможнымъ закончить извлеченіями изъ нихъ послѣднюю главу моей книги, дабы дать читателямъ полное понятіе о томъ, что дѣлается уже сейчасъ на нашемъ сѣверѣ во имя его блага.

Первое изъ этихъ сообщеній повѣствуетъ о приступѣ къ изысканіямъ линіи новой Архангельской дороги инженерами общества Московско-Ярославской дороги. Оказывается, что тотчасъ по нашемъ проѣздѣ на сѣверъ было энергично приступлено къ дѣлу. Одиннадцать партій сразу разбросаны были на всемъ протяженіи отъ Вологды до Архангельска. Надо было въ теченіе короткаго сѣвернаго лѣта на протяженіи слишкомъ 600 верстъ, въ мѣстности, совершенно лишенной населенія, среди непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и сплошной тундры, не имѣя мало-мальски правдивой карты, безъ проводниковъ, проектировать безошибочно возможную желѣзную дорогу, дабы къ осени выслать тысячи рабочихъ для прорубки всей линіи.

Вотъ какъ описываетъ мой старинный знакомый инженеръ, завѣдывавшій самымъ сѣвернымъ участкомъ работъ, произведенное въ концѣ іюля изысканіе.

„Партія изыскателей, шедшихъ изъ Архангельска, заключалась изъ начальника партіи, производившаго выборъ направленія линіи, пикетажиста—для промѣра линіи и составленія плана ея, нивеллировщика, двадцати рабочихъ съ десятниками и до 20 рабочихъ носильщиковъ, такъ какъ брать лошадей, при полномъ отсутствіи путей, не было возможности.

„Начались изысканія съ лѣваго берега Двины, противъ города Архангельска. Перейдя пойму рѣки по прямой $8^1/_2$ вер., у деревни Исакогорки линія вошла въ сплошные лѣса, покрывающіе какъ возвышенности, такъ и низины. Впереди предстояло пройти 200 верстъ при полномъ отсутствіи жилья и какихъ-нибудь дорогъ. Пришлось организовать ручную переноску инструментовъ, багажа и провизіи, закупаемой въ Архангельскѣ, въ видѣ консервовъ, ржаныхъ сухарей и сухой трески. По мѣрѣ того, какъ линія подвигалась и мѣстами врубалась впередъ, черезъ 12 верстъ дѣлалась изба, въ которой оставалось шесть человѣкъ рабочихъ носильщиковъ для

безостановочной доставки провизіи на слѣдующій передаточный пунктъ.

„Такіе пункты получали названіе станцій, съ нумерами по порядку. Лѣса этой мѣстности пересѣкаются небольшими и неглубокими болотами, которыя мѣстами расположены на возвышенностяхъ; вышина болотныхъ мховъ достигаетъ $1^1/_2$ аршина, а самые мхи окрашены въ разнообразные оттѣнки, отъ пурпуро-красныхъ до бѣлыхъ.

„Кочевавшіе здѣсь съ своими стадами оленей самоѣды незадолго до нашего прихода откочевали на востокъ, такъ что мы не могли нанять ихъ для перевозки багажа и инструментовъ. Проводникомъ партіи служилъ мѣстный крестьянинъ изъ деревни Лахты, Кузьма, извѣстный промышленникъ, убившій на своемъ вѣку 12 медвѣдей и одинъ знавшій мѣстность отъ Архангельска верстъ на 70, гдѣ онъ промышлялъ десятки лѣтъ; далѣе же 70 верстъ и этотъ бывалый человѣкъ никогда не рѣшался проникать. Умѣнье Кузьмы оріентироваться въ сплошномъ лѣсу было поразительно: имѣя въ рукахъ небольшой компасъ и ружье, онъ служилъ намъ и проводникомъ, и охотникомъ, снабжая партію дичью. Углубившись въ лѣса, линія пересѣкла большіе Ёловскіе мхи, по наименьшему измѣренію, шириною около 2-хъ верстъ. Характерную особенность Ёловскихъ мховъ составляютъ такъ называемыя „чарусы", т. е. небольшія озера съ илистымъ дномъ и глубиною воды отъ одного до двухъ аршинъ. Самое болото частью покрыто здѣсь хилымъ и рѣдкимъ соснякомъ, который, достигнувъ толщины въ 2 — 3 вершка, замираетъ отъ порослей. Случалось видѣть срубленныя сосны, въ $2^1/_2$ вершка въ отрубѣ на столько мелкослойныя, что имъ насчитывалось *до 300 лѣтъ*, а между тѣмъ онѣ не превышали роста человѣка. Деревья эти слабы; сопротивленіе срѣзу ничтожно. Вообще картина тундры производитъ удручающее впечатлѣніе особенно полнымъ отсутствіемъ животной жизни. Мѣстами тундра переходитъ въ такъ называемый „сурадокъ", т. е. лѣсъ на слегка заболоченной почвѣ, верхній слой которой мшисто-перегнойный. Крупныя болота, имѣющія названіе „химболы", обойдены линіею съ восточной стороны. Лѣ-

томъ болота эти и недоступны, и опасны, такъ какъ верхняя кора не выдерживаетъ тяжести человѣка. Только опытный промышленникъ можетъ пройти ими. Перейдя затѣмъ край Колокольныхъ мховъ, которые тянутся къ западу и соединяются съ одной стороны съ Химболами, а съ другой съ Іерусалимскими болотами, мы подошли къ рѣкѣ Обокшѣ, впадающей въ Двину. На рѣкѣ этой была поставлена станція № 3-й. Рыбы въ рѣкѣ очень много, по преимуществу щукъ и окуней, но уловы ея производятся только зимою; лѣтомъ же ловятъ только удочками, такъ какъ берега рѣки заболочены и рыба скрывается подъ нависшимъ съ береговъ кустарникомъ и мхомъ. У станціи № 3-й, изъ имѣвшагося подъ рукой матеріала, были устроены кладовыя на столбахъ, по образцу самоѣдскихъ „лобазовъ". Безъ этой предосторожности провизія была бы уничтожена грызунами, которые наполняютъ архангельскіе лѣса. Вокругъ столбовъ, на нѣкоторомъ возвышеніи отъ земли, дѣлается изъ бересты родъ зонтика, черезъ который мелкіе хищники перейти не въ силахъ.

„Рѣка Обокша, какъ сказано выше, вытекаетъ изъ болотъ Химболы и прорѣзаетъ каменистый кряжъ, гдѣ теченіе ея весьма быстро. За Обокшей мѣстность значительно повышается. Возвышенность эта извѣстна подъ именемъ Кремянныхъ горъ и покрыта прекраснымъ строительнымъ лѣсомъ, по преимуществу сосновымъ. Здѣсь много озеръ большихъ и малыхъ; проведеніе линіи между ними весьма затруднительно, ибо они соединяются между собою большими и малыми протоками и окружены болотами. По берегамъ ихъ зимой производится заготовка лѣсныхъ матеріаловъ для Архангельскихъ лѣсопильныхъ заводовъ. Зимою рубятъ лѣсъ, свозятъ къ озерамъ и протокамъ, а весною, вслѣдъ за ледоходомъ, сплавляютъ по рѣкѣ Лаѣ. Лѣснымъ промысломъ занимаются крестьяне, пріѣзжающіе сюда изъ дальнихъ деревень, забираютъ съ собою провизію и фуражъ и ночуютъ въ становищахъ у костровъ въ сильнѣйшіе морозы.

„Въ царствованіе императора Николая I, на берегу одного изъ Лайскихъ озеръ, въ непроходимой лѣсной трущобѣ находился поселокъ бѣглыхъ преступниковъ. Правительство

выслало противъ нихъ солдатъ, часть бѣглыхъ была захвачена, многіе разбѣжались, и деревни были сожжены. До сихъ поръ еще видны остатки погребовъ; по сказанію жителей, здѣсь зарыты крупные клады. Углубляясь все далѣе въ лѣса, положеніе партіи становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Доставка пищи удлиннилась до 80 верстъ, не рѣдко выходили всѣ сухари, и тогда приходилось промышлять дичь. По счастію, въ этомъ году былъ обильный выводъ глухарей и рябчиковъ. Отдѣленные восьмидесяти-верстнымъ разстояніемъ отъ жилья, рабочіе падали духомъ и пропадали или уходили обратно. Обѣщаны были мѣсячныя награды тѣмъ, которые дойдутъ до конца изысканій, но такихъ оказалось только 10 человѣкъ. Погода становилась пасмурною, ежедневно шелъ то дождь, то снѣгъ. Мѣнять платье и думать нечего было: въ виду истомленности людей все, что только возможно было, пришлось бросить, въ томъ числѣ были брошены даже палатки. Ночевали у костровъ, сложенныхъ по мѣстному обычаю: срубалась толстая сухая ель, два обрѣзка ея, по сажени длиною, клались одинъ па другой и расклинивались клиньями; внизу разводили огонь; такой костеръ не потухалъ всю ночь. Съ одной стороны костра ставились щиты изъ сучьевъ, которые отражали тепло на спящихъ у костра людей. Благодаря дождямъ и влажности почвы, сырость была такъ велика, что мы промокали насквозь. Оптическіе инструменты приходилось нагрѣвать у костра: стекла изнутри покрывались каплями воды. Наконецъ, по приблизительному разсчету, оставалось не болѣе 20 верстъ до встрѣчи съ партіею, шедшей съ юга отъ села Яковлевскаго, но извѣстій о ней не было никакихъ. На сжигаемыя по вечерамъ ракеты отвѣта не было. Между тѣмъ провизія подходила къ концу; доставка ея совершенно затруднилась: рабочіе, окончательно обезсилѣвшіе, почти всѣ ушли. Одинъ изъ нихъ, какъ мы потомъ узнали, пропалъ безъ вѣсти. Въ глухой мертвенной тундрѣ положеніе становилось критическимъ. Вернуться,—но на обратный далекій путь не хватитъ ни силъ, ни пищи. Наконецъ, рѣшено было сдѣлать рекогносцировку къ югу для розыска встрѣчной партіи. Оставивъ часть рабочихъ въ лагерѣ при инструментахъ, взявъ

сухарей на двое сутокъ, котелокъ, компасъ и ружье, начальникъ партіи съ двумя охотниками отправился на розыски. Шли цѣлый день на югъ по меридіану, принявъ въ разсчетъ склоненіе магнитной стрѣлки; на деревьяхъ дѣлали зарубки, чтобы можно было разыскать обратный путь. Наконецъ, послѣ томительныхъ розысковъ, впереди послышался стукъ топора,—при безвѣтріи въ лѣсу слышно очень далеко. На стукъ дано было нѣсколько выстрѣловъ, но отвѣта на нихъ не послѣдовало. Подвигаясь впередъ,—набрели наконецъ на свѣжую просѣку, пройдя по которой версты двѣ, къ великой радости, пришли въ лагерь встрѣчной партіи, которая хотя также оказалась въ нуждѣ и безъ рабочихъ, но сравнительно все-таки въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ въ 40 верстахъ отъ нея было село Яковлевское. Сомкнувъ линіи, обѣ партіи пошли въ село Яковлевское, расположенное на берегу Обозеры.

„Въ с. Яковлевскомъ 260 жителей. Это единственное поселеніе оказавшееся на двухсотверстныхъ изысканіяхъ сѣверной партіи. Населеніе крайне бѣдное, занимается лѣснымъ и охотничьимъ промыслами. 26-го сентября изысканія на сѣверномъ участкѣ были окончены, а въ общемъ результатѣ линія въ 608 верстъ трасирована по кратчайшему разстоянію отъ Вологды прямо на сѣверъ и подходитъ прямо къ городу Архангельску на лѣвомъ берегу Сѣверной Двины, пересѣкая по пути рѣки Вологду, Сухону, Кубину и много значительныхъ рѣкъ и рѣчекъ, разбросанныхъ среди тундръ и болотъ“.

Еще интереснѣе письмо изъ Архангельска. Описывая путешествіе архангельскаго губернатора на Новую Землю, оно въ то же время сообщаетъ о совершенно неожиданномъ и неизвѣстно какъ попавшемъ на нашъ сѣверъ бѣдствіи, врядъ ли имѣющемъ закончиться этимъ годомъ. Въ половинѣ сентября въ Архангельскѣ появилась холера. Началась она съ прибывшихъ съ Мурмана двухъ поморовъ и фельдшера. Поморы умерли, а фельдшеръ сошелъ съ ума. Изъ Архангельска холера была занесена въ Колу, гдѣ умерло 27 человѣкъ, и въ Кемь, гдѣ погибло до 30 человѣкъ. Къ счастію, несмотря на отсутствіе карантиновъ, признанныхъ губернато-

ромъ безполезными, на Мурманѣ не было ни одного холернаго случая. Но въ самомъ Архангельскѣ она произвела полнѣйшую панику, благодаря неожиданности, отсутствію бараковъ, скудности больницъ и ничтожнаго количества докторовъ, тѣмъ болѣе, что въ два первыхъ дня холера выхватила изъ 20,000 жителей города 300 жертвъ. При паникѣ никто не шелъ въ санитары, не брался хоронить. Губернаторъ превратилъ въ санитаровъ всю полицію до послѣдняго человѣка, при чемъ всѣ полицейскіе посты въ городѣ временно передалъ войскамъ. Къ полиціи присоединились сестры милосердія, и въ первые дни фельдшерскій ученикъ исполнялъ обязанности кухарки. Полицейскіе солдаты спали на полу у холерныхъ коекъ, они же были и могильщиками. Власти начали дезинфецировать суда, устраивать временныя больницы, совѣтовали не употреблять соленую рыбу и сырую воду. Народъ, видя, что власти не потерялись, сталъ слушаться совѣтовъ и нѣсколько дней спустя нашлась масса желающихъ поступить на пріемные пункты и въ санитарные отряды; на седьмой день, холера унесшая 60% изъ заболѣвшихъ, стала ослабѣвать и недѣлю спустя совершенно прекратилась. Упоминаю объ этомъ, нигдѣ не напечатанномъ обстоятельствѣ, какъ о наглядномъ доказательствѣ, насколько нашъ сѣверъ пока не обезпеченъ въ годины бѣдствій и тѣмъ не менѣе въ тоже время показываетъ себя развитѣе и благоразумнѣе нашего юга.

Вернувшись изъ Вардэ въ Архангельскъ и снарядивъ экспедицію, А. П. Энгельгардъ 5 іюля вмѣстѣ со своимъ правителемъ канцеляріи, на котораго было возложено завѣдываніе снабженіемъ Ново-Земельскихъ поселенцевъ всѣмъ необходимымъ и разсчетъ съ поселенцами за сбытые въ Архангельскѣ продукты ихъ промысловъ отплылъ на Новую Землю. Кромѣ того съ губернаторомъ отправились докторъ Большесольскій и еще двое лицъ изъ служащихъ по личному желанію.

Отправляясь изъ Архангельска на пароходѣ „Ломоносовъ“, губернаторъ везъ съ собою на Новую Землю: 38 человѣкъ новыхъ поселенцевъ, изъ самоѣдовъ Мезенскаго и Печорскаго уѣздовъ, которые были снабжены надлежащею одеждою, ско-

рострѣльными ружьями съ патронами и другими орудіями для промысловъ; вновь срубленный въ Архангельскѣ и въ разобранномъ видѣ погруженный на пароходъ домъ для проживающихъ на Новой Землѣ іеромонаха и псаломщика (на постройку этого дома, перевозку и постановку его на мѣстѣ отпущено изъ суммъ св. Синода 5,000 р.); годичный запасъ предметовъ продовольствія для всѣхъ прежнихъ и новыхъ поселенцевъ [1]), равно какъ новый запасъ пороху и патроновъ для производства промысловъ; нѣсколько новыхъ лодокъ для выѣздовъ въ море на промыслы, а для передвиженій поселенцевъ по материку—нѣсколько десятковъ собакъ; для постановки новаго дома и для ремонтированія существующихъ зданій на Новой Землѣ

Самоѣды на Новой Землѣ.
Рис. В. А. Сѣрова.

---

[1]) Въ настоящее время всѣхъ поселенцевъ самоѣдовъ мужчинъ и женщинъ на Новой Землѣ до ста человѣкъ.

(на что, въ свою очередь, назначено 2,000 руб.), отвезены туда плотники и печники, и, наконецъ, для отопленія означенныхъ жилыхъ помѣщеній перевезено 120 саженъ дровъ.

По прибытіи на Новую Землю 8-го іюля, посѣтивъ существующія тамъ становища въ Кармакулахъ и у Маточкина Шара, А. И. Энгельгардъ, въ видахъ расширенія колонизаціи по Ново-Земельскому материку, выбралъ еще мѣсто для новаго становища на Гусиной Землѣ у Бѣлужьей губы, въ бухтѣ Гагарка, куда и перемѣстились уже, съ частію новыхъ поселенцевъ, нѣкоторые изъ бывшихъ тамъ ранѣе самоѣдовъ, въ качествѣ руководителей новопріѣзжихъ въ предстоящихъ имъ занятіяхъ промыслами и вообще въ новыхъ условіяхъ ихъ жизни. Такимъ образомъ, съ настоящаго времени на Новой Землѣ будетъ уже три населенныхъ пункта: сѣверное становище у Маточкина Шара, гдѣ особенно удачно промышляютъ бѣлыхъ медвѣдей; среднее—въ Кармакулахъ, гдѣ промышляются тюлени, бѣлухи, песцы и частью дикіе олени, и южное—у Гусинаго носа, близь коего водятся въ изобиліи дикіе олени, тюлени, рыба „голецъ" (изъ породы семги) и разныя птицы.

Пробывъ на Новой Землѣ нѣсколько дней, А. П. Энгельгардъ совершалъ довольно значительныя экскурсіи и внутрь материка, знакомясь такимъ образомъ съ природою острова, а спутники губернатора, пользуясь этими экскурсіями, составляли гербаріи и коллекціи изъ предметовъ мѣстной флоры и минераловъ. Изъ выѣздовъ въ море особенно было интересно посѣщеніе острова, который носитъ названіе „Птичій базаръ". Буквально весь названный островъ представлялъ изъ себя одну сплошную массу пернатыхъ, притомъ на столько плотную, что скалистые утесы острова являлись какъ бы покрытыми движущимся ковромъ, ткань котораго вовсе не имѣетъ опредѣленнаго фона, а состоитъ изъ одного лишь пестраго узора. Основаніемъ для названія этого острова Птичьимъ *базаромъ*, помимо описанной массы тамъ всевозможныхъ птицъ, послужилъ несмолкающій здѣсь ни днемъ, ни ночью птичій гомонъ, который еще издали напоминаетъ собою гулъ рыночной площади, а при приближеніи

къ острову переходитъ въ столь ужасающій гамъ, что разслышать тутъ другъ друга даже сидящимъ рядомъ невозможно. Чтобъ составить полное понятіе о густотѣ птичьяго населенія въ указанной мѣстности, достаточно добавить, что въ означенную экскурсію тамъ пойманы были десятки птицъ прямо руками. Да иные какіе либо способы едва ли и были возможны, такъ какъ употребленіе въ дѣло ружья въ данномъ случаѣ представлялось довольно рискованнымъ. Встревоженная выстрѣломъ и спугнутая съ мѣста милліардная масса пернатыхъ могла поставить нарушившихъ покой ихъ въ крайне затруднительное положеніе, даже просто сбить съ ногъ или столкнуть въ пропасть или въ воду. По крайней мѣрѣ потомъ, когда на обратномъ пути съ Птичьяго Базара, въ приличномъ уже отъ него отдаленіи, изъ любопытства—что̀ будетъ, все-таки сдѣланъ былъ по направленію къ острову залпъ, и эхо его раскатилось по царству пернатыхъ, то въ отвѣтъ оттуда послышался цѣлый ураганъ отъ шума крыльевъ и птичьяго крика.

Въ итогѣ описанныхъ экскурсій и посѣщеній Новой Земли и близьлежащихъ къ ней острововъ образовался цѣлый музей различныхъ предметовъ, характеризующихъ природу и жизнь этого полунощнаго пункта; въ собранныхъ и привезенныхъ оттуда въ Архангельскъ коллекціяхъ особенное разнообразіе представляютъ собою чучела птицъ и морскихъ звѣрей, въ числѣ послѣднихъ даже три экземпляра утробныхъ; затѣмъ множество птичьихъ яицъ, различныя раковины, окаменѣлыя водоросли, образцы горнаго хрусталя и аспида, ползучихъ древесныхъ растеній и цвѣтовъ. Коллекція эта передана въ музей Губернскаго Статистическаго Комитета.

Несмотря на сравнительную доселѣ незначительность поселенцевъ на Новой Землѣ, которые сначала всѣ сгруппированы были въ Кармакульскомъ становищѣ, а потомъ уже часть ихъ переселилась къ Маточкину Шару, вопросъ о новыхъ мѣстахъ для поселенія началъ назрѣвать уже тамъ и самъ собою, вслѣдствіе чего два самоѣдскія семейства сами выселились изъ Кармакулъ въ другія мѣста, главнымъ образомъ

потому, что при скученности въ одномъ поселеніи они мѣшали другъ другу въ производствѣ промысловъ.

Въ средѣ обитателей Новой Земли (іеромонаха о. Іоны и псаломщика, фельдшера съ семьею и самоѣдовъ) за истекшую зиму ни смертныхъ случаевъ, ни даже заболѣваній скорбутомъ, благодаря принятымъ мѣрамъ, тамъ не было. Плодотворно очевидное вліяніе іеромонаха о. Іоны на поселенцевъ-самоѣдовъ, которые, покончивъ совсѣмъ съ язычествомъ, охотно посѣщаютъ построенный для нихъ тамъ православный храмъ, несутъ туда свои посильныя лепты, въ видѣ свѣчей, ставимыхъ ими передъ иконами, и затѣмъ никогда не выѣзжаютъ на промыселъ, не отслуживъ предварительно молебна въ церкви. Не безуспѣшно идетъ тамъ и обученіе самоѣдскихъ дѣтей грамотѣ мѣстнымъ псаломщикомъ и фельдшеромъ; теперь же при вновь свезенномъ туда и сооружаемомъ нынѣ причтовомъ домѣ, состоящемъ изъ 5 комнатъ, предполагается устроить и особую школу.

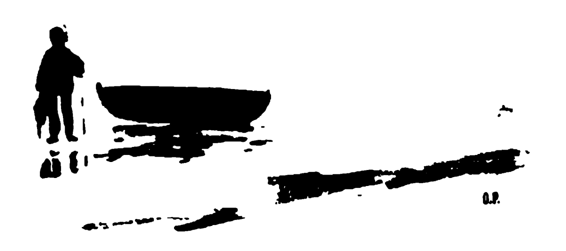
Зданія поддерживаются, а поселенцы снабжаются всѣмъ имъ необходимымъ, начиная съ продовольствія. На сооруженіе новыхъ и на ремонтъ существующихъ зданій на Новой Землѣ отпущены въ нынѣшнемъ году въ распоряженіе губернатора особыя суммы, на счетъ которыхъ и отправлены туда какъ строительные матеріалы, такъ и рабочіе; въ отношеніи же содержанія поселенцевъ и снабженія всѣмъ необходимымъ практикуется слѣдующій способъ: содержаніе пароходнаго сообщенія между Архангельскомъ и островомъ возложено на Товарищество Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства, которое получаетъ за это правительственную субсидію по 5/тыс. рублей за навигацію. Въ теченіе навигаціи на Новую Землю совершается всего два рейса: первый въ началѣ іюля, когда, по разсчетамъ, омывающія Новую-Землю океанскія воды освобождаются отъ льдовъ, и второй — осенью, большею частію въ первыхъ числахъ сентября. Съ послѣднимъ изъ рейсовъ, отправляется на Новую Землю годовой запасъ продуктовъ продовольствія для поселенцевъ, порохъ, патроны и пр.; все это сдается тамъ въ складъ, завѣдываніе которымъ

возложено на фельдшера; фельдшеръ же выдаетъ изъ означенныхъ запасовъ каждому изъ поселенцевъ то, что ему нужно, и записываетъ въ долговую книгу, по лицевому счету каждаго кредитующагося,—что именно и на какую сумму отпущено изъ склада; въ свою очередь каждый изъ поселенцевъ въ общій же складъ сдаетъ все, что онъ промыслитъ, а фельдшеръ, принимая эти продукты промысловъ, записываетъ, кѣмъ и что именно сдано въ складъ. Въ первый рейсъ слѣдующаго затѣмъ года командируемый губернаторомъ чиновникъ принимаетъ отъ фельдшера упомянутые продукты промысла по именному списку собственниковъ и съ обозначеніемъ—что именно принадлежитъ каждому изъ нихъ, а изъ долговой книги въ томъ же спискѣ дѣлаетъ отмѣтки о количествѣ и стоимости взятаго изъ склада каждымъ изъ поселенцевъ; тогда же дѣлается и спросъ поселенцевъ о томъ, кому и что именно требуется привезти по осени изъ Архангельска на слѣдующую зиму. Затѣмъ увезенные съ Новой Земли продукты промысла поселенцевъ продаются въ Архангельскѣ на аукціонѣ, а изъ вырученной суммы, за отчисленіемъ извѣстнаго % съ валовой выручки на образованіе запаснаго капитала, предназначаемаго на общія колонизаціонныя потребности, покрывается долгъ каждаго поселенца по продовольственному складу; остатокъ же, или обращается на заготовку предметовъ по вновь сдѣланному заказу поселенца, или же записывается чистою выручкою по счету каждаго; о результатахъ этихъ разсчетовъ поселенцамъ-промышленникамъ объявляется по осени тѣмъ же командируемымъ чиновникомъ.

За то время, какъ дѣло это находится въ вѣдѣніи Архангельскаго губернатора [1]) при указанномъ выше способѣ реализированія Ново-Земельскихъ промысловъ, большею частію покрывались всѣ расходы по снабженію поселенцевъ продовольственными припасами и др. предметами. Для наглядности привожу здѣсь валовыя цифры оборотовъ за послѣдніе четыре года: въ

[1]) Лѣтъ восемь назадъ переселеніе было въ вѣдѣніи Арханг. Окружн. Общества спасанія на водахъ, такъ какъ первоначально сооруженныя на Новой Землѣ зданія исключительно предназначались для пріюта экипажей въ случаяхъ крушенія судовъ.

$18^{90}/_{91}$ г. поселенцами забрано было продуктовъ продовольствія и др. предметовъ на 1,752 р., выручено же за ихъ промыселъ 2,050 р.; въ $18^{91}/_{92}$ г. забрано на 2,583 р., выручено 4,228 р.; въ $18^{92}/_{93}$ г. забрано на 2,473 р., выручено 4,665 р. и въ $18^{93}/_{94}$ г. забрано на 2,863 р., а выручено 3,781 р. Такимъ образомъ оказывается, что общая цѣнность добычи Ново-Земельскихъ поселенцевъ-промышленниковъ въ значительной степени превышаетъ сумму стоимости ихъ потребностей, такъ что и за от-

Бухта на Новой Землѣ.
Рис. В. А. Сѣрова.

численіемъ съ валовой выручки до 12% на образованіе особаго запаснаго капитала, предназначеннаго для удовлетворенія разныхъ нуждъ по развитію колонизаціи на Новой Землѣ, въ личную пользу поселенцевъ за приведенные выше годы получились все-таки весьма солидные остатки. Правда, означенная прибыль распредѣляется соотвѣтственно личной добычѣ каждаго изъ нихъ, поэтому есть, конечно, между поселенцами и такіе, долгъ которыхъ не покрывался стоимостію ихъ добычи, но за то у многихъ изъ нихъ образовались уже и значительныя денежныя сбереженія, которыя и внесены об-

щей суммой въ контору банка для храненія и приращенія процентами, такъ какъ, будучи всѣмъ вполнѣ обезпечены, собственники сказанныхъ сбереженій въ наличныхъ деньгахъ не имѣютъ надобности; о томъ же, кому именно и въ какой суммѣ принадлежатъ упомянутыя сбереженія, каждому изъ собственниковъ выдана разсчетная книжка за подписью губернатора. Кромѣ того, изъ упомянутыхъ выше ежегодныхъ отчисленій въ 12% съ валовой выручки за продаваемые продукты Ново-Земельскихъ промысловъ образовался еще за указанное время и запасный капиталъ (къ 1894 году его было на лицо 1,200 р.), служащій оборотнымъ фондомъ и предназначенный на оказаніе первоначальной, на тѣхъ же изложенныхъ выше условіяхъ, помощи новымъ поселенцамъ на Новой Землѣ. На счетъ этого же источника снабжены и въ настоящемъ году всѣмъ необходимымъ вновь отправленные туда 38 человѣкъ самоѣдовъ. По мѣрѣ того, какъ капиталъ этотъ будетъ увеличиваться, несомнѣнно будетъ развиваться и самая колонизація Новой-Земли; охотники же селиться туда, при столь льготныхъ условіяхъ, имѣются постоянно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Считаю необходимымъ слѣдующее поясненіе относительно рисунковъ. Всѣ они фототипированы съ подлинныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ съ натуры нашимъ молодымъ талантливымъ художникомъ Коровинымъ и отчасти художникомъ Сѣровымъ, тоже пользующимся заслуженной извѣстностью. Молодые люди, увлеченные разсказами, вскорѣ по нашемъ возвращеніи не побоялись отправиться на Мурманъ и вернулись полные впечатлѣній и со множествомъ этюдовъ. Картина г. Коровина „Сѣверное сіяніе въ Гамерфестѣ", воспроизведенная въ этой книгѣ, по отзывамъ критики одна изъ выдающихся на текущей московской художественной выставкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ поправить двѣ опечатки, вкравшіяся въ книгу въ надписяхъ подъ рисунками г. Сѣрова. На нѣкоторыхъ рисункахъ подписанныхъ А. В. Сѣровъ, слѣдуетъ читать В. А. Сѣровъ, а рисунокъ „Трифоно-Печенгскій монастырь" (стр. 168) принадлежитъ не А. К. Коровину (какъ гласитъ надпись), а В. А. Сѣрову.

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Рыбная пристань въ Архангельскѣ. Рисунокъ К. А. Коровина.

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Поморскія Шняки въ Архангельскѣ. Рисунокъ А. В. Сѣрова.

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Годовикъ Соловецкаго монастыря. Рисунокъ А. В. Сѣрова.

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Святой Носъ. Рисунокъ К. А. Коровина.

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Полночное солнце на Мурманѣ. Рисунокъ К. А. Коровина.

Становище Териберка на Мурманѣ. Рисунокъ К. А. Коровина.

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Устье рѣки Териберки. Рисунокъ К. А. Коровина.

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Сентябрь въ Печенгѣ. Рисунокъ К. А. Коровина.

Фототипія К. Фишеръ. Москва.

Водопадъ св. Трифона. Рисунокъ К. А. Коровина.

Фототипія К.   шеръ. Москва.

Лопарскій поселокъ на Пазрѣкѣ. Рисунокъ А. В. Сѣрова.

Фототипія К Фишеръ. Москва.

Норвежскій городъ Вардё. Рисунокъ А. В. Сѣрова.

Фототипія К. Фишеръ.

Нордъ-Капъ. Рисунокъ К. А. Коров

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" продаются книги того же автора:

Болгарія въ періодъ террора и анархіи. Ц. 2 р.

Правдивые разсказы. Томъ I. Ц. 1 р. 25 к.

Румелійскій переворотъ. Ц. 1 р.